



Яна Петрова

Я научу тебя не бояться

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Яна Петрова

Я научу тебя не бояться

«Автор»

2026

Петрова Я. Л.

Я научу тебя не бояться / Я. Л. Петрова — «Автор», 2026

Даша - девушка, которая с ранних лет познала, что такое боль, предательство и одиночество. Неродные родители, буллинг в школе, парень-абыюзер - её жизнь превратилась в бесконечный кошмар, где не было места надежде на счастье. Она привыкла прятаться, бояться и молчать, не веря, что когда-нибудь сможет почувствовать себя в безопасности. Всё меняется, когда в её жизни внезапно появляется Никита - парень с добрым сердцем и тёплым взглядом. Он с первого же дня защищает её, не требуя ничего взамен. Постепенно он учит её доверять и любить. Это история о том, как любовь способна исцелить самые глубокие раны. О том, как два человека, встретившись в самый тёмный момент, смогли найти свет друг в друге. О том, что даже после самой холодной зимы наступает тёплая весна. "Я научу тебя не бояться" - это трогательный роман о преодолении внутренних страхов и силе настоящей любви. О том, что каждый человек заслуживает счастья, даже если жизнь убеждает в обратном.

© Петрова Я. Л., 2026

© Автор, 2026

Яна Петрова

Я научу тебя не бояться

Глава 1. Новая школа

Октябрь за окном школьного класса был серым и мокрым. Капли дождя методично разбивались о стекло, оставляя мутные дорожки, которые делали московскую окраину похожей на размазанный акварельный набросок. Внутри класса пахло старым деревом парт, мелом и лёгкой затхлостью, свойственной большинству школ России.

На доске были написаны формулы кинематики. Физичка, низенькая женщина с усталыми глазами, монотонно выводила мелом графики скорости на доске, но половина класса откровенно клевала носом. Вторая половина сидела в телефонах, пряча их под тетрадями.

Никита сидел за второй партой у окна. Он даже не шевелился, но чувствовалось, что он здесь хозяин. Не в смысле наглый или властный, а в смысле спокойный и уверенный. Это был парень восемнадцати лет. Рост в 180 сантиметров позволял ему возвышаться даже сидя. Его каштановые волосы были чуть взлохмачены, а карие глаза внимательно скользили по записям на доске. Широкие плечи обтягивала простая чёрная футболка, и весь его облик говорил о силе, которая не нуждается в демонстрации.

Внезапно скрипнула дверь, и в класс вошёл директор. Сухой мужчина с портфелем, который он носил с собой везде.

— Альбина Сергеевна, — кивнул он учительнице. — Извините за беспокойство. Пришлось вмешаться.

Физичка с раздражением отложила указку. Класс оживился: сейчас будет какая-то новость.

— У нас сегодня пополнение, — директор обвёл взглядом ряды. — Десятый класс, встречайте. Новенькая девочка перевелась из школы номер сто сорок семь.

Он сделал шаг в сторону, и за его спиной показалась она. Даша. Никита почувствовал, как по классу пробежал лёгкий шумок. Девчонки зашептались, оценивая одежду, парни — внешность.

Даша стояла на пороге, как кролик перед удавом. Её чёрные, как смоль, волосы были длинные и распущенные. Кожа у неё была почти прозрачной, а огромные карие глаза, тёмные и

глубокие, смотрели в пол. На ней была свободная, почти безразмерная толстовка серого цвета, которая скрывала её миниатюрную фигуру, делая её ещё более беззащитной. Ей было тоже восемнадцать лет. Никита отметил про себя: красивое лицо. Очень красивое. Но она словно прятала его, будто боялась, что кто-то увидит её и скажет ей что-то неприятное.

— Её зовут Даша, — продолжил директор. — Девочка у нас... э-э... талантливая. Знает английский, говорит на нем свободно и рисует. Так что вы, ребята, будьте добры, встретьте ее как родную. Не обижайте.

Последняя фраза прозвучала как предупреждение.

Директор перевёл взгляд на класс и остановился на месте за Никитой, где сидел невысокий, но крепкий парень по имени Влад. Влад был известен в школе тем, что умел больно щипать девочек и подставлять подножки. Он ухмыльнулся, предвкушая развлечение.

— Даша, садись пока сюда, одно место рядом с Владом свободно, — директор указал на место позади Никиты. — Влад, пододвинься.

Даша сделала шаг. Её белые кроссовки бесшумно ступали по линолеуму. Она шла, опустив голову, чувствуя на себе десятки взглядов. В них читалось любопытство, а у некоторых — откровенная неприязнь. Когда она проходила мимо стола, за которым сидела компания местных «звёзд», одна из них, Аня, громко шепнула подруге:

— Ну и мешок. Из детдома что ли? Или с помойки?

Даша вздрогнула. Она слышала каждое слово. Её щёки вспыхнули алым румянцем стыда, который был виден даже под светом ламп дневного света.

Но в этот момент произошло то, чего она не ожидала.

Парень, сидевший впереди, тот высокий красавец с каштановыми волосами, вдруг медленно обернулся. Он не сказал ни слова, но его глубокий голос, который Даша ещё даже не слышала, словно прозвучал в тишине её собственной головы. Он посмотрел на Влада, который уже развалился на стуле, отодвинув её будущее место. Никита просто взглянул. Без агрессии. Без злобы. Но Влад, перехватив его взгляд, почему-то мгновенно сел ровно и убрал сумку со стула, освобождая место для Даши.

Никита снова повернулся к доске. Его спина была прямой, широкой. Он как будто поставил между Дашей и всем этим злым миром стену.

Даша села. Её сердце колотилось так сильно, что она слышала стук в ушах.

— Начинаем, — сухо бросила физичка. — Формула пути при равноускоренном...

Даша не слушала. Она смотрела в затылок Никиты. У него на шее была родинка. Он сидел неподвижно, но она чувствовала его незримое присутствие. Впервые за долгое время ей показалось, что кто-то рядом дышит, а не просто заглатывает воздух, как делали все вокруг.

Влад сбоку пнул её по ножке стула. Она вздрогнула, но не повернулась к нему.

— Эй, новенькая, чё толстовка такая большая, — злорадно прошипел он ей в спину. — С занавески сняла?

Несколько человек рядом тихо захихикали. Даша вжала голову в плечи, чувствуя, как слёзы подступают к горлу. Она уже жалела, что перевелась. Здесь было ещё хуже, чем там. Там её били словами, здесь собирались бить делами. Но внезапно Никита, не оборачиваясь, откинулся на спинку стула и громко, так, чтобы слышала вся первая парта, спросил, обращаясь к физичке:

— Альбина Сергеевна, а можно выйти? Я вчера на тренировке руку потянул, надо помазать мазью, врач сказал.

Физичка недовольно кивнула. Никита поднялся, и в этот момент он на секунду задержался рядом с партой Даши. Он наклонился, будто поправляя ботинок, и так тихо, что слышала только она, произнес:

— Не обращай на него внимания. Он просто трус и подонок. На самом деле он даже муху боится.

Даша подняла глаза. На неё смотрели тёплые, карие, почти янтарные глаза Никиты. Никакой жалости. Одна спокойная уверенность.

Он выпрямился и вышел из класса. За дверью хлопнул замок. Даша выдохнула. В груди, там, где обычно сидел колючий комок страха, вдруг стало чуть-чуть теплее.

Класс уже снова обсуждал её, перешёптываясь, но Даша этого не слышала. Она смотрела на дверь, за которой скрылся Никита, и впервые за этот долгий осенний день перестала

бояться. Хотя бы на минуту. А за окном всё так же хлестал дождь, омывая грязные улицы окраин Москвы.

Глава 2. Уравнение со множеством неизвестных

Физика для Даши была хуже пытки. Хуже, чем холодный дождь, чем крики приёмной матери, чем даже молчаливое презрение сестёр. Потому что в физике не было ни воздуха, ни красок, ни простора для воображения. Там царили бездушные цифры, знаки, которые не складывались в красивую историю, а лишь напоминали ей о том, какая она никчёмная.

Даша уставилась в доску, где Альбина Сергеевна вывела очередную формулу. Буквы — v , t , a — сплелись в хаотичный узор. Глаза Даши заскользили по строчкам, но мозг отказывался воспринимать информацию. Она пыталась найти в этих символах хоть какой-то смысл, но перед ней была лишь стена, глухая и непроницаемая. Сердце забилося быстрее. В груди засосало холодом. Она почувствовала, как задрожали пальцы, сжимающие ручку. «Опять. Опять я ничего не понимаю».

В прошлой школе всё было кошмаром. За каждую четвёрку по физике или алгебре приёмные родители устраивали разнос. Они требовали от неё идеальности и беспрекословного послушания во всём. Отец орал так, что стёкла дребезжали, называл её тупой, бездарной, говорил, что взяли её из детдома, чтобы она хоть что-то из себя представляла, а она позорит семью. Мать молчала или поддакивала. А учительница математики, пожилая женщина с колючим взглядом, любила ставить Дашу перед всем классом и говорить: «Ну что, девочка, опять не выучила? А ещё хочешь куда-то поступать? Работать в Макдональдсе будешь, только там цифры считать не надо». Класс хохотал. Даша стояла красная, готовая провалиться сквозь землю. А потом она шла в туалет и плакала в кабинке, зажимая рот ладонью, чтобы никто не услышал. Теперь этот страх вернулся. Он сидел внутри неё, как спящий зверь, который проснулся от запаха меловой пыли и старых учебников. Даша судорожно заморгала, прогоняя пелену, застилавшую глаза. Она взяла ручку и переписала формулу в тетрадь, даже не понимая, что пишет. Рука двигалась механически, словно отдельно от разума.

Влад наклонился к ней, почти касаясь губами её уха. Его голос был противным, масляным.

— Эй, мешок с занавесками, — прошипел он так, чтобы слышала только она. — Ты хоть понимаешь, что тут написано? Или ты вообще читать не умеешь? Небось, рисовать своё дерьмо научилась, а мозгов ноль.

Даша замерла. Её плечи напряглись. Она не посмотрела на него, но сжала ручку так сильно, что побелели костяшки. Влад хохотнул и продолжил:

— И запомни, новенькая. Тут не детский сад. Не лезь, не высовывайся. Иначе ты об этом пожалеешь. Хочешь своим английским или своими каракулями хвастаться — делай это где-нибудь ещё. Я тебя быстро поставлю на место. Поняла? Или тебе наглядно показать?

Он пнул её стул ногой — резко, с силой. Даша дёрнулась, чуть не упав. Сердце провалилось куда-то в пятки. Она кивнула, не поворачиваясь к нему. В горле стоял ком. Слёзы уже подступали к глазам, но она сдержалась. «Защитников нет. У меня никогда не было защитников». Мысль обожгла её изнутри. И как по команде, в голове всплыло лицо Максима.

Высокий, жилистый парень с вечно хмурыми бровями. Родители нашли его через знакомых. «Он будет тебя оберегать, Дарья, — сказал отец, глядя на неё своими холодными глазами. — Он будет следить, чтобы ты хорошо училась, не шаталась, не позорила нас. Если ты будешь плохо себя вести — он имеет право тебя наказывать. Это нормально. Так воспитывают нормальных детей».

Нормальных детей...

Максим оказался хуже любого кошмара. Он орал на неё за каждую четвёрку. За опоздание домой на пять минут. За то, что она осмелилась поднять глаза на парня в метро. Он оскорблял её самыми грязными словами, сравнивал с одноклассницами, которые «и умнее, и красивее, и вообще люди», а она «приёмная, её никто не любит, даже родная мать от неё отказалась». И он бил. Не сильно, чтобы не оставлять синяков на виду, но достаточно больно — по плечу, по спине, щипал за запястье, пока она не начинала скулить от боли. Родители знали. Они просто закрывали глаза. «Ты сама виновата, Дарья. Могла бы и двойку получить — тогда бы вообще пощады не было».

Даша хотела убежать. Каждый день хотела. Но куда? К кому? У неё не было ни друзей, ни родных, ни денег. Только краски и альбом, который она прятала под кроватью, чтобы никто не нашёл. «Если я сегодня получу плохую оценку, Максим узнает. Он всегда узнаёт. Родители позвонят ему сразу после школы». От этой мысли Дашу затошнило. Она прикусила губу до крови.

В этот момент дверь класса открылась. Никита вернулся. Он вошёл бесшумно, но уверенно, и сел за свою парту. Даже не взглянув на Дашу, он положил на стол тетрадь и потянулся за ручкой. Его движения были спокойными, размеренными. Она почувствовала, как от него снова повеяло чем-то тёплым, надёжным, как от костра в зимнем лесу. На секунду ей показалось, что всё не так уж плохо.

Но эта секунда длилась недолго. Альбина Сергеевна оторвалась от журнала и окинула класс цепким взглядом. Её взгляд остановился на Даше. В нём мелькнула хищная искра.

— Так, — протянула учительница, сложив руки на груди. — А давайте-ка проверим, что умеет наша новая ученица. Выходи к доске, Дарья. Покажи, с чем ты к нам пришла.

Даша почувствовала, как кровь отлила от лица. В ушах зашумело. Она подняла голову и встретила взглядом с Альбиной Сергеевной. Та смотрела с вызовом. «Покажи себя, деточка».

— Я... я не... — прошептала Даша, но голос сорвался.

— Выходи, выходи, не стесняйся. Время не ждёт.

Ноги стали ватными. Даша встала, схватившись за стул, чтобы не упасть. Класс загудел. Кто-то усмехнулся, кто-то покачал головой. Влад рядом довольно хмыкнул. Она вышла к доске. Каждый шаг давался с трудом. Пахло мелом и страхом. Альбина Сергеевна, не дожидаясь, пока Даша возьмёт мел, громко и отдельно продиктовала условие:

— Тело движется равноускоренно из состояния покоя. За четвертую секунду оно проходит путь 14 метров. Определите ускорение тела. Записываем дано, решаем.

Даша взяла мел. Рука тряслась, и на доске вышла кривая, дрожащая линия. Она записала «Дано», потом « $V_0 = 0$ », затем... и всё. Она не знала, что делать дальше. В голове была каша. Она вспомнила какую-то формулу: $S = V_0 t + at^2/2$. Написала её. Подставила $t = 4$? Или за четвертую секунду — это другое? Мозг отказывался работать. Она растерянно смотрела на свои каракули и чувствовала, как всё больше немеет.

— Ну? — голос учительницы стал металлическим. — Что дальше? Мы ждём. Ты хоть знаешь, чем отличается путь за четвертую секунду от пути за четыре секунды?

Даша молчала. Она перевела взгляд на формулу. И начала подставлять: $S = 0 + a * 4^2 / 2 = 8a$. Потом вспомнила, что это за 4 секунды, а надо за четвертую. Или нет? Паника затопила сознание. Она написала: $a = S/t^2$, вычислила $14/16 \approx 0,875$. Но это было неправильно. Она знала, что это неправильно. Но больше ничего не могла придумать.

Учительница подошла к доске, скрестила руки и смерила Дашу ледяным взглядом.

— Это что за чушь? — спросила она громко, на весь класс. — Ты в какой школе училась? В сельской, что ли? Это стыдно не знать, Дарья. Это программа девятого класса. Нулевой уровень. Как ты вообще в десятый перешла? По блату?

В классе засмеялись. Сначала тихо, потом громче. Кто-то фыркнул, кто-то нарочно зааплодировал. Влад гыгыкал за спиной, подзуживая соседей.

— Ничего не знает, — пронеслось по рядам. — Позор.

Даша стояла, сгорбившись. Слезы хлынули из глаз. Они текли по щекам, оставляя солёные дорожки и капая на её свободную толстовку. Она не вытирала их, потому что боялась пошевелиться. Она смотрела на свои кривые цифры на доске и чувствовала себя ничтожеством. Снова. Как и в прошлой школе. Как и дома. Как и с Максимом. Она хотела провалиться сквозь землю, исчезнуть, раствориться в этом дожде за окном, чтобы её никто больше не видел и не мучил.

— Садись, — бросила Альбина Сергеевна брезгливо. — Два. Ясно? Поставила тебе «два». И не вздумай мне жаловаться. Сама виновата.

Даша медленно, на дрожащих ногах, вернулась на своё место. Она упала на стул и уткнулась взглядом в крышку парты. Пятна на деревянной поверхности расплывались от слёз. Она чувствовала спиной взгляды одноклассников, слышала шёпот и смешки. Влад что-то говорил, но она уже не различала слов. Только гул, как в аквариуме.

И вдруг, среди этого гама, она услышала другой звук. Тихое, едва заметное движение. Скрип стула. Никита повернулся к ней. Не обернулся полностью, а лишь чуть откинулся назад, и его голос, глубокий и ровный, донёсся до неё так, чтобы слышала только она:

— Держись. Уравнение решаемо. Просто надо знать, что путь за четвертую секунду — это разность между путём за 4 секунды и за 3. $S_4 - S_3$. А за три — это $4,5a$. Посчитай. Всё будет правильно.

Даша замерла. Она подняла голову и увидела его затылок, каштановые волосы, широкие плечи. Он даже не обернулся к ней лицом. Просто подсказал, как будто это было самое обычное дело. Как будто она не чужая, не изгой, а своя. Она сглотнула ком в горле. Слёзы не высохли, но в груди, там, где только что была пустота, зажглась крошечная искра.

Она взяла ручку и пересчитала. $8a - 4,5a = 3,5a$. $3,5a = 14$. $a = 4$. Правильно. Это было правильно. Но двойка уже стояла в журнале. И Максим уже узнает. И вечером будет ещё одна попытка.

Даша закрыла глаза и сжала кулаки под партой. Только бы выжить. Только бы дожить до завтра. А рядом дышал Никита. И ей почему-то хотелось верить, что если он рядом, то с ней ничего страшного не случится. По крайней мере сегодня.

Глава 3. Право на передышку

Звонок на перемену прозвенел оглушительно, как удар колокола, но Даша даже не пошевелилась. Она сидела за своей партой, глядя в одну точку — на царапину на столешнице, которая напоминала изогнутую линию, похожую на реку. Слёзы уже высохли, оставив на щеках солёные разводы, но внутри всё продолжало болеть. Двойка. Уже двойка. В первый же день. Она представляла, как Максим прочитает сообщение от учительницы или от классного руководителя. Они всегда отправляли родителям уведомления об оценках. А родители тут же пересылали Максиму. Это было частью их системы контроля: «Мы не можем уследить за ней каждый час, Максим, ты следи». И он следил. Следил за каждым её шагом, за каждым вздохом.

Даша сжала руки в кулаки, до боли впиваясь ногтями в ладони. Она хотела забыться, провалиться в сон, исчезнуть. Она так устала бояться. Каждый день, каждый час, каждую минуту. Ей казалось, что её жизнь — это бесконечный забег по минному полю, где любая неверная секунда — и всё взрывается.

«Зачем я вообще живу?» — мелькнула мысль, но она тут же отогнала её, испугавшись собственной тени. Она знала, что такие мысли опасны. Но справляться с ними с каждым днём становилось всё труднее.

И тут она услышала шаги. Твёрдые, уверенные, неспешные. Кто-то сел на соседний стул, и парта слегка качнулась. Даша подняла глаза. Никита. Он сидел рядом, повернувшись к ней корпусом. Его карие глаза смотрели спокойно, без жалости, но с искренним вниманием. Он заметил, что она плакала. Даша застыла, чувствуя, как щёки начинают гореть. Она быстро провела ладонью по лицу, вытирая слёзы, и выдавила из себя тихое:

— Всё нормально. Правда. Такое уже не в первый раз происходит.

Голос дрожал, и она ненавидела себя за эту дрожь. Никита нахмурился. Не грозно, а скорее озабоченно. Его глубокий голос, который она уже успела запомнить, прозвучал ровно и мягко:

— Даш, послушай. Если тебе здесь будут говорить неприятные вещи — сразу говори мне. Слышишь? Я разберусь. Неважно кто это — Влад или кто-то ещё. Ты теперь в нашем классе, и если кто-то перейдёт границы, я с этим справлюсь. Я в этом классе староста и решаю тут проблемы я.

Даша открыла рот, чтобы сказать что-то вроде «не надо, я привыкла», но Никита продолжил, не давая ей возразить:

— И по физике. Я серьёзно. Я вижу, что ты не глупая. Ты просто не поняла тему, потому что тебе никто не объяснил правильно. Я могу помочь. Хочешь? Я сегодня после уроков свободен. Могу объяснить тебе эту тему с самого начала. Или, если хочешь, начнём с первых разделов, чтобы пробелов не было. Как тебе удобнее?

Он говорил так уверенно, так по-деловому, что Даша на мгновение забыла о своих страхах. Ей захотелось сказать «да». Ей отчаянно хотелось согласиться, потому что она знала: с его помощью она действительно сможет понять эту проклятую физику. И тогда Максим не будет кричать. И родители не будут наказывать. Но страх был сильнее. Она вспомнила: Максим иногда приезжал к школе, чтобы проверить, выходит ли она вовремя. Она должна быть дома в три. Ровно. Если она опоздает хотя бы на пять минут, он устроит скандал. А если родители позвонят в школу и узнают, что она осталась с парнем после уроков...

Её дыхание сбилось.

— Я... — начала она, запинаясь. — У меня... планы. С семьёй. Мы... мы сегодня ужинаем вместе. Не могу. В другой раз.

Она отвела глаза, чувствуя, как краска заливает лицо. Врать Никите было противно. Он казался единственным человеком, который хотел ей помочь по-настоящему, а она отталкивала его своей трусостью.

Никита посмотрел на неё внимательно, будто что-то понял. Но не стал давить.

— Хорошо, — сказал он ровно. — Когда у тебя появится свободное время — сразу скажи мне. Я всегда могу подстроиться. Завтра, послезавтра, через неделю. Договорились?

Даша кивнула, чувствуя, как к горлу снова подступает ком. Она проглотила его.

В этот момент к парте стремительно подлетела высокая девушка со светлыми, почти платиновыми волосами. Её лицо было правильным, красивым, но порченным злым выражением. Губы поджаты, глаза сверкали. Это была Катя — та самая, что шепталась с подругами на уроке.

— Ну, Никита, — процедила она сквозь зубы, уперев руки в бока. — Решил с этой неумехой пообщаться? И что, добротой решил блеснуть? Или тебе пожалеть её захотелось, да? Как ты смеешь при всех садиться рядом с ней? Ты меня позоришь!

Она говорила громко, на весь класс. Несколько человек обернулись, заинтересованно наблюдая за сценой. Даша вжала голову в плечи, чувствуя себя ещё более ничтожной под этим взглядом. Но Никита даже не дрогнул. Он медленно поднялся, и его рост и ширина плеч мгновенно сделали Катю маленькой и жалкой. Он посмотрел на неё сверху вниз — не зло, но жёстко. В его глазах блеснул холодный стальной отблеск.

— Катя, отойди отсюда, — сказал он тихо, но так, что слышно было каждое слово. — Я не хочу с тобой разговаривать. И я не обязан перед тобой отчитываться.

— Но ты же мой... — начала она, но осеклась.

— Бывший, — подчеркнул Никита. — Бывший. Я тебе ничего не должен. И не смей больше подходить так ко мне. Это понятно?

Катя на секунду растерялась. Она явно не привыкла к тому, чтобы ей перечили. Затем она презрительно хмыкнула, окинула Дашу долгим уничтожающим взглядом, как будто та была букашкой, которую можно раздавить, и, развернувшись, гордо вышла в коридор, где её ждали подружки. Даша выдохнула. Она даже не заметила, что задержала дыхание. Никита сел обратно и повернулся к ней. В его взгляде снова была только доброта.

— Моя бывшая, — сказал он, слегка покачивая головой. — Никак не может успокоиться. Извини, что при тебе устроила такую сцену.

Даша, осмелев, спросила тихо:

— А что у вас случилось? Если не секрет.

Никита на мгновение задумался. Его лицо стало серьёзным.

— Долгая история, — ответил он. — И не самая приятная. Я тебе как-нибудь расскажу, когда будем заниматься физикой. Договорились?

Он улыбнулся — легко, по-дружески. И Даша впервые за долгое время почувствовала, что её губы тоже хотят улыбнуться в ответ. Она сдержалась, но тепло разлилось по груди.

Никита мягко положил ладонь ей на плечо — чуть касаясь, осторожно, чтобы не спугнуть.

— Обращайся, если будут трудности, — сказал он. — Я серьёзно. Я не из тех, кто бросает в беде.

Он убрал руку, встал и вышел в коридор, оставив Дашу наедине с её мыслями.

Она смотрела ему вслед. Внутри неё боролись два чувства. Первое — лёгкость, почти забытое ощущение безопасности. Когда он был рядом, мир переставал быть враждебным. От его уверенного голоса, его спокойного взгляда, от его мужественной, твёрдой фигуры исходила такая сила, что Даша невольно расслаблялась. В этом классе он был как лев — царь зверей, который не нападает первым, но и не даёт в обиду слабого.

Но второе чувство было сильнее. Страх. Глубокий, въевшийся в подкорку страх, что всё это лишь иллюзия. Что Никита — ещё один человек, который в итоге предаст или причинит боль. Она не доверяла парням. Никогда не доверяла. Каждый из них, кого она знала, либо смеялся над ней, либо использовал, либо бил. Максим был лучшим тому доказательством.

«А с Никитой почему-то спокойно», — мелькнула мысль, которую она попыталась прогнать. «Так. Нельзя расслабляться. Нельзя верить. Это слабость». Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

И в этот момент её телефон, лежащий на парте, завибрировал. Экран вспыхнул: на нём высветилось имя, от которого у Дашы похолодело всё внутри: Максим.

Она схватила телефон дрожащими руками, чувствуя, как сердце забилося быстрее. Если она не возьмёт трубку, будет хуже. Максим всегда звонил. Он проверял.

Она приняла вызов, приложив телефон к уху. Голос на том конце был сухой, жёсткий, без намёка на тепло.

— Ну что, — рявкнул он без приветствия. — Как дела в новой школе?

Даша сглотнула. Она знала, что врать опасно, но правда была ещё страшнее. Она выдавила на автомате:

— Нормально.

— Не ври, — голос Максима стал ледяным. — Я чувую, что-то не так. Ты что, опять накосячила? Двойку получила? Я знаю, что ты бездарность, но ты хоть прикидывайся умной, когда я звоню.

— Нет, я... всё хорошо, — прошептала Даша, чувствуя, как слёзы снова наворачиваются на глаза. — Правда.

— Я позвоню сегодня в школу, — отрезал Максим. — Спрошу у классной руководительницы, как ты себя ведёшь и какие у тебя оценки. Если что-то не так — тебе несдобровать. Ты меня поняла?

Даша вцепилась в телефон так, что побелели пальцы.

— Поняла, — выдавила она.

— Вечером я приеду. Проверю, чтобы ты сделала уроки. И если я увижу, что ты опять рисовала свои каракули вместо того, чтобы учиться... сама знаешь, что тебя ждёт.

Он отключился. Даша опустила телефон на парту. Её руки тряслись. В глазах потемнело от накатившей волны паники. «Сегодня. Он придет сегодня». Она представила его лицо — злое, перекошенное от гнева. Его сильные руки, которые сжимались в кулаки. Его голос, который проникал в самые глубины её души и разрушал всё, что там ещё осталось целым. Даша обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь. В классе уже никого не было — все вышли на перемену. Она осталась одна. Совсем одна, среди пустых парт и серого света из окна. «Почему? За что мне всё это?»

И в этот момент, сквозь пелену отчаяния, она вдруг вспомнила прикосновение Никиты. Тёплое, осторожное. Его голос: «Обращайся, если будут трудности». Его глаза, в которых не было ни капли осуждения.

Даша сжала кулаки и прошептала себе под нос, словно заклинание:

— Не думай о нём. Не надо. Он просто добрый. Просто пожалел тебя. Всё. Ничего не будет.

Но сердце билось быстрее, и она знала, что врёт сама себе.

В коридоре раздался звонок на урок. Перемена закончилась. Даша медленно поднялась с места и пошла к выходу на следующий урок, чувствуя, как с каждым шагом тяжесть на плечах становится всё больше. «Выжить бы до завтра. Только выжить».

Глава 4. Литература

Следующим уроком была литература. Даша почувствовала, как внутри что-то сжалось, а потом — отпустило. Словно воздух стал чище, а стены класса — менее давящими. Литература. Предмет, где она могла дышать полной грудью.

Кабинет был светлым, с высокими окнами, за которыми уже перестал идти дождь. Серые тучи рассеивались, и робкий солнечный луч пробивался сквозь стекло, ложась на старые деревянные парты. Учительница, женщина лет пятидесяти с мягкими чертами лица и очками в тонкой оправе, казалась такой же тёплой, как и свет за окном. Её голос был тихим, но в нём чувствовалась глубокая любовь к своему предмету.

— Сегодня мы продолжаем разговор о романе Гончарова «Обломов», — начала она, открывая журнал. — Вы прочитали первую часть. Кто может сказать мне, в чём, по-вашему, заключается главный конфликт этого произведения?

Класс молчал. Кто-то уставился в окно, кто-то листал тетрадь в поисках конспекта. Влад откровенно сидел в телефоне, даже не притворяясь, что слушает.

Даша знала ответ. Она чувствовала его каждой клеточкой своего тела. «Обломов» был для неё не просто книгой — он был зеркалом. Она читала его прошлым летом, спрятавшись на чердаке старого дома, куда забиралась, чтобы побыть одной. Ей казалось, что Илья Ильич — это она сама, запутавшаяся, боящаяся жизни, прячущаяся в своём халате и на своём диване. Но Даша, в отличие от Обломова, мечтала вырваться из своей апатии. Она хотела жить, а не существовать.

— Ну же, — мягко подбодрила учительница. — Кто попробует?

Рука Даши дёрнулась. Она хотела поднять её, но вспомнила взгляд Влада, его слова: «Не высовывайся». Страх сковал плечи. Она опустила глаза.

Учительница перевела взгляд на Никиту, который сидел с прямой спиной и задумчиво смотрел в окно.

— Никита?

— Конфликт между пассивностью и активностью, — ответил он ровно. — Обломов не хочет жить в реальном мире, потому что он его боится. Он выбирает иллюзию, комфорт, детство, но не решается сделать шаг вперёд.

Учительница одобрительно кивнула.

— Хорошо. А кто может привести пример из текста?

Снова тишина. Даша закусила губу. Она знала примеры. Она помнила наизусть отрывок, где Обломов мечтал о своём имении, о своём райском уголке. Она представляла себе те поля и реки, слышала шум ветра. Она жила этим. И она не выдержала. Рука взлетела вверх, прежде чем страх успел остановить её.

Учительница удивлённо подняла брови, но улыбнулась.

— Даша? Ты хочешь ответить?

Даша почувствовала на себе взгляды одноклассников. Какие-то удивлённые, какие-то насмешливые. Но она уже не могла остановиться. Слова полились из неё, как вода из переполненного сосуда.

— Да. В первой части, когда Захар приходит будить Обломова, а тот отказывается вставать. Он говорит: «Я ещё не проснулся!» Но на самом деле он боится проснуться. Боится увидеть, что его жизнь — это не мечта, а пустота. Он разговаривает с Захаром, спорит с ним, но никуда не двигается. Гончаров показывает, что вся жизнь Обломова — это бесконечное «завтра». Он живёт в ожидании, но ничего не делает для того, чтобы будущее наступило. А ещё его комната — это продолжение его души: пыльная, запутанная, прекрасная и одновременно унылая. Там нет порядка, потому что нет порядка в его мыслях.

Она говорила, не запинаясь. Её голос звенел. Глаза горели. Учительница перестала улыбаться и смотрела на Дашу с настоящим восхищением.

— Продолжай, — сказала она тихо.

Даша немного смутилась, но уже не могла остановиться.

— И ещё. Мне кажется, Штолыц — это не просто друг Обломова. Это альтернатива. Это путь, который Обломов мог бы выбрать, но не выбрал. Штолыц деятельный, живой, он строит

свою жизнь. А Обломов... он как замерзшая река. В нём много воды, много чувств, но она не течёт. Она стоит на месте. И Гончаров показывает нам, что быть Обломовым — это путь в никуда.

Она замолчала. В классе было тихо. Учительница сняла очки, протёрла их и снова надела.

— Даша, — сказала она с уважением. — Ты меня поразила. Ты первый день у нас в школе, а уже поразила меня своим ответом. Какая же ты умная. Это был очень глубокий и проникновенный анализ. Ты читала не просто текст — ты читала между строк. Пять. Садись.

Даша выдохнула и села. Она не видела выражений лиц — она смотрела в парту и чувствовала, как колотится сердце. Но колотилось оно не от страха, а от радости. Впервые за долгое время её знания ценили. Её хвалили. Ею гордились при всех.

Учительница задала следующий вопрос. И снова Даша подняла руку. Она отвечала весь урок, разбирая образы, проводя параллели с зарубежными классиками, цитируя наизусть. Она чувствовала, как просыпается та часть её души, которую она прятала ото всех. Та, которая любила Шекспира и Пушкина, Бронте и Достоевского. Та, которая уходила в мир книг, чтобы забыть о боли.

К концу урока у Даши было две пятёрки. Учительница посмотрела на неё с тёплой улыбкой.

— Дарья, если хочешь, я могу дать тебе дополнительные материалы по внеклассному чтению. Ты очень способная.

Даша почувствовала, как щёки заливаются румянцем. Она кивнула, боясь сказать хоть слово. А потом она услышала, как кто-то обернулся. Никита. Он смотрел на неё с широкой улыбкой. Его карие глаза блестели.

— Ничего себе, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только она. — Ты просто... феномен.

Даша отвела взгляд, но внутри разлилось тёплое чувство. Ей было приятно. Очень приятно слышать такие слова от парня. Парни никогда не восхищались ею и не хвалили её.

— Я люблю читать, — прошептала она. — Это моё убежище.

Никита кивнул с искренним пониманием.

— Умные девушки — это редкость, Даш. И ты не просто умная. Ты глубокая.

Его слова застряли у неё в голове. Глубокая. Она никогда не слышала о себе таких слов. Обычно говорили: «странная», «тихая», «не от мира сего». Но Никита смотрел на неё, как на сокровище. Как будто она была не просто девочкой в мешковатой толстовке, а художником, чьи картины видны только ему.

— Спасибо, — выдохнула она.

Зазвенел звонок. Никита поднялся, направляясь к двери. Даша тоже встала, собирая свои вещи. Она чувствовала лёгкость, почти забытое чувство свободы. «Обломов» остался где-то далеко, а в ней самой — Обломов, напротив, просыпался. Хотя бы на мгновение. Но свобода была обманчива. Влад подскочил, как змея, которую разбудили. Он дождался, пока Никита отошёл к двери, и резко подошёл к Даше сзади. Он толкнул её в плечо, заставляя споткнуться, а затем схватил за ворот её свободной толстовки с такой силой, что ткань врезалась в шею.

Даша вскрикнула от неожиданности.

— Что я тебе говорил, ты, дура? — прошипел Влад ей прямо в ухо, дыша перегаром и ненавистью. — Не высовывайся! А ты, значит, решила умную из себя строить? Мы не любим выскочек, поняла? Ты ответишь за это. Я тебя запомнил.

Он дёрнул её за ворот, заставляя ее согнуться. Даша почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы ужаса. Она не могла дышать от страха.

В следующее мгновение всё изменилось. Никита развернулся и в три шага оказался рядом. Даже не спросив, не предупредив, он схватил Влада за ворот собственной футболки — рука его была стальной хваткой — и со всей силы отшвырнул его назад. Влад пролетел пару метров и с грохотом врезался в стену, а затем сел на пол, зажимая челюсть, которую Никита за секунду до этого встретил своим кулаком. Это было резко, жестоко и быстро. Никита сделал это молча — без лишнего шума, без криков. Просто встал над Владом, возвышаясь над ним, как скала над волной. Класс замер. Все смотрели на эту сцену с открытыми ртами. Никита медленно подошёл к поверженному Владу, наклонился и проговорил ледяным тоном, от которого у всех мурашки пробежали по коже:

— Не смей. Как у тебя совести хватает обижать эту девочку? Ещё раз увижу, как ты её трогаешь — сам пожалеешь. Останешься без всех зубов. Я сейчас не шучу. Ты меня знаешь.

Влад, держась за разбитую губу, смотрел на него с ненавистью и страхом одновременно. Он попытался что-то сказать, но только сплюнул кровь на пол.

Никита выпрямился, поправил свою футболку и спокойно развернулся к Даше. Она стояла, прижав руки к груди, дрожащая, белая как мел. Её огромные карие глаза были полны слёз, но теперь — не от страха. От шока. От невероятности. За неё никто никогда не заступался. Никогда.

— Ты как? — спросил Никита, подходя к ней. Его голос снова стал мягким, как будто только что он не ударил в лицо человека.

Даша открыла рот, но не могла произнести ни звука. Она смотрела на него и видела не просто одноклассника. Она видела защитника. Человека, который встал на её сторону. Человека, который сказал всем своим видом и этим поступком: «Ты важна, и я тебя не дам в обиду».

— Идём, — сказал он. — Я провожу тебя до кабинета. Хватит с тебя этого урока.

Он положил руку на её плечо — осторожно, как и тогда, на прошлой перемене — и вывел её из класса.

Класс молчал. Влад поднялся, сгорбившись, и злобно сплюнул во второй раз. Никто не решился ему помочь. И никто не решился возразить Никите.

Даша шла по коридору, чувствуя его руку на своём плече. Слёзы текли по её щекам, но она не вытирала их. Она чувствовала, что впервые в жизни у неё появился человек, которому не всё равно.

— Спасибо, что заступился за меня, — прошептала она, когда они вышли на лестничную площадку.

Никита остановился, посмотрел на неё сверху вниз, и на его лице появилась лёгкая грустная улыбка.

— Никогда не молчи, Даша, — сказал он. — На уроках тоже. Ты имеешь полное право отвечать на уроках, и никто не смеет заставлять тебя молчать. Твой голос важен. Ты важна. Поняла?

Даша кивнула. Она не могла говорить. Но она запомнила каждое его слово.

И в этот момент, где-то глубоко внутри, в холодной и тёмной пещере её души, зажглась маленькая, но очень яркая звезда.

Глава 5. Грустные воспоминания

Английский язык был для Даши не просто предметом. Это была дверь. Дверь в другой мир, где она могла быть кем угодно — путешественницей, писательницей, свободной девушкой, которая не боится говорить то, что думает. Где её не зовут «приёмной» и «бездарностью». Где она может дышать.

Когда они с Никитой вошли в кабинет, Даша почувствовала знакомое тепло. На стенах висели карты Великобритании и США, плакаты с грамматическими временами, цитаты Шекспира на английском. Учительница — молодая женщина с ярко-рыжими волосами и живым взглядом — уже стояла у доски, приветствуя класс на безупречном британском английском.

— Good afternoon, everyone. Take your seats, please.

Даша села за свободную парту у окна. На этот раз Влад отсел от Даши далеко, потому что Никита сказал ему это сделать. Сам Никита занял место через ряд, но так, чтобы видеть Дашу. Она чувствовала его взгляд — тёплый, поддерживающий, но в этот раз он не помогал ей расслабиться. Внутри всё сжималось от мысли о том, что ждёт её после уроков. Максим. Он, наверное, будет ждать ее у школы. Её руки дрожали, когда она доставала учебник. Она открыла его на нужной странице, но слова расплывались перед глазами. Перед ней всплывала другая картинка — прошлогодняя, зимняя, когда всё пошло наперекосяк.

Тот маленький котёнок. Даша помнила тот вечер до мельчайших подробностей. Январь, мороз под двадцать градусов, снег хрустит под ногами. Она возвращалась из школы и услышала жалобный писк из-под мусорного бака. Маленький, грязный, замёрзший комочек шерсти. Котёнок был таким крошечным, что помещался на её ладони. Его глаза, мутные от холода, смотрели на неё с таким доверием, что Даша не могла пройти мимо. Она засунула его под куртку, прижала к себе, чувствуя, как дрожит его маленькое тельце. Она шла домой, шепча ему: «Не бойся, малыш, я тебя согрею. Всё будет хорошо». Но дома всё пошло не так. Приёмная мать увидела котёнка и закричала так, что зазвенели стёкла. Отец выбежал из комнаты, схватил котёнка за шкуру (Даша слышала, как тот жалобно мяукнул) и швырнул его в прихожую.

— Ты что, дура? — орала мать. — Ты приносишь в дом эту грязь? Ты хочешь, чтобы мы все заболели? Вон отсюда, живо! И не возвращайся сюда, пока не избавишься от него!

Даша попыталась защитить котёнка, прижать его к груди, но отец схватил её за плечо и вытолкнул за дверь. Котёнок оказался на улице, как и сама Даша.

Она была в одной куртке, прижимая к груди замёрзшее существо. Слезы замерзали на щеках. Даша спустилась вниз и пошла по тёмным улицам Москвы, держа котёнка под курткой, чувствуя, как его слабое сердечко бьётся рядом с её собственным. Она не знала, куда идти. У неё не было друзей, не было никого, кто бы мог ей помочь.

Она бродила часа два, пока не встретила старую бабушку у подъезда, которая выносила мусор. Бабушка увидела её заплаканное лицо, заглянула под куртку и всё поняла.

— Боже мой, детка, — сказала бабушка. — Идём, идём. Я возьму его. У меня есть тёплое место и молоко.

Даша отдала котёнка, чувствуя, как разрывается сердце. Она знала, что больше никогда его не увидит, но хотя бы он будет жив. Бабушка погладила её по голове и сказала: «Иди домой, милая. Не плачь. Жизнь иногда жестока, но ты сильная. Помни это».

Даша вернулась домой под утро. Родители сидели на кухне со злыми лицами.

— Где ты шлялась? — спросил отец.

— Я отдала котёнка, — тихо ответила Даша.

— Нечем тебе заняться? — мать скрестила руки. — Подбираешь животных с улицы и шатаешься где-то по ночам! Учи математику и физику. Это твоё единственное предназначение. Ты не для того здесь, чтобы жалеть бездомных тварей. Ты не должна нас позорить! На тебя в школе учителя жалуются. Нам стыдно иметь такую дочь, как ты! Лучше бы глаза наши тебя не видели! Лучше бы не было тебя вообще!

Даша молча прошла в свою комнату, упала на кровать, чувствуя себя никому не нужной, и долго смотрела в потолок, ощущая, как внутри неё что-то умирает. Но в тот же день она взяла альбом и нарисовала котёнка. Маленького, спящего в тёплом гнезде из своих же рук. А под рисунком написала по-английски: «Someday I will escape. Someday I will be free.» («Когда-нибудь я убегу. Когда-нибудь я стану свободной»).

Она вспомнила, как Максим нашёл этот рисунок. Он ворвался в её комнату без стука, схватил альбом и начал рвать страницы.

— Это что ещё за английский? — орал он. — Я сказал забыть про английский! Ты что, снова переписываешься с иностранцами?

Даша замотала головой, испуганная до дрожи.

— Нет, это просто рисунок. Я не переписываюсь ни с кем. Честно.

Максим не поверил. Он выхватил её телефон, вскрыл его (он знал все её пароли) и нашёл старую переписку с американцем. Даша переписывалась с ним полгода назад — они обсуждали книги, музыку, культуру. Ничего личного. Но для Максима это была измена.

— Ты общаешься с другими парнями? — заорал он, схватив её за плечи. — За моей спиной? Да как ты смеешь!

Он сжал её горло. Пальцы сдавили шею так сильно, что Даша перестала дышать. В глазах потемнело. Она хрипела, пытаясь оттолкнуть его, но он был сильнее.

— Если я ещё раз увижу, что ты кому-то пишешь, — прошипел он, почти касаясь губами её уха, — я тебя убью. Поняла? Ты ничтожество! Я тебя ненавижу!

Он разбил её телефон об стену. Пластик разлетелся на куски. Даша упала на колени, кашляя, хватая ртом воздух. Она чувствовала, как горело горло, как дрожали ноги.

— Я всё поняла, — прошептала она. — Всё. Не буду. Только не трогай меня пожалуйста. Мне же больно...

Максим взял новый телефон, купленный родителями специально для контроля, установил на него пароль, который знал только он, и сказал:

— Я буду видеть всё. Каждое твоё сообщение. Каждый звонок. Поняла? И да, мне плевать, больно тебе или нет. Меня это совершенно не волнует!

Она поняла. Но она не перестала учить английский. Она тайно читала книги в оригинале, пряча их под подушкой. Она слушала аудиокниги в наушниках, когда никто не видел. Её мечта стала её тайным оружием: заработать деньги, уехать в другую страну, стать свободной, чтобы никто никогда не посмел тронуть её. Чтобы навсегда сбежать от своего горького прошлого.

Она прокручивала эту мечту в голове, когда учительница английского начала урок.

— Let's talk about literature. Who can name their favourite English-language author?

Класс молчал. Даша знала ответ. Она могла бы назвать Джейн Остин, Бронте, Диккенса, говорить о них часами. Она чувствовала, как слова рвутся наружу, просятся на язык. Но она сжала губы. Она смотрела в окно, где дождь уже прошёл, и свет пробивался сквозь облака. Влад сидел на другом конце класса, и Даша кожей чувствовала его злобный взгляд. Она знала, что если заговорит, он снова нападёт. И хотя Никита был рядом, она не могла рисковать собой. Не сейчас. Не когда Максим будет ждать её внизу. Она промолчала на этот раз.

Урок прошёл спокойно, как будто её не было. Учительница задавала вопросы, кто-то отвечал, но Даша сидела неподвижно, глядя куда-то невидящим взглядом. Она не поднимала руки, не открывала рта. Она превратилась в тень.

Только один раз она позволила себе маленькую слабость. Когда учительница написала на доске цитату на английском: «The only way out is through» — «Единственный путь наружу — лежит сквозь преграды». Даша прочитала её про себя и почувствовала, как сжалось сердце. Она написала эти слова в своей тетради, обвела их и поставила маленькое сердечко. Никита заметил это. Он сидел так, чтобы видеть её. Он поймал её взгляд и едва заметно улыбнулся, ободряя. Но Даша отвела глаза.

Зазвенел звонок. Последний урок закончился. Класс начал собираться. Шум, грохот стульев, гул голосов. Даша медленно, почти не дыша, сложила свои вещи в рюкзак. Её руки дрожали так сильно, что она дважды уронила ручку.

— Ты как? — подошёл Никита. Он стоял рядом, высокий и надёжный, как скала. — Всё нормально?

Даша подняла на него глаза. Она хотела сказать правду. Хотела крикнуть: «Нет! Меня ждёт кошмар! Помоги мне!» Но слова застряли в горле.

— Всё хорошо, — выдавила она. — Просто... мне пора. Меня ждут родители дома.

Никита нахмурился. Он явно не поверил, но не стал давить.

— Даш, я серьёзно, — сказал он тихо. — Если что-то случится, ты можешь позвонить мне. Я дам тебе свой номер. Держи.

Он протянул ей клочок бумаги с цифрами. Даша взяла его, сжала в кулаке и сунула в карман джинсов.

— Спасибо, — прошептала она.

И выбежала из класса, почти бегом. Она не оглядывалась, не смотрела по сторонам. Она знала, что Максим будет ждать у входа.

На улице было свежо. Солнце уже садилось, окрашивая небо в оранжево-розовые тона. Даша выскочила из школьных дверей и остановилась, оглядывая двор. Он стоял у калитки. Высокий, жилистый, с угрюмым лицом. Он курил, смотрел на неё своими холодными глазами, и дым медленно поднимался в воздух. Максим.

Даша почувствовала, как ноги стали ватными.

— Ну? — спросил он, стряхивая пепел. — Как прошёл день?

Она подошла, чувствуя, что каждое движение даётся ей через силу. Она посмотрела ему в глаза и поняла, что он уже знает. Мать или отец уже позвонили ему. Они всегда звонили.

— Нормально, — прошептала она.

— Врёшь, — сказал он и сплюнул. — Я уже знаю про твою двойку по физике. Думала, я не узнаю? Родители твои уже позвонили. Ещё и рисовала там на уроках, да? Или по-английски болтала? Учительница сказала, что ты пялилась в окно, как дура, и не отвечала. Так что? Будешь оправдываться?

Даша сжала кулаки. Она ничего не сказала. Максим бросил окурок на землю и растоптал его ногой.

— Идём, — приказал он. — Дома поговорим. Тебя накажут.

Он схватил её за руку — грубо, больно — и потащил за собой, как вещь. Даша не сопротивлялась. Она знала, что бесполезно. Она шла, опустив голову, чувствуя, как слёзы снова подступают к глазам. Она знала, что сегодня вечером её ждут скандал, крики, угрозы, а может быть, и руки Максима на её шее. Но в кармане её куртки лежал клочок бумаги с номером Никиты. И это было единственное, что согревало её в этот холодный осенний день.

Глава 6. Наказание

Квартира встретила Дашу привычным запахом — дешёвым освежителем воздуха, которым мать пыталась перебить запах старой мебели и вечно жареной картошки. Но в этот вечер даже освежитель не мог скрыть той гнетущей атмосферы, которая повисла в прихожей, как туман перед грозой.

Даша переступила порог, чувствуя, как ноги дрожат. Максим прошёл следом, громко хлопнув дверью. Он даже не снял обувь — прошёл в гостиную, как хозяин, как человек, которому здесь всё позволено.

Из кухни вышла мать. Её лицо было каменным, глаза — колючими, как куски льда. Она осмотрела Дашу с головы до ног — мешковатая толстовка, заплаканные глаза, дрожащие руки — и брезгливо скривилась.

— Ну что, Дарья, — произнесла она ледяным тоном. — Хорошо первый день в новой школе провела? Уже успела опозориться на весь класс? Двойка по физике в первый же день. Ты хоть понимаешь, какой позор ты на нас наводишь?

Даша открыла рот, чтобы что-то сказать, но мать перебила её, повернувшись к Максиму. Она посмотрела на него с каким-то странным одобрением, как будто они были сообщниками в одном деле.

— Максим, — сказала она тем же ледяным тоном. — Выбей из неё всю дурь. Она должна понять, что если будет плохо учиться — жизнь ей не покажется раем. Делай что хочешь, только чтобы впредь таких оценок не было.

Она развернулась и ушла на кухню, даже не взглянув на Дашу. Дверь за ней закрылась с глухим стуком. Даша почувствовала, как внутри неё всё обрывается. Она стояла в прихожей, одна, напротив Максима, который смотрел на неё как хищник на добычу. Он медленно снял кожаную куртку, повесил её на крючок, поправил воротник чёрной футболки и улыбнулся. Но это была улыбка не человека, а зверя, который готовится к прыжку.

— Ну что, Дарья, — протянул он, делая шаг вперёд. — Ты слышала, что сказала твоя мать? Выбить из тебя дурь. Ты готова к этому?

Даша попятилась назад. Внутри всё кричало: «Беги!» Но она знала, что бежать некуда. Дверь была заперта, родители в квартире, сестры в своих комнатах. Она была в ловушке.

— Пожалуйста, — прошептала она, отступая до стены. — Пожалуйста, не надо. Не трогай меня, я боюсь. Я обещаю, я исправлюсь. Не будет больше двоек. Я найду способ подтянуть физику. Я обещаю!

Она говорила быстро, захлёбываясь словами, пытаясь хоть что-то сказать, чтобы остановить его.

— Я нашла того, кто поможет мне, — выпалила она. — Он знает физику и математику. Он сможет мне объяснить. И я всё пойму, я буду учиться, я буду...

Максим остановился. Его глаза сузились.

— И кто же? — спросил он тихо, но в этом тихом голосе слышалась угроза.

Даша поняла, что сделала ошибку. Если она скажет, что это парень, Максим взбесится. Она знала, что он ревнивый, что любое упоминание о другом мужчине вызывает в нём приступы ярости.

— Никто, — быстро сказала она, запинаясь. — В ютубе. Там есть репетитор. Пожилой мужчина. Он хорошо объясняет. Я буду смотреть его уроки. Я обещаю, я всё пойму.

Максим смотрел на неё несколько секунд, сканируя её лицо, проверяя, врёт ли она. Даша старалась дышать ровно, но сердце колотилось так, что, казалось, он слышит его стук.

Наконец он хмыкнул.

— Ладно. Но наказание за сегодня тебя всё равно ждёт. Ты нас позоришь, Даша. Ты тупая. Ты бездарная. Ты даже не представляешь, как ты нас разочаровываешь.

Он резко шагнул вперёд и схватил её за локоть — сильно, больно, так что пальцы впились в кожу. Даша вскрикнула, попыталась вырваться, но он был сильнее.

— Идём, — прорычал он и потащил её по коридору в её комнату.

— Нет! Отпусти меня! — закричала Даша, упираясь ногами в пол. — Не надо! Пожалуйста! Я сама дойду!

Но Максим не слушал. Он тащил её, как тряпичную куклу, не обращая внимания на её сопротивление. В коридоре мелькнуло лицо старшей сестры Лизы — высокая, стройная, с такими же тёмными волосами, как у матери. Она

стояла у своей комнаты, скрестив руки, и смотрела на сцену с откровенным удовлетворением.

— Опять влипла, Дарья? — усмехнулась она. — Как обычно. Я вообще не удивлена. Только ты в нашей семье можешь так знатно опозориться.

— Помоги мне, — прошептала Даша, но Лиза только фыркнула и скрылась за дверью.

Максим втокнул Дашу в её комнату. Это была маленькая клетушка с узкой кроватью, старым письменным столом и шкафом. На стенах висели её рисунки — единственное, что делало это место хоть немного уютным. Даша осталась с Максимом наедине. Он оглядел комнату с презрением, как будто она была достойна только насмешки. Его взгляд упал на стол, где лежала тетрадь по физике. Он подошёл, схватил её, пролистал страницы, исписанные аккуратным, но дрожащим почерком Даши.

— Это что? — спросил он, приподнимая бровь.

— Моя тетрадь, — прошептала Даша.

— Твоя тетрадь? — переспросил он и, не раздумывая, разорвал её пополам. Затем ещё раз. Листы разлетелись по комнате, как белые бабочки.

— Нет! — Даша рванулась к нему. — Зачем ты это сделал?! Это моя тетрадь! Там были конспекты! Что мне теперь делать?

— Будешь переписывать, — отрезал он. — Всю ночь. Я буду следить, чтобы ты не отвлеклась. Ты должна переписать это всё, пока не выучишь. До утра. И никуда не выйдешь.

— Но я не успею! — в отчаянии выкрикнула Даша. — Здесь много заданий! Мне нужна хотя бы неделя, чтобы...

— Ты будешь делать, что я скажу! — заорал Максим так громко, что стёкла задрожали. — Ты ничего не решаешь, ничего не выбираешь, ты просто тупая вещь, которая должна подчиняться мне!

Он схватил её за локоть снова и с силой толкнул. Даша не удержалась на ногах — она упала на пол, ударившись коленом о ножку кровати. Боль пронзила её тело, и она застонала. Она лежала на полу, глядя на Максима снизу-вверх. Его лицо было перекошено от ярости. Он тяжело дышал, и в его глазах она увидела то, чего раньше не замечала. Или не хотела замечать. «Он может меня убить». Это была не просто мысль. Это было осознание, которое обожгло её изнутри, как раскалённый металл.

Максим подошёл, наклонился и рывком поднял её с пола, поставив на ноги. Его руки схватили её за плечи и начали трясти с такой силой, что голова Даша моталась из стороны в сторону, как у куклы.

— Ты меня слышишь? — орал он. — Ты должна делать, что я говорю! Ты ничего не стоишь! Ты просто приёмш! Никому не нужная! Если бы не я и не твои родители, ты бы уже давно была на улице!

Даша чувствовала, как слёзы текут по её лицу, но она не могла их остановить. Она смотрела на Максима и видела, как его лицо искажается от гнева, как его руки сжимают её плечи. Она вдруг поняла, что это только начало. В начале их отношений Максим держал себя в руках. Раньше он улыбался, когда они встречались. Он казался заботливым, даже иногда добрым. Но это была маска. Он носил её, как красивую кожаную перчатку, под которой скрывались стальные пальцы. И вот маска слетела.

Всё началось с того, что Даша отказала ему в интимной близости. Это случилось три месяца назад, когда они гуляли в парке. Он попытался поцеловать её взасос, прижав к дереву, и увести к себе в квартиру, но Даша оттолкнула его, испуганная. Она никогда не целовалась по-настоящему и у неё никогда не было интимной близости ни с кем. Она не знала, что это такое, и не хотела знать — по крайней мере, не с ним. Она чувствовала, что он берёт её силой, даже когда просто касается её лица.

— Ты что, фригидная? — усмехнулся он тогда. — Или боишься?

— Я не хочу, — тихо сказала она. — Пожалуйста, не надо. Не заставляй меня, не дави на меня.

Он тогда отступил, но в его глазах загорелась злая искра. Родители Даша тоже сказали ему подождать. «Всё будет постепенно, — заявил отец. — Мы сами решим когда. Она наша дочь, пусть и приёмная. Мы не позволим тебе ломать её сейчас». Максим послушался. Ее родители были для него авторитетом — странно, потому что в других вопросах он их почти не слушал. Но в этом они были заодно. Всем им нравилось контролировать Дашу, вымещать на ней свою злость. Им нравилось чувствовать себя сильными, а для этого нужен был тот, кто слабее. Но гнев Максима копился. Он копился в каждом отказанном поцелуе, в каждом «нет», в каждом её движении, когда она уклонялась от его рук. Он выплескивался сначала в

ухмылках, затем в обзывательствах, потом в криках, потом — в хватаниях за руки, за шею. А теперь он толкнул её на пол. Она лежала, глядя на него, и понимала: дальше будет хуже. Если он не сдержится, если его ярость перерастёт в слепую звериную силу, он начнёт бить её по лицу. А потом, когда он совсем потеряет контроль, он изнасилует её. Это случится. Это случится рано или поздно. Она закрыла глаза и попыталась унять дрожь. Она должна была выжить сегодня, хотя бы сегодня.

Максим отпустил её плечи и отошёл к двери. Он достал из кармана ключ — тот самый ключ от её комнаты, который хранился у родителей.

— Ты будешь сидеть здесь, — сказал он, уже спокойнее, но в его голосе всё ещё звучала угроза. — Будешь переписывать физику. Всю ночь. Без еды. Без телефона. Без интернета. Я проверю, что ты сделала завтра утром. Если увижу, что ты не стараешься — пеняй на себя.

Он вышел за дверь и закрыл её. Даша услышала, как поворачивается ключ в замке. Затем шаги затихли в коридоре. Она стояла одна в своей маленькой комнате, среди разорванных листов тетради, и смотрела на закрытую дверь. Слёзы текли по щекам, но она уже не всхлипывала. Она просто стояла, глядя в одну точку, чувствуя, как внутри неё затихает всё — страх, отчаяние, даже боль. Её взгляд упал на рисунки на стене. Там были нарисованы горы, море, закаты, маленький котёнок. И одна надпись по-английски, которую она сделала на самом красивом рисунке: «Someday I will escape. Someday I will be free.»

Она подошла к рисунку, провела пальцами по буквам. На ощупь они казались выпуклыми, как будто она вырезала их на бумаге ножом. И вдруг она вспомнила. В кармане её куртки, которая висела на стуле, лежал клочок бумаги с номером Никиты. Даша медленно повернулась, подошла к стулу и запустила руку в карман. Бумажка была на месте — смятая, тёплая от её тела. Она сжала её в кулаке и села на кровать, глядя на дверь. Не сейчас. Не сегодня. Он дал мне надежду, но это не значит, что я могу бежать. Она заплакала снова — тихо, беззвучно, чтобы никто не услышал. И спрятала бумажку под подушку, как самый ценный талисман.

Где-то далеко, за толстыми стенами её комнаты, в другой жизни, существовал Никита. Он не знал, что происходит с ней. Он не знал, как ей больно. Но она сжимала клочок бумаги с его номером и верила, что он придёт. Что однажды он придёт и спасёт её. Хотя верить в это было так же глупо, как верить в чудеса.

Даша взяла ручку, нашла новую тетрадь и начала переписывать физику. Ровно, аккуратно, буква за буквой, как будто это могло её спасти. Она не знала, что будет завтра. Но сегодня, в эту ночь, она выживет. Она должна выжить.

Глава 7. Силы на пределе

Новый день начался с серого неба и тусклого света, пробивавшегося сквозь занавески. Даша почти не спала — она переписывала физику до четырёх утра, пока рука не онемела, а глаза не начали слезиться. Максим заходил дважды: первый раз в час ночи, чтобы проверить, не спит ли она, второй — в три, чтобы убедиться, что она не сбежала. Он не говорил ни слова, просто стоял в дверях, смотрел на неё своими холодными глазами и не уходил.

Даша закончила переписывать последний лист за десять минут до будильника. Она легла на кровать, даже не раздеваясь, и провалилась в тревожный сон, полный кошмаров. Ей снились руки, сжимающие шею, и она кричала, но никто не слышал.

Утром она выглядела как тень. В зеркале отражалась бледная девушка с тёмными кругами под глазами и потухшим взглядом. Она надела белую рубашку — единственную светлую вещь в своём гардеробе — и синие свободные джинсы. Волосы распустила, чтобы скрыть бледность лица. На мгновение ей показалось, что эта одежда идёт ей, делает её почти красивой. Но тут же она одёрнула себя: какая разница, как я выгляжу? Всё равно никто не смотрит.

Она вышла из комнаты, стараясь ступать бесшумно. Родители и сестры ещё спали. Максим ушёл под утро, сказав, что вернётся вечером. Даша быстро накинула куртку, сунула рюкзак на плечо и выскользнула за дверь, как мышь, которая боится, что её поймают.

На улице было сыро и ветрено. Октябрьский холод проникал под одежду, заставляя её дрожать. Она шла в школу, не видя дороги, чувствуя только тяжесть в ногах и пустоту в голове. Всё, что случилось вчера, крутилось в её сознании, как заезженная пластинка: крик матери, злобная ухмылка Лизы, руки Максима на ней, падение на пол.

«Зачем я живу»? Мысль пришла внезапно, холодная и острая, как лезвие. Она давно сидела где-то внутри, в самом тёмном углу ее души, но сегодня впервые всплыла на поверхность, требуя внимания.

«Мне некуда бежать. Я одна. Если я умру, никто не заметит. Родители обрадуются — им не придётся больше тратить на меня деньги. Максим найдёт другую дуру для своих игр. Я просто исчезну, и мир не изменится».

Она почувствовала, как слёзы снова наворачиваются на глаза. Она не хотела умирать. Она хотела жить. Но не так, как сейчас — в клетке, среди людей, которые ненавидят её. Её мечта об Англии, о свободе, о том, чтобы рисовать и писать — всё это казалось сейчас смешным и недостижимым. «Как можно мечтать, если каждый день ты боишься за свою жизнь?»

Даша вошла в школу, чувствуя себя прозрачной и беззащитной. Она прошла по коридору, не поднимая головы, не глядя по сторонам. Кто-то толкнул её плечом, кто-то засмеялся за спиной. Она не обернулась.

В классе было шумно. Одноклассники болтали, смеялись, кто-то списывал домашнее задание. Даша села за свою парту — ту самую, позади Никиты, — положила рюкзак на колени и уставилась в окно. За стеклом капли дождя медленно стекали по мутному стеклу. Она смотрела на них и пыталась не думать. Но мысли были сильнее. «Было бы лучше, если бы меня не было. Если бы я просто растворилась в этом дожде, утекла в землю, исчезла. И никто бы не вспомнил».

Её взгляд потух окончательно. Она почувствовала, как внутри неё разливается ледяная пустота — та самая, которую она знала так хорошо. Она пыталась бороться с ней, но сегодня не было сил. И вдруг кто-то сел перед ней. Парта скрипнула. Даша медленно перевела взгляд и встретилась с карими глазами Никиты. Он сидел на стуле, развернувшись к ней лицом, и смотрел внимательно, изучающе, как будто пытался заглянуть ей в душу.

— Привет, — сказала она устало, почти беззвучно.

Никита нахмурился. Он смотрел на неё несколько секунд, и его взгляд становился всё тревожнее. Он заметил круги под глазами, бледность кожи, потухший взгляд. Он увидел всё, что она пыталась спрятать.

— Даша, — сказал он тихо. — Что с тобой? Ты выглядишь такой уставшей. Как будто... как будто ты вообще не спала.

Она отвела глаза, чувствуя, как комок подступает к горлу.

— Всё нормально, — выдавила она.

— Нет, — Никита покачал головой. — Не нормально. Я чувствую, что-то не то. У тебя взгляд потерянный и напуганный. Ты сама не своя.

Даша подняла на него глаза. В них мелькнула искра — не гнева, а удивления.

— Почему ты так интересуешься этим? — спросила она тихо, с ноткой горечи. — Ты меня даже не знаешь. Мы знакомы всего день. Какая тебе разница?

Она отвернулась, чувствуя, как слёзы снова подступают к глазам. Она не хотела, чтобы он видел её такой — слабой, разбитой, готовой сдаться.

— Мне есть разница, раз я спрашиваю.— ответил Никита, и его голос был твёрдым, но мягким. — Потому что, если с человеком что-то плохое случается, я не могу пройти мимо. Такой уж я. Я не могу видеть, как кто-то страдает, и делать вид, что ничего не замечаю.

Даша подняла голову и посмотрела на него. В его глазах не было жалости — было искреннее беспокойство. Это было так неожиданно, так странно, что у неё перехватило дыхание. Она привыкла к тому, что все проходят мимо, что все закрывают глаза.

— Ничего не случилось, — сказала она, пытаясь улыбнуться. — Я просто устала. Правда. Всю ночь зубрила физику и переписывала конспекты, а теперь уже ничего не помню. Всё вылетело из головы.

Она не лгала. Она действительно не помнила ни одной формулы, хотя и писала их часами.

— А как я сейчас могу тебе помочь? — спросил Никита. — Может, я объясню тебе правила прямо сейчас? Пока урок не начался. У нас есть ещё минут десять.

Даша колебалась. Она хотела согласиться, но внутри зазвучал голос страха.

— А если Катя увидит? — спросила она. — Она же не оставит меня в покое. Она уже один раз пришла с угрозами. Если она увидит, что ты опять сидишь со мной, то тогда...

— Даша, — Никита перебил её, и в его голосе послышалась сталь. — Забудь о ней. Она не посмеет тронуть тебя. Я сказал. Если она подойдёт к тебе — она будет иметь дело со мной. А я умею ставить людей на место. Она мне никто. Ты под моей защитой.

Он пересел к ней на соседний стул и пододвинул её тетрадь. Его плечо почти касалось её плеча. От него исходило тепло, и Даша почувствовала, как в груди разливается что-то тёплое, почти забытое.

— Смотри, — сказал он, открывая её тетрадь. — Вот эта формула — это кинематика. Я объясню тебе это просто. Представь, что ты бежишь. Твоя скорость меняется...

Он начал говорить, но его слова как будто доносились издалека. Даша смотрела на его руки, которые уверенно вели ручкой по бумаге, слышала его голос, но смысл ускользал. Она не могла сосредоточиться. Её глаза закрывались сами собой. Она моргала, пытаясь прогнать сон, но веки становились всё тяжелее.

— Даша? — голос Никиты донёсся до неё сквозь туман. — Ты меня слышишь?

Она дёрнулась.

— Прости, — сказала она виновато. — Прости, я не могу сосредоточиться и что-то понять сейчас. Я правда не могу. У меня голова пустая. Я совсем никуда не гоюсь.

Её голос задрожал. Она чувствовала себя такой ничтожной, такой беспомощной. Ей казалось, что она подвела его, единственного человека, который предложил ей помощь.

Никита посмотрел на неё, и его лицо смягчилось. Он вдруг понял, что она на пределе. Что она не просто устала — она сдаётся.

— Послушай меня, — сказал он, и в его голосе появилась особая, успокаивающая нота. — Ты никуда не годишься? Перестань. Ты одна из самых умных и способных людей, которых я встречал. Ты знаешь английский, ты замечательно говоришь о литературе, ты рисуешь. А физика — это просто математика. Её можно выучить, но сначала тебе нужно выспаться.

Он аккуратно положил руку ей на плечо.

— Поспи немного. Я буду рядом. Когда прозвенит звонок, я разбужу тебя, хорошо?

Даша открыла было рот, чтобы возразить, но слова застряли где-то в горле. Она смотрела в его глаза и видела там обещание. Обещание защиты.

— Ты уверен? — прошептала она.

— Абсолютно, — ответил он, улыбнувшись.

Даша медленно опустила голову на сложенные руки на парте. Ей казалось, что она не сможет уснуть, что страх и тревога не отпустят её. Но когда она закрыла глаза, она вдруг почувствовала, что Никита сидит рядом, что он словно выстроил вокруг неё невидимую стену. И впервые за долгое время она позволила себе расслабиться. Она провалилась в сон почти мгновенно. И ей снилось море. Чистое, голубое, бескрайнее. Тёплый песок под ногами. И кто-то рядом — кто-то с карими глазами и каштановыми волосами, кто-то, кто держал её за руку и улыбался.

А когда раздался звонок и она проснулась, Никита сидел на том же месте, глядя на неё с лёгкой улыбкой. Он аккуратно убрал прядь волос с её щеки и сказал:

— Просыпайся, соня. Урок начинается. И у нас ещё много работы, чтобы выучить эту физику.

Даша улыбнулась ему в ответ — впервые за этот день по-настоящему, без притворства, без боли. Она чувствовала, как в груди разрастается что-то тёплое и светлое. Она не знала, что это такое. Она боялась этому доверять. Но она знала точно: сегодня, в этом классе, рядом с ним, она больше не чувствовала себя одинокой.

Глава 8. Странная дружба

Звонок прозвенел, и класс мгновенно ожил. Урок остался позади, и теперь все потянулись к дверям, готовясь к перемене, за которой следовала физкультура. Даша медленно поднялась, чувствуя, как внутри всё ещё пульсирует тепло от того короткого сна и добрых слов Никиты. Она почти улыбнулась, вспоминая его голос, но тут же одёрнула себя: не надейся. Не привязывайся. Всё это иллюзия. Тебя опять обманут и отвернутся от тебя.

Никита подошёл к ней, когда она собирала вещи.

— Пойдём, я покажу тебе, где раздевалка, — сказал он. — Ты вроде не знаешь ещё, куда идти.

Он проводил её до двери женской раздевалки, указав рукой на табличку.

— Здесь. Если что — я в мужской, через стенку. Если понадобится — кричи, услышу.

Он улыбнулся и ушёл, а Даша вошла в помещение. Внутри было шумно, пахло влажным полотенцем и дешёвым дезодорантом. Одноклассницы переодевались, громко обсуждали свои дела, смеялись. Даша почувствовала себя чужой в этом пёстром мире, где все знали друг друга, а она была просто новой девочкой в мешковатой одежде.

Она нашла свободную скамейку в углу и начала не спеша переодеваться. Её белая рубашка и джинсы сменились на спортивные штаны и простую серую футболку. Она чувствовала на себе взгляды — колющие, оценивающие, враждебные. Катя стояла у зеркала, поправляя волосы, и её подруги что-то шептали, поглядывая на Дашу с усмешками.

Но среди этого ледяного молчания она заметила одну девушку, которая смотрела на неё иначе. Не с презрением, а с каким-то странным любопытством, смешанным с добротой, а может быть, с сочувствием. Или, может быть, ей это показалось. У этой девушки были русые волосы, собранные в небрежный хвост, и большие зелёные глаза, в которых Даша увидела что-то родное. Одиночество и страх. Такие же, как и у неё самой.

Девушка подошла ближе, остановилась рядом и тихо сказала:

— Привет. Ты Даша, да? Я Настя.

Даша насторожилась. Она привыкла к тому, что люди подходят к ней только для того, чтобы сделать больно. Но голос Насти был мягким, почти робким.

— Да, — ответила Даша, чувствуя себя неловко.

— Послушай, — Настя оглянулась, проверяя, не смотрит ли кто, и продолжила чуть тише: — У меня в этом классе совсем нет друзей. Вообще никого. Все эти девочки... они уже давно сформировали свои компании, а я как-то осталась в стороне. Я видела, как тебя вчера обижали. И мне стало тебя жаль. Я подумала, может, мы могли бы... ну, стать поближе? Как-то поддерживать друг друга?

Даша почувствовала, как в груди шевельнулось что-то тёплое. Она давно не слышала таких слов. Но тут же внутри зазвучал голос предостережения: а вдруг она притворяется? Вдруг это ловушка, чтобы потом посмеяться?

Она посмотрела в глаза Насти и увидела там... что-то. Не притворство, но какую-то тревогу. Как будто Настя тоже боялась, но только кого? Даша отогнала сомнения. Ей так хотелось, чтобы это было чем-то настоящим. Чтобы у неё появился друг. Хотя бы один.

— Я тоже, — сказала она тихо. — Мне никто не пишет, никто не звонит. Меня постоянно все обижают. Я совершенно одна. Я бы хотела с тобой тоже подружиться.

Настя улыбнулась, и в её улыбке Даша увидела облегчение.

— Здорово! — сказала Настя. — Тогда будем держаться вместе. Не обращай внимания на этих стерв.

Она кивнула в сторону Кати и её свиты. Даша перевела взгляд и заметила, как Катя и её подруги переглядываются и о чем-то шепчутся, поглядывая на них. В их взглядах было что-то зловещее, как будто они что-то замыслили.

— Настя, — спросила Даша, чувствуя холодок, — а ты не знаешь, о чём они там шепчутся? Они так смотрят на нас...

Настя на мгновение задумалась, и в её глазах мелькнула тень чего-то неясного. Она отвела взгляд и произнесла как-то слишком ровно:

— Они всегда так себя ведут. Высокомерные, жестокие. Особенно с тихими. Любят обижать слабых. Им просто нравится чувствовать свою власть.

Она выдохнула — как-то печально, почти надломленно. Даша почувствовала, что Настя говорит правду, но в её голосе слышалась какая-то нотка, которую Даша не могла расшифровать. Словно Настя что-то скрывала. Но Даша отогнала эту мысль. Они переоделись и вышли в коридор, направляясь в спортзал. Но едва они ступили на ступеньки лестницы, как кто-то грубо толкнул Дашу в плечо.

Даша пошатнулась и чуть не упала, но Настя успела её поддержать.

— Смотри, куда прёшь! — раздался язвительный голос.

Катя. Она стояла рядом, скрестив руки на груди, и смотрела на Дашу с презрением. Её подруги хихикали за спиной.

— Прости, не заметила, — пробормотала Даша, чувствуя, как краска заливает лицо.

— Не заметила? — Катя усмехнулась. — Ну да, ты же вся такая занятая, везде с Никитой ходишь. Или уже и к другим липнешь? Осторожнее, выскочка, а то упадёшь.

Она демонстративно хмыкнула и прошла вперёд, оставляя Дашу с бьющимся сердцем.

— Не обращай внимания, — шепнула Настя. — Она просто ревнует. Она была с Никитой, а он её бросил. Теперь она ищет, на ком выместить злость.

Даша кивнула, но внутри всё сжалось. Катя была опасна. Даша чувствовала это кожей. Она замышляла что-то, и Даша боялась представить, что именно.

Они вошли в спортзал. Просторное помещение пахло резиновыми мячами, тёплым деревом паркета и потом. Физрук — низкорослый коренастый мужчина с густыми усами — стоял в центре зала, держа в руках свисток.

— Построились! — рявкнул он. — Живо!

Все выстроились в шеренгу. Даша заметила, что рядом с физруком стоял Никита. Он был в своей неизменной чёрной футболке, которая обтягивала его широкие плечи и рельефные мышцы, и в серых спортивных штанах. Он казался настоящим атлетом — высоким, подтянутым, уверенным.

— Никита сегодня будет помогать мне вести разминку, — объявил физрук. — Так что слушаем его, делаем, что он говорит.

Никита улыбнулся классу, и его взгляд на мгновение задержался на Даше. Она почувствовала, как сердце ёкнуло. Он был так красив в этой обычной спортивной одежде, так естественно, будто это было его второе тело — сильное, мужественное, надёжное.

Он начал разминку: приседания, наклоны, выпады. Даша старалась выполнять упражнения, но усталость давала о себе знать. Она чувствовала, как кружится голова, но держалась изо всех сил. Настя стояла рядом, и они делали упражнения в паре. Даша начала расслабляться — впервые за долгое время. Настя была добра к ней, они даже перебрасывались шутками. Даша улыбнулась, когда Настя неловко споткнулась.

— Ты такая смешная, — засмеялась Даша.

— Да уж, координация не мой конёк, — усмехнулась Настя.

В какой-то момент Даша поймала взгляд Никиты, который смотрел на неё с тёплой улыбкой. Она почувствовала, как краска заливает щёки, и быстро отвела глаза.

Урок прошёл спокойно. Даже Катя не предпринимала открытых атак. Даша почти поверила, что день может быть хорошим. Почти. Она вышла в коридор, чтобы попить воды, и на секунду отвлеклась от Насти, которая болтала с кем-то из класса. Даша вздохнула, прислонилась к стене и закрыла глаза. И в этот момент её телефон завибрировал. Она открыла глаза, посмотрела на экран, и сердце ухнуло в пятки: Максим.

Даша почувствовала, как кровь отлила от лица. Она не брала трубку несколько секунд, надеясь, что он сбросит. Но он звонил настойчиво, снова и снова.

Она взяла трубку дрожащими руками и отошла в сторону, чтобы никто не слышал.

— Да? — прошептала она.

— Где ты? — голос Максима был холодным, как лёд. — Почему так долго не отвечаешь?

— Я... я на физкультуре. Не слышала звонка.

— Что за голос у тебя? Ты плакала? — спросил он подозрительно.

— Нет, всё нормально, — поспешно сказала Даша. — Я просто устала.

— Даш, я знаю, что ты врёшь, — сказал он ледяным тоном. — Мне сказали, что ты сегодня в классе с каким-то парнем сидела. Что у тебя с ним? У тебя с ним что-то было?

— Что? Нет! — вырвалось у неё. — Это просто одноклассник! Он помогал мне с физикой!

— Помогал с физикой? — переспросил Максим, и в его голосе послышалась угроза. — И что, прямо вплотную сидел? Руки распускал? Я, может быть, сейчас приеду в твою школу и посмотрю, чем ты там занимаешься. Понятно теперь, как ты там физику собралась учить. Значит, с парнем?!

— Нет! Пожалуйста, не приезжай! — Даша почти кричала шёпотом. — Я ничего не делала! Честно! Я просто училась!

— Ты у меня получишь, — сказал Максим. — Я всё узнаю. И если увижу, что ты ведёшь себя не так... ты знаешь, что будет. Я реально тебя своими же руками придушу!

Он отключился. Даша стояла с телефоном в руке, чувствуя, как её трясёт. Она прислонилась к стене, пытаясь унять дрожь. Перед глазами поплыло, и она едва не сползла на пол.

Из спортзала вышла Настя и увидела Дашу, стоявшую в коридоре с бледным лицом.

— Даша? Что случилось? — подбежала она. — Ты как белая стена.

Даша попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой.

— Ничего. Звонок. Просто... родители волнуются.

Настя прищурилась. Она явно не поверила, но не стала настаивать.

— Хочешь, я провожу тебя до класса? — спросила она мягко.

Даша кивнула. Она позволила Насте взять себя за руку и повести в класс. Но внутри неё разрасталась тревога. Она знала: Максим не успокоится. Он найдёт способ наказать её. И она не знала, что будет дальше.

Когда они вошли в класс, Никита уже был там. Он сидел за своей партой и, увидев Дашу, нахмурился. Он сразу заметил её состояние — дрожащие руки, бледное лицо, испуганный взгляд. Он поднялся и подошёл к ней, игнорируя Настю, которая стояла рядом.

— Даша, — сказал он тихо, наклоняясь к ней. — Что случилось? Ты выглядишь так, как будто что-то ужасное только что произошло.

Даша подняла на него глаза. Она хотела рассказать ему всё. О Максиме, о родителях, о своих кошмарах. Она хотела закричать, заплакать, упасть в его объятия и почувствовать себя в безопасности. Но она не могла. Страх был сильнее.

— Всё нормально, — прошептала она. — Просто голова закружилась. Наверное, переутомилась. Я же почти не спала сегодня...

Она отошла и села за свою парту, вжав голову в плечи. Настя села рядом, обеспокоенно поглядывая на неё. Никита стоял, глядя на неё с тревогой. Он не поверил ни одному её слову. Но он знал: сейчас он ничего не сможет сделать. Он сжал кулаки и вернулся на своё место. Даша положила голову на стол и закрыла глаза. В ушах всё ещё звучал голос Максима: «Ты у меня получишь». Она знала, что это только начало. Что вечером её снова ждёт кошмар.

Глава 9. Стена рухнула

Урок русского языка начался с тихой, убаюкивающей мелодии голоса учительницы. Она читала отрывок из «Войны и мира», и её низкий, бархатистый голос разливался по классу, как тёплое молоко. Даша сидела за партой, положив голову на сложенные руки, и пыталась вслушиваться в слова, но они проходили сквозь неё, не оставляя следа. Она чувствовала себя так, будто плывёт в густом тумане, где все звуки приглушены, а время тянется бесконечно. Она почти закрыла глаза, когда дверь класса с грохотом распахнулась. Все вздрогнули. Учительница замолчала, обернувшись с недовольным лицом.

На пороге стоял директор. Его лицо было напряжённым, а взгляд скользнул по классу, пока не остановился на Даше.

— Дарья, — сказал он сухо. — К тебе посетитель. Ждёт тебя на улице. Он сказал, что хочет тебя немедленно видеть.

Сердце Даши забилось чаще. Она почувствовала, как холодная волна страха захлестнула её с головой. Она знала. Знала, кто это.

— А кто? — спросила она, надеясь, что голос не дрожит. — Может, я могу...

— Выходи, я сказал, не тани время, — перебил директор и, не добавив ни слова, развернулся и вышел из класса.

Тяжелая дверь захлопнулась за ним. В классе повисла тишина. Все смотрели на Дашу — кто-то с любопытством, кто-то с насмешкой, кто-то с равнодушием. Даша чувствовала, как её лицо горит, как руки начинают трястись. Она не могла не выйти. Но она знала, что если она послушается, Максим ворвётся в школу сам, и тогда будет хуже. Гораздо хуже. Она медленно поднялась, чувствуя, как ноги стали ватными. Никита обернулся, и его глаза встретились с её. Он увидел в них страх. Настоящий, животный страх.

— Даша, не всё хорошо, ведь так? — тихо спросил он, но она уже шла к двери, не оглядываясь.

Она вышла в коридор, и её шаги эхом разнеслись по пустому холлу. Она спустилась по лестнице, толкнула тяжёлую входную дверь и вышла на крыльцо. Холодный ветер ударил в лицо, но она почти не почувствовала его.

У ворот стоял Максим. Он курил, прислонившись к своей чёрной машине. Его глаза были холодными, как сталь, и когда Даша приблизилась, он сплюнул окурок на землю и растоптал его ногой.

— Ну что, — сказал он, не здороваясь. — Вышла. А я уж думал, ты решила спрятаться от меня. Я уж хотел тебя силой вытащить из школы.

Даша заставила себя подойти ближе. Она чувствовала себя маленькой и беспомощной по сравнению с ним.

— Я сейчас на уроке, — тихо сказала она. — Зачем ты приехал?

— Зачем я приехал? — переспросил он, и его голос стал громче. — Ты ещё спрашиваешь, зачем я приехал? Я знаю, что ты там с каким-то парнем общаешься. Я всё знаю! Ты думала, что сможешь от меня это скрыть? Да ты просто дура!

— Это не то, что ты думаешь, — начала Даша, но Максим перебил её, шагнув вперёд.

— Не то? А что же это? Ты решила, что я не узнаю? Что я дурак? Что я вообще ничего не понимаю? Даша, я же тебя предупреждал. Я говорил тебе: никаких парней. Только я у тебя должен быть. Ты не поняла?

Он схватил её за запястье с такой силой, что Даша вскрикнула.

— Пусти! — закричала она, пытаясь вырваться. — Ты делаешь мне больно! Хватит!

— Ты поедешь со мной, — прорычал он, притягивая её к себе. — Сейчас же. Хватит изображать из себя невинную овечку. Ты получишь то, что заслужила. Я увезу тебя к себе домой и сделаю то, что так давно хотел!

Даша отчаянно пыталась освободиться, но его хватка была железной. Он прижал её к стене школы, и холодный кирпич впился в спину через тонкую ткань рубашки.

— Отпусти! Пожалуйста! — плакала она. — Я ничего не сделала! Я ни с кем не встречаюсь! Это просто помощь по учёбе!

— Мне плевать, — прошипел Максим, приближая своё лицо к её. — Ты моя. Ты принадлежишь мне. И если я решу, что ты должна сидеть дома и учить физику — ты будешь сидеть. Если я скажу, что ты не будешь ни с кем разговаривать — ты не будешь. Ты поняла меня?

Даша рыдала, чувствуя, как слёзы заливают лицо. Её плечи тряслись. Она чувствовала себя загнанной в угол мышью, которая знает, что её вот-вот схватят и убьют. В глазах потемнело от отчаяния.

Но в следующее мгновение всё изменилось. Кто-то сильный схватил Максима за плечо и с такой силой отшвырнул его от Даши, что он отлетел на несколько шагов и едва удержался на ногах.

— Ещё раз тронешь её — я тебя убью. Как ты смеешь так жестоко обращаться с девушкой? Тебя манерам не учили, я смотрю!

Голос был ледяным, пробирающим до костей. Даша подняла глаза, не веря тому, что видит. Никита. Он стоял рядом, возвышаясь над ней и над Максимом, как скала. Его лицо было перекошено от гнева, глаза горели яростью. Он выглядел по-настоящему опасным. Мускулы перекачивались под тканью чёрной футболки, кулаки были сжаты. Максим опешил на секунду, но тут же пришёл в себя. Он сплюнул, выпрямился и процедил:

— А ты ещё кто такой? Её новый ухажёр? Это ты с ней в школе общаешься? Думаешь, она твоя? Она моя.

— Она ничья, — ответил Никита, делая шаг вперёд. — Она не вещь. И ты не имеешь права так с ней обращаться. Ты кто? Её парень? Тогда как ты смеешь поднимать на неё руку? Это уму непостижимо!

— Заткнись, щенок, — огрызнулся Максим и кинулся на Никиту, замахиваясь кулаком.

Но Никита был быстрее. Он легко уклонился и с силой ударил Максима в челюсть. Тот пошатнулся, но устоял и попытался ответить. Началась драка — яростная, быстрая, безжалостная.

Даша прижалась к стене, закрывая лицо руками. Она слышала глухие удары, тяжёлое дыхание, хрипы. Она видела, как Никита двигался — чётко, уверенно, как профессиональный боец. Он уворачивался от ударов Максима и наносил свои — точные, сильные, которые заставляли Максима шататься.

— Ты пожалеешь об этом! — кричал Максим, пытаясь достать Никиту.

— Ты первый пожалеешь, что вообще родился! — рявкнул Никита в ответ.

Он снова ударил — сильнее, и Максим упал на колени, а затем завалился на землю. Никита навис над ним, схватил за ворот куртки и приподнял.

— Я тебя запомнил, — прорычал Никита, глядя на его испуганное лицо. — Ещё раз если я увижу тебя рядом с ней — я тебя убью. И не важно, в школе или где-то ещё. Ты меня понял? Раз ты не умеешь по-человечески и по-доброму обращаться со своей девушкой, то тогда у тебя вообще не должно быть отношений! Девушку свою надо ценить, любить и уважать, а не издеваться так и понижать её самооценку ниже плинтуса! Ты совсем не замечаешь, какая она замечательная, ты не ценишь её доброту, а она терпит твои жестокие выходки! Такого не должно быть! Это из-за тебя в школе она ходит сама не своя и боится! Проваливай! И чтобы больше я тебя рядом с ней не видел, ясно это тебе?

Максим хрипел, пытаясь отдышаться. Он с ненавистью посмотрел на Никиту, на Дашу, и вырвался из его рук. Вскочил, схватился за разбитую губу и, не оглядываясь, побежал к своей машине. Через мгновение она уже рванула с места, и звук мотора затих вдали. Никита постоял несколько секунд, провожая машину взглядом, затем развернулся и подошёл к Даше. Она стояла, прижавшись к стене, вся в слезах. Её руки дрожали, ноги подкашивались. Она не могла ни говорить, ни думать. Она просто смотрела на Никиту, чувствуя, как всё внутри неё сжимается и разжимается, как будто она вот-вот упадёт.

— Даша, — сказал он, и его голос стал мягче, словно только что он не был тем разъярённым защитником. — Всё хорошо. Он уехал. Ты теперь в безопасности. И он больше не посмеет тронуть тебя.

Он положил руку ей на плечо — осторожно, почти не касаясь. Даша подняла на него глаза. Слёзы текли по её лицу, и она не вытирала их. Она смотрела на него и не могла поверить, что кто-то, кто не был ей обязан, пришёл к ней на помощь.

— Ты... ты зачем? — прошептала она. — Ты мог пострадать. Он мог... он бы тебя...

— Я не мог стоять и смотреть, как он тебя мучает, — ответил Никита просто. — И не важно, кто он. Его отношение к тебе ужасное. Ты не должна терпеть такое. Ты заслуживаешь лучшего. Я почувствовал, что что-то не так и сразу вышел из класса за тобой следом.

Он подождал, пока она немного успокоится, и затем спросил:

— Как ты познакомилась с ним? Он же очень жестокий.

Даша отвела взгляд. Она долго молчала, собираясь с духом. Она так давно носила эту тайну внутри себя, так давно никто не спрашивал её об этом. Она боялась сказать правду, потому что боялась осуждения. Но Никита уже видел худшее. И он не сбежал.

— Родители меня с ним связали через своих знакомых. Они хотели, чтобы кто-то контролировал меня, чтобы следил за моими оценками, за моей жизнью. Он... он всегда был таким жестоким, просто в начале наших отношений я этого не замечала. Сегодня он перешёл все границы. Раньше он только кричал, угрожал, лишь немного применял силу. А сегодня напугал меня еще сильнее. Я боюсь его. Я хочу уйти, но не могу. Я даже не люблю его. Я ненавижу его.

Она замолчала, чувствуя, как снова подступают слёзы. Но теперь она плакала не от страха — от облегчения. Наконец-то она сказала это вслух.

— Я боюсь, что он вернётся, — прошептала она. — И что он сделает со мной что-то ещё хуже, чем сегодня. Он уже несколько раз мне угрожал. Я боюсь ходить по улицам, постоянно оглядываюсь и проверяю, не следит ли он за мной. Я постоянно жду чего-то худшего. Я очень боюсь, я уже устала бояться. Я хочу жить спокойно, но просто не могу. Он мне не даёт спокойной жизни.

Никита смотрел на неё с горечью и болью. Он видел, как дрожат её руки, как бледно её лицо, как натёрты запястья от хватки Максима.

— Знаешь, тебе точно нужно уйти от него. Если он уже так обращается с тобой, то что будет потом? Если он уже применяет физическую силу, то он не остановится. Если он сделал это один раз, то будет и второй, и третий и так далее. Если ты говоришь, что твои родители тебя с ним связали, то почему они не вмешиваются? Как им может быть на это наплевать? — спросил он мягко. — Если он так с тобой обращается, почему они не защищают тебя?

Даша горько усмехнулась.

— Мои родители... они приёмные. Я для них чужая. Я не их дочь. Они видят во мне только обузу. А Максим — это их инструмент контроля. Они скажут ему, что делать, и он будет. Они запрут меня в комнате, отберут телефон. У меня нет ни денег, ни друзей, ни родных, которые могли бы меня защитить. Я совсем одна. А если я уйду от Максима, то он найдёт меня и убьёт. Это его слова.

Она смотрела в землю, чувствуя себя опустошённой.

— Я мечтаю уехать, — сказала она едва слышно. — Научиться зарабатывать самой. Жить в другой стране, где меня никто не будет знать, оскорблять и бить. Но это просто мечта. А реальность — это стены, которые смыкаются вокруг меня всё сильнее с каждым днём.

Никита молчал несколько секунд. Затем он сделал шаг вперёд и осторожно обнял её за плечи. Она напряглась на мгновение, но затем позволила себе упасть в его объятия. Она не плакала, просто стояла, прижавшись к его груди, и чувствовала, как его тепло разливается по всему телу, прогоняя холод страха.

— Я помогу тебе, Даша, — сказал он твёрдо. — Я не знаю как, но я найду способ. Ты не одна. Запомни это. Ты больше не одна.

Даша подняла голову и посмотрела ему в глаза. В них не было жалости. Была решимость. И вера. Она не знала, что произойдёт дальше, но впервые за долгое время она почувствовала, что кто-то на её стороне.

— Спасибо, что вступился за меня и спокойно меня выслушал. Я никому ещё так не рассказывала о своей жизни, — прошептала она.

Никита улыбнулся, отпустил её и сказал:

— Идём. Давай вернёмся в класс. И не бойся. Если он придёт снова — я буду рядом.

Они пошли обратно в школу, и Даша чувствовала, как внутри неё зарождается что-то новое. Что-то, что она не смела назвать надеждой.

Глава 10. Слова, которым не веришь

Весь оставшийся день Даша ходила как в тумане. Она слышала голоса учителей, механически записывала что-то в тетрадь, но мысли её были далеко — там, где Никита стоял между ней и Максимом, где его кулак врезался в челюсть её мучителя, где его глаза горели яростью и одновременно добротой.

Она не могла понять: «Зачем? Зачем он это сделал?»

Она привыкла к тому, что люди проходят мимо. Что они отворачиваются, когда она плачет, что они смеются над ней, когда она падает. Мир научил её одному: никому нет до тебя дела. Ты сама за себя. И если ты слабая — ты умрёшь. Никто не протянет руку. Но Никита протянул. И не просто протянул — он встал между ней и опасностью, рискуя собой. Даша пыталась найти в этом подвох, пыталась убедить себя, что он просто хочет что-то получить

взамен. Что это игра. Что всё это — лишь очередная ловушка, в которую она попадётся, а потом будет ещё больше.

Но его глаза, когда он смотрел на неё, говорили обратное. В них не было корысти, не было расчёта. Только искреннее желание помочь. Может быть... может быть, он действительно такой? Даша не знала ответа.

Когда прозвенел последний звонок, Даша медленно собрала вещи. Она чувствовала, что сегодня ей особенно страшно идти домой. Максим наверняка вернётся, злой и униженный. Родители уже, скорее всего, знают о случившемся. Её ждала очередная пытка.

— Даша, — раздался рядом знакомый голос. Она подняла голову и увидела Никиту, стоящего с рюкзаком на одном плече. — Ты хотела позаниматься физикой. Помнишь? Я свободен сегодня.

Даша помедлила. Она действительно хотела. Но ещё больше она хотела оттянуть момент возвращения домой.

— Да, — сказала она тихо. — Если тебе не сложно.

— Конечно, не сложно, — улыбнулся Никита. — Пойдём в пустой кабинет. Там тихо, никто не мешает.

Они прошли в кабинет на втором этаже, где уже никого не было. Солнце медленно садилось за окном, окрашивая стены в тёплый золотистый свет. Даша села за парту, Никита — рядом, поближе, чтобы показать ей записи.

Он начал объяснять тему — равномерное движение, формулы, графики. Говорил чётко, понятно, иногда останавливаясь, чтобы проверить, понимает ли она. Даша старалась слушать, но мысли путались. Она чувствовала его близость, его запах — свежий, чистый, немного терпкий, как после спортивной тренировки. Она чувствовала его тепло, исходящее от плеча, которое почти касалось её. И вдруг он остановился и повернулся к ней.

— Даша, — сказал он мягко. — Ты не слушаешь. Я вижу. Ты переживаешь, да?

Она покраснела, отводя глаза.

— Извини. Я просто... мне сложно сейчас.

— Я понимаю, — сказал он, и его голос стал серьёзным. — Если хочешь... если тебе нужно выговориться снова, я здесь. Ты можешь рассказать мне всё, что у тебя на душе. Я хочу услышать. Правда.

Даша подняла на него глаза и встретила его взгляд. Он смотрел с такой искренней заботой, что у неё перехватило дыхание. Она хотела сказать, что не хочет нагружать его, что она привыкла справляться сама. Но слова застряли в горле. Она вспомнила, как он смотрел на неё в тот момент, когда она вошла в класс. Как его взгляд сразу прицепился к ней. Что-то в ней было для него особенным. Она не могла понять, что именно, но чувствовала это.

«Он видит во мне что-то, чего не видят другие. Или я просто придумываю?»

— Я не хочу тебя нагружать, — наконец произнесла она. — Я и так рассказала тебе слишком много. Ты и так уже ввязался в мои проблемы, и это может быть опасно для тебя. Я не хочу, чтобы ты пострадал из-за меня.

— Даша, — Никита накрыл её руку своей — осторожно, не настойчиво. — Меня это совершенно не тяготит. Если у тебя есть проблемы, мы можем попытаться найти выход вместе.

Она посмотрела на его руку, на свои пальцы, которые дрожали под его тёплой ладонью. Она чувствовала, как внутри неё поднимается что-то, что она так долго прятала. Доверие.

— Мои родители... — начала она тихо. — Они не любят меня. Я это чувствую. Я им не родная. Ты уже знаешь об этом. Они взяли меня из детдома, но всегда давали мне понять, что я чужая. Мои сёстры — они мне тоже неродные, их двое. Для них у родителей всегда есть время, забота, подарки. А мне... мне достаются только упрёки. Если я опоздала на пять минут домой — крик. Если получила даже четвёрку — наказание. Они хотят, чтобы я была идеальной. Они считают меня обузой. И Максим... они сами выбрали его для меня. Чтобы он контролировал меня каждый день. Чтобы я не смела сделать шаг без его разрешения.

Голос Даши дрожал, но она продолжала. Она рассказывала про унижения, про страх, про то, как её запирают в комнате, как выгоняют на мороз, как бьют словами и иногда — руками. Про котёнка, которого она спасла, а родители выкинули. Про Максима, который срывает на ней свою злость и медленно, но верно переходит к физическому насилию. Никита слушал, не перебивая. Его лицо менялось — сначала в нём появлялась тревога, затем боль, затем глубокая печаль. Он сжимал кулаки под партой, когда она рассказывала про Максима, и его глаза темнели от гнева, но он сдерживался, чтобы не напугать её.

— Даша, — сказал он, когда она замолчала. — Это несправедливо. Ты не заслужила такого отношения. Ты умная, добрая, талантливая. А они... они просто пользуются твоей беззащитностью. И Максим этот — он моральный урод. Я не понимаю, как можно поднимать руку на девушку. Он ведёт себя не по-мужски. Он не мужчина.

Она выдохнула. Слезы снова стояли в глазах, но она сдержала их.

— Я пытаюсь держаться, — прошептала она. — Но иногда кажется, что сил больше нет.

— Ты можешь рассказывать мне всё. Если тебе нужна помощь, у тебя есть я — сказал Никита твёрдо. — Теперь у тебя есть я. Давай мы что-нибудь придумаем.

Даша почувствовала, как в груди разливается тепло. Она решила сменить тему, чтобы не раскисать окончательно.

— Ты обещал рассказать про Катю, — сказала она, вытирая глаза. — Что между вами произошло?

Никита вздохнул, откинулся на спинку стула и посмотрел в потолок.

— Она была моей девушкой, — начал он. — Мы встречались почти год. Я думал, что у нас всё серьёзно. Она казалась мне надёжной, уверенной, яркой. Но через месяц я узнал, что она изменяет мне с каким-то парнем из соседней школы. Сначала мне об этом рассказали, а через некоторое время я увидел всё своими глазами. Но я почему-то простил её. Думал, что она одумается, что это была ошибка. Но она изменила мне снова. Через полгода — во второй раз. Уже с мужчиной постарше. Я пытался с ней поговорить, надеялся, что она поймёт. Но ей было всё равно. Ей было просто удобно со мной: я хорошо учусь, у меня есть деньги, я всегда готов помочь. Она использовала меня.

Он горько усмехнулся.

— Когда я понял это, я ушёл от неё. Я больше не мог терпеть эту ложь. Она не ожидала — думала, что я всегда буду терпеть. Когда я ушёл, она разозлилась. Пыталась вернуть, обещала измениться, но я знал, что это враньё. Я не хочу больше с ней иметь ничего общего. И теперь она видит во мне врага, а в каждой девушке, с которой я общаюсь, — соперницу.

Даша слушала его, и в её глазах светилось искреннее сочувствие.

— Не понимаю, как можно изменять такому хорошему и доброму парню, как ты, — сказала она. — Ты заслуживаешь намного большего. Вообще не понимаю, как можно изменять...

Никита улыбнулся, но в его улыбке была лёгкая грусть.

— Это уже в прошлом, — сказал он. — Я не хочу даже вспоминать о ней. Сейчас главное вот что. Надо подумать, как я могу тебе помочь. Ты не можешь больше приходить домой, где тебя ждут наказания. Видеться с Максимом тоже опасно. Вдруг он сделает что-то немыслимое. От него чего угодно можно ожидать. Мы должны найти какой-то выход.

Он нахмурился, размышляя.

— Может быть, я мог бы поговорить с кем-то из учителей? Или, если понадобится, с полицией?

— Нет! — испуганно перебила Даша. — Никакой полиции. Если узнают родители, они меня убьют. Они меня из-под земли достанут. И Максим тоже. Он никогда не простит мне, если я привлеку кого-то со стороны. Я не хочу иметь никаких дел с полицией, пожалуйста, не стоит...

— Хорошо, хорошо — Никита поднял руки в примирительном жесте. — Тогда придумаем что-то другое, но нам нужно действовать сегодня.

Он уже собирался продолжить, когда дверь класса скрипнула и на пороге появилась Настя. Даша вздрогнула и отодвинулась от Никиты, чувствуя себя застигнутой врасплох. Настя стояла в дверях, держа в руках рюкзак, и смотрела на них с явным удивлением.

— Ой, — сказала она, замешкавшись. — Извините. Я не знала, что тут кто-то есть. Я просто хотела забрать забытую тетрадь. Оказывается, я её потеряла, она должна быть тут.

Она прошла к своей парте, взяла тетрадь и уже направилась к выходу, но остановилась и обернулась.

— Даша, — сказала она, — я искала тебя, чтобы спросить, как ты. Всё хорошо? Ты выглядишь... лучше, чем утром.

Даша заставила себя улыбнуться.

— Да, всё хорошо, — ответила она. — Мы с Никитой занимаемся физикой.

Настя перевела взгляд на Никиту и на мгновение задержалась. В её глазах мелькнуло что-то неуловимое — Даша не могла понять, что именно. Но Настя быстро улыбнулась.

— Здорово, — сказала она. — Ну, я не буду мешать вам. Я подожду тебя в коридоре, Даша.

Она вышла, закрыв за собой дверь. В классе повисла тишина.

Никита посмотрел на закрывшуюся дверь и нахмурился.

— Она твоя подруга? — спросил он.

— Ну... да, наверное, — неуверенно ответила Даша. — Она подошла ко мне сегодня в раздевалке. Сказала, что у неё тоже никого нет, и предложила дружить.

Никита задумался на секунду.

— Хорошо, — сказал он. — Но будь с ней осторожна. Я не хочу тебя пугать, но я видел её с Катей несколько раз. Они иногда пересекаются. Не знаю зачем, но просто имей это в виду.

Даша почувствовала, как холодок пробежал по спине. Она вспомнила тот странный взгляд Насти в раздевалке, её замешательство, когда Даша спросила про Катю.

— Ты думаешь, она...? — начала Даша.

— Я ничего не думаю, — мягко перебил Никита. — Просто будь внимательна. Люди не всегда те, кем кажутся. Но я рядом, если что.

Даша кивнула, чувствуя, как внутри неё снова зарождается тревога. Но она отогнала её.

— Лучше давай вернёмся к физике, — сказала она. — А то я так и останусь с двойками.

Никита улыбнулся и снова открыл тетрадь.

— Хорошо. Тогда смотри: вот эта формула объясняет...

Они снова углубились в учёбу, и на некоторое время Даша забыла о своих страхах. Но в глубине души она чувствовала, что Настя — это не случайность. И что в этой школе разворачивается что-то большее, чем просто школьные будни.

За окном садилось солнце, окрашивая небо в тёплые цвета. Даша смотрела на Никиту, который увлечённо объяснял ей физику, и думала: Может быть, он действительно сможет меня спасти. Может быть, я ещё не потеряна.

Глава 11. Ночлег с сомнениями

Никита закончил объяснять последнюю формулу и закрыл тетрадь. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, и кабинет погрузился в полумрак. Даша сидела, глядя на исписанные листы, чувствуя, как в голове наконец-то начинает складываться картинка — физика постепенно переставала быть для ней китайской грамотой.

— Спасибо, что вызвался помочь мне, — сказала она, поднимая на него глаза. — Ты так понятно объясняешь. Я... я правда не знаю, как тебя отблагодарить.

Никита улыбнулся и покачал головой.

— Достаточно того, что ты сказала спасибо. Больше ничего не нужно.

Он помолчал, затем спросил:

— Куда ты сейчас планируешь пойти?

Даша замялась. Она отвела взгляд, теребя край рубашки.

— Не знаю, — честно ответила она. — Может быть, просто прогуляюсь по улице. Потом решу.

Она начала собирать вещи, чувствуя, как страх снова сковывает тело. Она уже представляла, как войдёт в прихожую, как мать встретит её злобным взглядом, как отец будет кричать.

А Максим... она не хотела даже думать о том, что он сделает после сегодняшнего унижения. Она встала, чтобы уйти, но Никита осторожно взял её за руку. Его пальцы были тёплыми, и Даша вздрогнула от неожиданности, но не отстранилась.

— Не нужно ходить по улице одной, — сказал он тихо. — Вдруг Максим поймает тебя? Он явно не успокоился. Да и зачем тебе одной бродить в темноте? К вечеру похолодает, ты замёрзнешь, проголодаешься.

Он помедлил, собираясь с мыслями.

— У меня есть идея, — продолжил он. — Я тут подумал... Я не знаю, согласишься ли ты... Но я живу один в квартире. Она двухкомнатная. Одна комната свободна. Ты могла бы оставаться у меня, сколько захочешь. О деньгах не волнуйся, я всё беру на себя. Я из дома работаю, у меня достаточно средств.

Даша замерла. Её сердце забилось быстрее, но не от радости. В глазах появился испуг. Она отступила на шаг, чувствуя, как внутри поднимается паника.

— Я не могу так, — прошептала она. — Наверное, я что-то сама придумаю...

Она отвела глаза. Мысли вихрем пронеслись в голове: «Он же парень. Я его почти не знаю. А вдруг он тоже хочет чего-то другого? Я не могу доверять никому. Даже ему. Вдруг он что-то сделает со мной? Остаться в квартире с малознакомым парнем – это глупо.»

Никита внимательно посмотрел на неё, и по выражению его лица она поняла, что он прочитал все её страхи.

— Даша, — сказал он мягко, — я знаю, о чём ты думаешь. Но я хочу, чтобы ты поняла: я не из тех, кто плохо относится к девушкам. Я не использую их, не пугаю, не пристаю. Я не перехожу личные границы. У меня даже в мыслях нет ничего такого. Я просто хочу помочь тебе. Ты же сама видишь, что происходит.

Даша подняла на него глаза. В его взгляде не было ни капли лжи или корысти. Только искренность и забота.

— Ты... ты действительно только по-дружески предлагаешь? — спросила она робко.

— Да, по-дружески, — подтвердил он.

Даша опустила голову, чувствуя, как внутри неё борются страх и благодарность.

— Я не могу решить так сразу, — сказала она честно. — Честно говоря, я боюсь. Я никому не доверяю. Просто... мне нужно подумать. Может быть, я подойду к Насте и спрошу у неё. Может быть, она сможет меня приютить на ночь.

Она боялась, что обидит Никиту своим отказом, но он лишь понимающе кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Сначала узнай у Насти. Если у неё получится — оставайся у неё. Но будь осторожна, помни, что я тебе говорил. Если что-то пойдёт не так, сразу звони мне. Я на связи.

Они вышли из кабинета и направились в коридор. Настя стояла у окна, задумчиво глядя на улицу, и, услышав шаги, она обернулась и подошла к ним.

— Даша, — сказала она, беря её за руку и отводя в сторону. — Я хочу тебя спросить... Вы с Никитой действительно занимались физикой? Это так долго... Я подумала, может, у вас что-то ещё?

Даша нахмурилась. Голос Насти звучал подозрительно, и она заметила, как та волнуется, поглядывая на Никиту, а затем отводя глаза.

— Мы занимались физикой, — ответила Даша. — Он объяснял мне формулы, я записывала. Что-то не так?

— Да нет, — Настя пожала плечами, но её улыбка была натянутой. — Просто я не понимаю, как можно так долго сидеть над физикой. Это же скучно.

Она говорила что-то, но Даша чувствовала, что Настя недоговаривает. Её взгляд метался, пальцы теребили край рукава.

— Настя, что-то волнует тебя? — спросила Даша с тревогой в глазах.

— Нет, нет, — быстро ответила та и вдруг добавила: — А можно я тоже буду заниматься с вами? Физикой. Вместе. Чтобы не скучно было.

Даша удивилась, но кивнула.

— Спроси у Никиты. Это же он объясняет.

Они подошли к Никите, и Настя с неестественно бодрым голосом спросила:

— Никит, а можно я тоже буду ходить на ваши занятия по физике? Мне тоже нужно подтянуть знания. Я плоховато понимаю этот предмет.

Никита на мгновение задумался. Он перевёл взгляд с Насти на Дашу, и в его глазах мелькнула тень недоверия. Но он кивнул.

— Хорошо. Приходи. Только предупреждай заранее.

Он снова посмотрел на Дашу и спросил прямо, не стесняясь присутствия Насти:

— Даша, ты спросила у Насти насчёт ночлега?

Настя удивлённо подняла брови.

— Ночлега? А что случилось?

— Мне некуда идти сегодня, — тихо сказала Даша. — Родители... ну, ты понимаешь. В общем, если я приду домой, то они меня накажут. Я не хочу возвращаться домой. Может быть, я смогу переночевать у тебя? Хотя бы одну ночь?

Настя на секунду задумалась, затем широко улыбнулась.

— Конечно! — сказала она слишком радостно. — У меня есть своя комната, родители мне не мешают. Всё спокойно. Пойдём.

Даша облегчённо вздохнула. Она повернулась к Никите, и он встретил её взгляд. В его глазах она прочитала предостережение: Будь осторожна.

— Звони, если что, — сказал он тихо, так, чтобы только она слышала. — Я всегда на связи.

Даша кивнула и пошла с Настей. Они вышли из школы, и холодный вечерний воздух обдал их свежестью. Улицы уже зажглись фонарями, и их жёлтый свет отражался в лужах на асфальте.

— Ты так странно смотришь на Никиту, — сказала Настя, когда они отошли подальше.
— Вы с ним что, давно знакомы?

— Нет, — ответила Даша. — Всего пару дней. Просто как-то быстро нашли общий язык. Но он очень добрый. Он помогает мне с учёбой. И сегодня он... защитил меня.

Настя нахмурилась.

— От кого?

Даша почувствовала, что не хочет рассказывать всей правды. Она ещё не доверяла Насте до конца.

— От одного человека, — уклончиво ответила она. — Не важно.

Настя промолчала, но Даша заметила, как она сжала губы. Они шли по пустынным улицам, и Даша разглядывала дома, деревья, мокрые скамейки. Внутри неё боролись надежда и тревога.

Дом Насти оказался типичной панельной пятиэтажкой на окраине. Скромный подъезд, лифт с ободранными стенами, запах кошачьей еды. Они поднялись на третий этаж, и Настя открыла дверь ключом.

— Заходи, — сказала она.

Квартира была маленькой, но уютной. В прихожей пахло домашним супом и стиральным порошком. Настя провела Дашу в свою комнату — небольшую, но светлую, с кроватью, столом и книжной полкой. На стенах висели плакаты с музыкальными группами, на полу лежал ковёр.

— Располагайся, — сказала Настя, жестом указывая на кровать. — Родители сейчас на работе, вернутся поздно. Можешь взять мою пижаму, если хочешь.

Даша благодарно кивнула. Она чувствовала себя неловко, но в то же время испытала облегчение: сегодня она не вернётся в тот ад, который называла домом. Они поужинали — Настя разогрела суп, нарезала хлеб. Они разговаривали о школе, о музыке, о книгах. Настя казалась дружелюбной, но Даша не могла отделаться от ощущения, что за этой маской скрывается что-то ещё. Вопросы Насти были слишком настойчивыми, особенно когда речь заходила о Никите.

— Он тебе нравится? — вдруг спросила Настя, когда они пили чай.

Даша поперхнулась.

— Что? Нет, мы просто общаемся по-дружески. Он помогает мне с физикой.

— Значит, вы просто друзья? — Настя усмехнулась. — А по тебе видно, что он небезразличен тебе. Ты смотришь на него так... по-особенному.

Даша покраснела и отвела взгляд.

— Я просто благодарна ему за помощь. И всё. А что, он тебе нравится?

Настя замешкалась на секунду, затем покачала головой.

— Нет, просто интересно. Он же красивый, а ты такая... тихая. Просто удивлена, что он с тобой общается.

Даша почувствовала укол неприятного ощущения. Слова Насти звучали как намёк, будто она недостойна внимания Никиты.

— Наверное, я устала, — сказала Даша, зевая. — Можно мне лечь спать?

— Да, конечно, — ответила Настя, и в её голосе появилась холодная нотка. — Я принесу тебе одеяло.

Даша легла, но долго не могла уснуть. Она лежала на спине, глядя в потолок, и прокручивала в голове события дня. Драка с Максимом, забота Никиты, его предложение жить у него, странное поведение Насти. «Почему она так интересуется Никитой? Почему спрашивает о нём

каждую минуту? И почему она так странно отреагировала, когда я спросила, не нравится ли он ей?»?

Даша вспомнила предупреждение Никиты: «Я видел её с Катей». И холодок пробежал по спине. «Может быть, она подслана Катей, чтобы следить за мной»? Эта мысль была ужасной. Даша сжала подушку и зажмурилась. Она хотела верить Насте, хотела, чтобы у неё была подруга, но страх быть обманутой был сильнее.

За стеной слышались шаги Насти — она ходила по квартире, что-то делала. Даша прислушалась: показалось, что Настя разговаривает по телефону, но голос был тихим, словно она шепталась. Даша не могла разобрать слов. Но в голосе Насти слышались какие-то приглушённые, почти злые нотки. «Она кому-то звонит. Кому? И зачем?» Даша закрыла глаза и попыталась уснуть. Завтра будет новый день. И она должна была решить, кому можно доверять, а кому — нет. «Максим, Катя, родители... Вокруг меня одни враги. Но Никита... Он какой-то другой.»

Она заставила себя успокоиться. Она не знала, что будет завтра. Но сегодня, хотя бы на одну ночь, она была в безопасности. И с этой мыслью она провалилась в сон.

Глава 12. Язвительные нотки

Даша проснулась от звука закипающего чайника и запаха жареных тостов. Комната Насти была залита серым утренним светом, который пробивался сквозь неплотно задёрнутые шторы. Она села на кровати, чувствуя, что голова всё ещё тяжёлая от тревожных снов. Ей снились руки Максима, крики матери, а затем — лицо Никиты, который пытался её догнать, но она убегала, не зная, кому верить.

Она привела себя в порядок, быстро умылась и вышла на кухню, где Настя уже стояла у плиты, помешивая что-то в маленькой кастрюльке.

— Доброе утро, — сказала Настя, обернувшись с улыбкой. — Выспалась?

— Спасибо, да, — ответила Даша, хотя это было не совсем правдой. — Насть, можно попросить тебя ещё кое о чём?

— Конечно, — Настя налила ей чай, и её голос звучал приветливо. — Говори.

— Можно я останусь у тебя ещё на пару дней? — спросила Даша, чувствуя себя неловко. — Мне нужно решить, что делать дальше. Я не хочу возвращаться домой... пока не придумаю план.

Настя на мгновение замерла, и Даша заметила, как в уголках её губ мелькнула какая-то странная, язвительная улыбка. Но она быстро спрятала её за маской доброжелательности.

— Конечно, оставайся, — сказала Настя, и её голос стал чуть холоднее. — Я же обещала. Сколько надо, столько и живи тут.

Даша почувствовала, как что-то внутри сжалось. Она не могла понять, что именно в словах Насти вызывало тревогу, и утреннее тепло, казалось, улетучилось. Она заставила себя улыбнуться и поблагодарить, но внутренний голос шептал: осторожнее, что-то здесь не так.

Они позавтракали в почти полной тишине, и Даша заметила, что Настя больше не смотрела на неё с той добротой, что вчера. Её взгляд стал оценивающим, почти ревнивым. «Она изменилась после того, как увидела меня с Никитой. Что-то в ней переключилось». Но Даша отогнала эти мысли. «Тебе надо где-то переночевать. Потом разберёшься. Это всего лишь твоя паранойя».

Они собрались и пошли в школу. День тянулся медленно. Уроки, перемены, шум коридоров — всё это проходило мимо Даши, как сквозь вату. Она чувствовала себя уставшей и разбитой, хотя и выпалась. Мысли о доме, о Максиме, о том, что её ждёт, не отпускали ни на минуту.

После последнего звонка Никита подошёл к Даше и Насте, которые стояли у окна в коридоре.

— Ну что, — сказал он, — идём заниматься? Я приготовил новые задачи по кинематике. Думаю, сегодня ты уже будешь решать их самостоятельно, Даш.

Даша улыбнулась, чувствуя, как в груди разливается тепло от его заботы. Ей было так легко рядом с ним, будто он был тем самым якорем, который не давал её унести течению отчаяния.

— Да, пойдём, — ответила она.

Настя шагнула вперёд, вставая почти между ними.

— А я тоже иду, — сказала она с нарочито бодрой улыбкой. — Ты же обещал, что я тоже могу присоединиться. Я тоже хочу подтянуть физику.

Никита на мгновение задержал взгляд на Насте, и Даша заметила, как он слегка нахмурился. Но он кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Пойдёмте в тот же кабинет.

Они устроились за партами. Никита сел рядом с Дашей. Настя заняла место напротив, но её взгляд постоянно переключался с доски на Никиту. Даша старалась сосредоточиться на объяснениях. Она чувствовала, что сегодня физика даётся ей легче, что формулы начинают складываться в голове. Она даже решила несколько задач сама, и Никита одобрительно кивал.

— Отлично, Даш, — сказал он. — Ты быстро схватываешь. Ещё пара занятий, и ты будешь решать задачи не хуже отличников.

Даша улыбнулась, чувствуя гордость за себя. Но она заметила, как взгляд Насти темнеет. Она сидела, сжимая ручку, и вместо того чтобы смотреть в тетрадь, она смотрела на Никиту. На его руки, когда он что-то писал. На его профиль, когда он поворачивался. На его плечи, которые выступали под чёрной футболкой. Настя почти не слушала объяснения. Она то хихикала над чем-то, что не было смешным, то перебивала Никиту вопросами, не относящимися к теме. Даша видела, как он старается скрыть нарастающее раздражение. Его челюсть сжималась, когда Настя очередной раз отвлекала его от объяснения.

— Никит, а зачем мы вообще учим эту физику? — спросила она, кокетливо наклонив голову. — В жизни это не пригодится.

— Чтобы уметь думать, — ответил он коротко и снова повернулся к Даше. — Смотри, здесь мы подставляем значение времени...

Настя фыркнула и обиженно закусила губу.

— Ты так хорошо объясняешь, — проворковала она. — Тебе не надоело быть учителем? Ты мог бы быть моделью. Или актёром. У тебя такая внешность... прямо как у кинозвезды.

Даша почувствовала, как внутри неё поднимается неприятное чувство. Настя вела себя слишком вызывающе. Она явно пыталась привлечь внимание Никиты, игнорируя Дашу. Никита сухо ответил:

— Спасибо, но я предпочитаю заниматься этим делом. Давайте сосредоточимся. Решите пока эту задачу, а я ненадолго отойду.

Он вышел на минуту в коридор, сказав, что нужно взять воду. Как только дверь за ним закрылась, Настя резко повернулась к Даше. В её глазах больше не было притворной доброты — только холодная расчётливость.

— Слушай, Даша, — сказала она, и её голос стал почти шипящим. — Он правда очень красивый и умный, да? Ты не находишь?

Даша опешила от такого прямого вопроса.

— Ну... да, — ответила она неуверенно. — Он хороший человек.

— Хороший, — усмехнулась Настя. — Он нравится мне, Даша. Я думаю, ты поняла это. Мы с тобой друзья, поэтому я говорю тебе это прямо. Ты должна понимать, что проводить с ним слишком много времени — это... ну, как-то нечестно по отношению ко мне.

Даша почувствовала, как холодок пробегает по позвоночнику. Она не ожидала такого прямого заявления. Это звучало как приказ, а не просьба.

— Настя, я... — начала она, но её перебили.

— Я дам тебе ключи от дома, — сказала Настя, доставая из кармана связку ключей. — Ты можешь уйти прямо сейчас. Займись уроками у меня. А я останусь здесь с Никитой. Наедине. Мы можем поговорить, я хочу узнать его получше. Ты ведь не против, правда?

Она смотрела на Дашу так, что та поняла: это не было вопросом. Это было требование. Даша почувствовала укол в груди. Ей было больно от того, как Настя отодвигала её в сторону, словно она была лишним предметом мебели. Но она не могла позволить себе ссору. Ей было негде жить, а Настя была её единственным временным убежищем. Если она обидит Настю, та закроет перед ней дверь. И тогда Даша окажется на улице.

— Хорошо, — сказала Даша тихо, заставляя себя улыбнуться. — Я поняла. Я не хочу мешать вам. Я пойду домой к тебе, сделаю уроки там. Не переживай.

Настя просияла. Но её улыбка была неискренней, почти торжествующей.

— Вот и отлично, — сказала она, вкладывая ключи в руку Даши. — Ну иди же быстрее. Пока Никита не вернулся. Удачи в учёбе!

Даша встала, чувствуя себя преданной. Она взяла рюкзак и спешно вышла из класса, не оглядываясь.

Никита вошёл в кабинет и увидел Настю, которая сидела одна, поправляя волосы и улыбаясь ему.

— А где Даша? — спросил он, нахмурившись.

— Она устала, — с лёгкой улыбкой ответила Настя. — Попросила у меня ключи и пошла домой. Сказала, что будет учиться сама. Не переживай, она взрослая девочка, сама разберётся.

Никита посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло подозрение. Он заметил на её лице язвительную улыбку. И он понял: что-то здесь не так.

— Хорошо, — сказал он сухо, беря свой рюкзак. — Тогда на сегодня занятие окончено. Без Даши я продолжать не буду.

Он развернулся и направился к двери, не обращая внимания на изумлённый взгляд Насти.

— Никит, но я же здесь! — крикнула она ему в спину. — Мы могли бы позаниматься вдвоём!

— В другой раз, — бросил он, не оборачиваясь, и вышел из кабинета, закрыв за собой дверь.

Настя осталась одна. Её лицо исказилось от гнева. Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Ну ничего, — прошептала она в пустоту. — Ты ещё заплатишься за это, Даша. Ты думаешь, что у тебя что-то получится с ним? Посмотрим. Я сделаю так, что ты пожалеешь, что вообще появилась в этой школе.

Она встала, выключила свет и вышла, оставив пустой кабинет в тишине. Её шаги гулко разносились по коридору, и в них слышалась решимость. Она не собиралась проигрывать. Никита должен был стать её. А Даша должна была исчезнуть.

Даша сидела в комнате Насти, глядя в окно. На улице темнело, фонари зажигались один за другим. Она держала в руках учебник, но не видела ни букв, ни формул. «Настя влюблена в Никиту. Она ревнует. Она хочет, чтобы я убралась с её пути». Даша почувствовала, как внутри неё разрастается холод. Она оказалась в ловушке — и не только из-за Максима и родителей, но и из-за новой «подруги», которая оказалась соперницей. «Кому я могу доверять? Никита — единственный, кто честен со мной. И я ушла, оставив его с Настей». Она взяла телефон и долго смотрела на номер Никиты, сохранённый в контактах. Её палец завис над кнопкой вызова. Она хотела нажать, рассказать ему всё, попросить помощи. Но она не нажала. Страх быть отвергнутой, боязнь обременить его — всё это остановило её. «Я справлюсь сама. Я всегда справлялась сама». Она спрятала телефон под подушку и закрыла глаза.

Глава 13. Фальшь

Даша уже почти провалилась в сон, когда услышала звук открывающейся двери. Она вздрогнула, приподнялась на локте и в тусклом свете ночника увидела Настю, которая вошла в комнату. Её лицо было напряжённым, брови сдвинуты, а в глазах читалась смесь раздражения и усталости.

Даше стало тревожно. Она села на кровати и начала извиняться, хотя сама до конца не понимала, за что именно:

— Настя, прости меня, я правда не знала, что Никита нравится тебе. Мы с ним просто друзья. Ничего больше. Я не хочу мешать вам. У тебя нет настроения из-за меня?

Настя раздражённо бросила рюкзак на пол и прошла к кровати, плюхнувшись на неё с тяжёлым вздохом.

— Я просто устала, — ответила она, не глядя на Дашу. — А Никита мне действительно нравится. Я хочу съехать от родителей и жить у него. У него есть деньги, он сможет меня обеспечивать и мне не придётся ничего делать.

Даша почувствовала внутри острое разочарование. Она думала о Насте совершенно иначе. Ей казалось, что они смогут стать настоящими подругами, поддерживать друг друга, делить радости и беды. Но сейчас в этих холодных, расчётливых словах, открылся совсем другой человек. Даша вдруг поняла, что не знает, зачем Настя подошла к ней тогда, в раздевалке.

Зачем предложила дружбу, если на самом деле в её сердце жили лишь корысть и желание использовать?

Она расчётливая, — мелькнула мысль. — Она общается с Катей, которая явно что-то замышляет. Я слышала её разговор вчера — она говорила с кем-то, вероятно, с Катей. Они что-то задумали вместе.

Настя не замечала, что её собственные родители относились к ней с добротой. Они не кричали на неё, не наказывали за каждую мелочь, не унижали. Наоборот — они заботились о ней, покупали новые модные вещи, искренне интересовались её жизнью. Но Настя не ценила этого. Она расценивала их заботу как контроль и мечтала сбежать. Даша подумала: «Если бы мои приёмные родители относились ко мне хотя бы наполовину так же, я была бы счастлива. Я бы никуда не хотела уходить».

Её мысли прервал голос Насти — резкий, приказной, не терпящий возражений:

— Даша, приготовь мне чай и бутерброды. Я голодная.

Даша опешила. Слышать такое было странно — как будто она была не подругой, а прислугой. Но она послушно встала с кровати, натянула кофту и отправилась на кухню. Она знала: если откажется, Настя просто выгонит её на улицу. А выбора у Даши не было. В голове промелькнула мысль позвонить Никите, но тут же испарилась, уступив место страху. Даша боялась, что будет чувствовать себя неловко, живя с парнем в одной квартире. Она боялась, что он может приставать к ней, хотя все его поступки говорили об обратном. Но страх был сильнее логики.

Я не должна бесить Настю, — решила Даша, нарезаая хлеб. — Иначе она выгонит меня отсюда. Я не могу позволить себе оказаться на улице.

Она быстро приготовила чай и нарезала бутерброды, поставила поднос перед Настей. Та взяла чашку, отпила глоток и снова заговорила, на этот раз с мечтательной ноткой:

— Он такой красивый, добрый, заботливый... Я уверена, что он будет ухаживать за мной, водить в рестораны, дарить цветы. Когда я перееду к нему, я буду купаться во внимании и заботе.

Она смотрела на Дашу подозрительно, словно проверяя, не ревнует ли та. Даша отвела взгляд, чувствуя, как внутри всё переворачивается от этой фальши.

— Кстати, — продолжила Настя, откусывая бутерброд, — мои родители уехали к родственникам на выходные. Мы тут с тобой вдвоём. И Катя предложила зайти к нам. Она хочет подружиться с тобой. Сказала, что нельзя, чтобы новенькая не стала нашей подругой. Придёт с парой своих подруг и друзей.

Даша насторожилась. Она почувствовала в этих словах какой-то подвох.

— Настя, ты же сама говорила, что они злые и жестокие, — сказала она. — Я не хочу общаться с ними. Зачем ты зовёшь их сюда?

Настя пожала плечами с деланным безразличием:

— Я поняла, что нельзя учиться в одном классе и не общаться. Ты обязательно должна быть здесь. Они придут, и мы пообщаемся с ними. Может быть, мы подружимся.

— Настя, честно говоря, мне всё это не нравится, — призналась Даша. — Мне кажется, ты что-то скрываешь. Скажи, вчера ты с Катей по телефону разговаривала?

Настя замерла, но быстро пришла в себя:

— Ну да, это она звонила. Предложила эту идею. Да брось, ничего странного здесь нет. Будет обычная тусовка.

— Нет, — покачала головой Даша. — Вы сами тусите, а я буду гулять на улице.

— То есть ты живёшь у меня, только чтобы ночевать? — в голосе Насти послышались стальные нотки. — А как же обещанная дружба?

— Настя, я обещала дружить с тобой, а не с ними. Пожалуйста, не заставляй меня. Я боюсь их. Это какой-то ваш план, да?

— Что? — Настя притворно удивилась. — Как у тебя вообще подобные мысли приходят в голову? Нет, раз ты здесь, значит, ты обязана быть завтра с нами. Всё будет хорошо. Я всё проконтролирую.

Даша замолчала. У неё пропал аппетит, в груди разрасталась тяжёлая тревога. Она боялась возражать — её могли выгнать. Боялась и позвонить Никите — он мог подумать, что она

навязывается. Она молча встала, легла на кровать и укрылась одеялом, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Она знала, что завтрашний день будет тяжёлым. Но выбора у неё не было. Пришлось вытерпеть эту вечеринку ради Насти.

Настало утро. Солнечные лучи пробились сквозь плотные шторы, но Даша уже не спала — она лежала, глядя в потолок, и слушала, как Настя возится на кухне. Внезапно раздался резкий, настойчивый звонок в дверь. Даша вздрогнула и села на кровати. Сердце забило чаще. Затем выбежала в прихожую. Настя распахнула дверь, и в прихожую, смеясь и переговариваясь, ввалились Катя, две её подруги — Вика и Лена — и несколько парней из параллельного класса. Все они были одеты броско, громко разговаривали, и их взгляды сразу же устремились на Дашу. Катя улыбнулась — но это была не добрая улыбка, а холодная, злая, предвкушающая.

— О, наша новенькая уже тут, — протянула она, проходя в гостиную. — Мы так рады тебя видеть, Даша.

Её подруги и друзья обступили Дашу, разглядывая её с ног до головы. На их лицах застыли насмешливые, презрительные ухмылки. Даша почувствовала, как по спине пробежал холодок. Они пришли не дружить, — поняла она. — Это ловушка. И я попала в неё.

Глава 14. Глоток вина

Даша осталась одна в коридоре. Настя, Катя и вся их шумная компания уже рассредоточились по квартире — кто-то прошёл на кухню, кто-то расселся в гостиной. Оттуда доносились звон бокалов, громкий смех, музыка, включённая на полную громкость. Даша стояла неподвижно и чувствовала себя призраком в этом чужом, враждебном мире. Она почти не заметила, как Настя подошла к ней со спины.

— Ты что тут стоишь одна? — спросила та с деланной заботой. — Пойдём. Мы разлили алкоголь. Ты пьёшь?

Даша вздрогнула и обернулась. Настя смотрела на неё с той же притворной улыбкой, но в глазах читалось нетерпение, почти приказ.

— Нет, — ответила Даша твёрдо, хотя голос дрогнул. — Я не пью. И не буду.

Настя приподняла бровь, не скрывая разочарования:

— А куришь?

— Тоже нет. Никогда не курила.

— Ну как же так можно жить? — Настя театрально вздохнула. — Совсем невесело. Сегодня мы станем подругами с Катей. Пойдём, для этого выпьешь немного. Тебе надо расслабиться. Давай повеселимся! Сегодня можно. Ты же напряжена. Ну посмотри на себя...

Даша почувствовала, как внутри закипает отчаяние. Она смотрела на Настю и видела перед собой совершенно чужого человека — расчётливую манипуляторшу, которая пытается втянуть её в ловушку.

— Разве чтобы дружить, обязательно нужно пить алкоголь? — спросила она тихо, но твёрдо.

Настя усмехнулась, и в её усмешке проскользнула злая ирония:

— Ты какая-то смешная, странная. Друзей у человека нет именно по этой причине. С правильными никто не хочет общаться. Я это поняла и теперь обрету друзей. А ты так и будешь одна, Даша. Одна и никому не нужная.

Каждое слово впивалось в сердце Дашы, как игла. Она чувствовала, как тонко Настя манипулирует ею, как заманивает в ловушку.

— Настя, извини меня, — сказала Даша, стараясь говорить ровно. — Я, пожалуй, пойду на улицу. Пройдусь там в тишине. Без меня вам будет лучше. Со мной будет скучно. Да и я не пью. Какой смысл мне тут сидеть?

Настя нахмурилась. Её лицо исказилось от раздражения, и она резко развернулась и ушла на кухню, не сказав больше ни слова. Даша слышала, как там зашептались — быстрые, взволнованные голоса, которые то стихали, то снова взрывались смехом. Она поняла, что они обсуждают её. Что-то замышляют. Она быстро прошла в комнату, дрожащими руками взяла телефон и нашла в Телеграме контакт Никиты. Пальцы почти не слушались её, но она набрала сообщение: «Никита, тут что-то неладное творится. Катя пришла, её подруги и друзья. Они заставляют меня пить. Пожалуйста, приезжай по этому адресу и заberi меня».

Она быстро ввела адрес квартиры Насти и нажала «отправить». Сообщение ушло. Даша положила телефон на кровать, выдохнула и начала собирать рюкзак — тетради, учебники, зарядку. Она хотела уйти как можно быстрее, пока они не заставили её сделать что-то ещё. Но дверь в комнату открылась.

На пороге стоял парень — высокий, широкоплечий, с наглой улыбкой и бокалом вина в руке. Он шагнул внутрь, и комната сразу показалась меньше, теснее, воздух стал тяжелее.

— Привет, — сказал он, прикрывая дверь за собой. — Ты Даша, да? Я Кирилл.

Даша отступила на шаг, прижимая рюкзак к груди как щит.

— Что тебе нужно? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Кирилл улыбнулся и подошёл ближе. Он протянул ей бокал:

— Хочешь выпить? Оно вкусное, не бойся. Мы ничего плохого для тебя не хотим. Хотим просто узнать тебя поближе.

Даша смотрела на бокал, и её сердце билось где-то в горле. Она знала, что нельзя пить. Она чувствовала это каждой клеткой своего тела: это ловушка.

— Я не пью, — сказала она.

— Все говорят, что не пьют, — усмехнулся Кирилл, делая шаг вперёд. — Но один глоток не считается. Держи, отпей немного. И пойдём в гостиную, нас там ждут.

Он снова протянул бокал. Даша смотрела на тёмно-красную жидкость, которая колыхалась в стекле. Она знала, что если откажется, будет конфликт.

Ладно, — решила она. — Отопью немного. Растяну время. Главное — не конфликтовать и дождаться Никиты.

Она взяла бокал и сделала маленький глоток. Вино оказалось горьким, терпким, с каким-то странным привкусом. Даша поморщилась, но, чтобы не обидеть Кирилла, сделала ещё один глоток. Кирилл сел рядом с ней на кровать, загадочно улыбаясь. Он смотрел на неё с таким выражением, от которого по спине пробежали мурашки.

— Ну как? Вкусно? — спросил он.

Даша кивнула, хотя на самом деле ей было противно. Она отпила ещё — уже почти половину бокала, просто чтобы чем-то занять руки и не смотреть в его глаза. Время тянулось мучительно медленно. Где-то в гостиной слышался смех, музыка, звон посуды. Телефон молчал — Никита не отвечал. Даша чувствовала, как внутри неё нарастает паника. Через некоторое время она вдруг ощутила, что голова стала необычно лёгкой, словно наполненной ватой. Картинка перед глазами начала расплываться, звуки стали приглушёнными, как через толстый слой воды. Её замутило, к горлу подступила тошнота.

«Что-то не так... В бокале что-то было»...

Она попыталась встать, но ноги не слушались. Тело стало ватным, тяжёлым, будто налитым свинцом. Она слышала, как Кирилл что-то говорит, но слова превращались в бессмысленный шум. Она увидела его лицо, приближающееся к ней. Он навалился на неё, толкая на подушку. Его руки нащупывали пуговицы на её пижамной рубашке. Даша хотела закричать, оттолкнуть его, но голос не слушался — из горла вырывался лишь слабый хрип. Она чувствовала, как её штаны соскальзывают вниз, как холодный воздух касается ног. Она с ужасом увидела, что Кирилл держит в одной руке телефон, направляя камеру на неё. Он снимал её, беспомощную, полураздетую, почти без сознания.

«Нет... только не это»...

Она попыталась сфокусировать взгляд, но комната плыла перед глазами, растворяясь в мутных пятнах. Она слышала, как он расстёгивает ремень на своих штанах, и почувствовала, как ледяной ужас пронзил всё её существо.

«Никита... где же ты... Скорее»...

И в тот момент, когда она уже почти потеряла сознание, раздался оглушительный звонок в дверь. А затем — грохот, крики, топот. Кто-то ворвался в квартиру. Даша услышала голос Никиты, прорывающийся сквозь пелену, словно луч света в кромешной тьме:

— Где она?!

А затем в дверях комнаты появилась его высокая фигура. Секунда — и Кирилл был отброшен в сторону с такой силой, что врезался в шкаф и рухнул на пол, выронив телефон.

— Что ты творишь, мразь?! — заорал Никита, нависая над ним. Его голос дрожал от ярости.

Он схватил Кирилла за горло и силой прижал к полу. Кирилл хрипел, пытаясь вырваться, но Никита держал его железной хваткой.

— Ты что ей подмешал?! — прорычал он, наклоняясь к самому его лицу. — Отвечай!

— Я ничего... она сама... — прохрипел Кирилл, но Никита не дал ему договорить. Он врезал кулаком ему в челюсть — глухой, тяжёлый удар, от которого голова Кирилла мотнулась в сторону.

Никита вскочил и рванул к Даше. Она лежала на кровати, полураздетая, с закрытыми глазами, и казалась безжизненной.

— Даша! — позвал он, трясая её за плечо. — Даша, очнись!

Она приоткрыла глаза, но взгляд был стеклянным. Она узнала его, попыталась что-то сказать, но из губ вырвался лишь тихий стон. Никита быстро натянул на неё одеяло, прикрывая её тело. Он схватил телефон, который выронил Кирилл, и с силой швырнул его в стену — тот разбился. Затем он натянул на Дашу штаны и рубашку, как мог, и подхватил её на руки. Она была лёгкой, почти невесомой.

В коридоре уже собрались все — Катя, её подруги, Настя. Они стояли с испуганными лицами, но Никита смотрел на них с такой ненавистью, что никто не посмел даже шагнуть ему навстречу.

— Вы все заплатите за это, — сказал он ледяным тоном. — Я вызову полицию. И вы сядете. Все!

Он пронёс Дашу мимо них, ни на кого не глядя. Настя попыталась что-то сказать, но Никита оборвал её:

— Ты не подруга ей. Ты такая же тварь, как и все. И учти: я сделаю всё, чтобы ты пожалела о сегодняшнем дне. Как ты вообще посмела так поступить с Дашей?!

Он вышел из квартиры, оставив за собой мёртвую тишину. На улице он бережно усадил Дашу на заднее сиденье своей машины, укрыл её своей курткой и сел за руль. Даша почти была без сознания. Она бормотала что-то бессвязное, время от времени открывая глаза и тут же их закрывая.

— Всё хорошо, — говорил Никита, поворачиваясь к ней. — Ты в безопасности. Я везу сейчас тебя к себе.

Он нажал на газ, и машина рванула вперёд. За окнами проплывали мокрые улицы, зажжённые фонари, серые дома. Никита сжимал руль так, что побелели костяшки. Он был зол — на себя, на то, что не приехал раньше, на всю эту грязную компанию, которая посмела тронуть Дашу.

«Я больше не позволю никому прикоснуться к ней, — думал он. — Никогда».

И он знал, что с этого момента всё изменится. Он заберёт её к себе, даст ей защиту, кров, и больше никто — ни Максим, ни ее родители, ни Катя, ни Кирилл, ни Настя — не смогут причинить ей боль. Он не знал, как именно будет решать все проблемы, но знал одно: он не отступит. Он будет рядом, чего бы это ни стоило.

Глава 15. Ты не одна

Никита поднялся по лестнице на третий этаж, прижимая Дашу к груди. Она была лёгкой, почти невесомой в его руках, и он чувствовал, как её дыхание — слабое, прерывистое — касается его шеи. Ключи звякнули, дверь открылась, и он шагнул в прихожую своей квартиры. Запах дома — дерева, чистоты, чего-то родного — окутал их.

Он аккуратно поставил её на пол, чтобы снять обувь. Затем нагнулся и осторожно стянул кроссовки с её ног — они были холодными, почти ледяными. Он нахмурился, но ничего не сказал. Подхватил её на руки снова и пронёс в спальню — ту самую комнату, которую когда-то предлагал ей. Светлую, уютную, с большой кроватью, покрытой бежевым пледом. Он положил её на кровать так бережно, будто она была хрустальной. Голова Даши утонула в мягкой подушке, и Никита расправил одеяло, укрывая её до самого подбородка. Рюкзак он поставил на полку у кровати, рядом с лампой.

Даша лежала неподвижно. Её лицо было бледным, почти белым, дыхание — поверхностным, сбивчивым. Он сел на край кровати и осторожно коснулся её лба. Кожа была влажной и горячей.

— Нужно вывести это из организма, — прошептал он, уже понимая, что ей подмешали что-то серьёзное. — Сейчас же.

Он приподнял подушку, чтобы голова Даши оказалась выше — так ей будет легче дышать. Затем подошёл к окну, распахнул его, и в комнату ворвался свежий, холодный воздух. Он взял телефон, чтобы вызвать скорую, но в этот момент Даша зашевелилась. Её глаза мед-

ленно открылись. В них была муть, боль, растерянность. Она сфокусировала взгляд на Никите и прошептала:

— Никита... пожалуйста, принеси какой-нибудь тазик. Меня тошнит.

Никита мгновенно отбросил телефон и выскочил из комнаты. Через несколько секунд он вернулся с небольшим эмалированным тазом, поставил его на пол рядом с кроватью и аккуратно присел рядом.

— Давай, — сказал он мягко, но твёрдо. — Нужно, чтобы тебя вырвало. Надо вывести всё это из организма. Не бойся. Я с тобой. Ты не одна.

Даша схватила тазик дрожащими руками. Её лицо исказилось от тошноты, она тяжело дышала, чувствуя, как комната плывёт перед глазами.

— Мне так плохо... — прошептала она. — Я не могу... Ужасно кружится голова...

Никита положил свою руку поверх её. Тёплый, спокойный жест, который дал ей почувствовать, что она не одна в этом аду.

— Всё хорошо, — повторил он. — Я здесь. Сделай глубокий вдох.

И её вырвало. Снова и снова, пока организм очищался от той гадости, которую ей подмешали. Никита держал её, поддерживал, не отпуская. Наконец приступы прекратились. Даша обессиленно откинулась на подушку, чувствуя, как пот стекает по лицу. Она закрыла глаза и прошептала:

— Никита... извини меня... мне стыдно перед тобой за то, что со мной произошло. Наверное, теперь тебе от меня противно?

Никита даже вздрогнул от этих слов. Он поднял её голову, заглянул в глаза:

— Что ты такое говоришь? Тебе было плохо. Они тебе что-то подмешали в бокал. А этот Кирилл... — Его голос дрогнул от гнева, но он сдержался, чтобы не напугать её. — Что он хотел с тобой сделать... У меня просто нет слов.

Даша сглотнула. Воспоминания начинали возвращаться, отрывистые, как кадры из чужого фильма:

— Я плохо помню всё... Я собирала вещи, хотела уйти, но он пришёл в комнату... Затем он протянул мне бокал вина. Я не хотела пить, но испугалась, что он разозлится, если я откажу. Я немного отпила, а потом... Потом всё стало мутным, начала кружиться голова, всё поплыло. Потом я почувствовала, как он на меня навалился... Он расстёгивал пуговицы на моей пижаме... Что-то говорил... Зачем-то держал телефон... — Она зажмурилась. — Пожалуйста, Никита, дай мне воды. Я так хочу пить...

Никита быстро налил воду из кувшина и подал ей стакан. Она пила мелкими глотками, чувствуя, как жидкость обжигает горло.

— Тебе сейчас надо поспать, — сказал он, забирая пустой стакан. — Слишком много сил ушло. У меня есть все необходимые лекарства, еда — не переживай ни о чём. Но сначала тебе нужно переодеться. Я дам тебе свою футболку и спортивные штаны. Надень их, если хочешь — можешь сходить в душ. А потом ложись спать. Как проснёшься, выпьешь таблетку и поешь. Хорошо?

Он ждал её ответа, стараясь не давить. Даша подняла на него глаза и увидела в них искреннее беспокойство, доброту, тепло. Она никогда не видела такого в людях, которые её окружали. Рядом с ним ей было безопасно. Тело успокаивалось, разум молчал, сердце билось ровнее.

— Пожалуй, я посплю, — прошептала она. — У меня совсем нет сил идти в душ и переодеваться. Я сделаю это потом... после сна.

Никита кивнул, поправил одеяло и погладил её по голове:

— Спи спокойно. Если что — зови. Я тут, в соседней комнате.

Он вышел из спальни и закрыл за собой дверь, оставив её наедине с тишиной и покоем. Даша смотрела на закрытую дверь и чувствовала, как из её глаз текут слёзы. Но это были не слёзы боли — это были слёзы облегчения. Впервые за долгие годы она чувствовала себя в безопасности. Впервые рядом с ней был человек, которому она могла доверять, который не хотел её использовать или унижить. Она закрыла глаза, ощущая мягкость подушки и тепло одеяла. Комната пахла деревом и чистотой, и этот запах успокаивал её, как колыбельная.

Я в безопасности, — подумала она перед тем, как провалиться в сон. — Я в безопасности...

И впервые за очень долгое время она уснула с чувством надёжности.

Глава 16. Слезы на его груди

Даша проснулась от солнечного света, пробивающегося сквозь неплотно задёрнутые шторы. Несколько мгновений она лежала неподвижно, пытаясь понять, где находится. Чистая простыня, мягкая подушка, запах свежести — это было так непохоже на её комнату в доме приёмных родителей, где всегда пахло сыростью и старыми вещами. Она медленно села на кровати. Голова всё ещё кружилась, но уже не так сильно, как вчера. Она перевела взгляд на свои руки — на них не было больше дрожи, и это было уже хорошо. Она помнила всё. Слишком хорошо помнила. «Кирилл, бокал, его руки на моей одежде... Никита, который ворвался, словно ангел-хранитель».

Даша встала, чувствуя лёгкую слабость в ногах. Оглядела себя — она всё ещё была в своей пижаме, которую Никита натянул на неё вчера, пока она была без сознания. Она помнила лишь отрывки этого момента — его сильные руки, заботу, осторожность.

Она вышла из комнаты и направилась на звук клавиш. В гостиной, за большим столом, сидел Никита. Он был сосредоточен на экране ноутбука, пальцы быстро бегали по клавиатуре. Рядом с ним были разложены какие-то схемы, чертежи, заметки. Даша остановилась в дверях, боясь нарушить его работу. Она смотрела на его профиль — серьёзный, собранный, и в то же время такой домашний в этой простой чёрной футболке.

Он почувствовал её взгляд, повернулся и мгновенно отложил работу. Подошёл к ней, положил руки на её плечи и внимательно заглянул в глаза:

— Как ты себя чувствуешь?

Даша смотрела в его карие глаза и чувствовала, как внутри тает ледяной ком, который она так долго носила в груди.

— Уже лучше, — сказала она тихо. — Спасибо тебе за заботу. За всё. Если бы ты не пришёл, то я не знаю, что бы со мной произошло.

Она чувствовала себя неловко, стоя перед ним в старой пижаме, с растрёпанными волосами и следами бессонной ночи на лице. Она вела себя робко, стеснялась, не зная, куда деть руки. Никита всё это заметил, но ничего не сказал, чтобы не смущать её ещё больше.

— Ты голодная? — спросил он, мягко улыбнувшись. — Хочешь есть?

— Что-то аппетита совсем нет, — честно ответила Даша. — Ничего не хочу.

Никита покачал головой с лёгкой укоризной:

— Тебе нужно поесть хоть немного, чтобы набраться сил. Иначе ты не выздоровеешь. У меня стоит куриный суп в холодильнике, я вчера варил. Давай я разогрею его, приготовлю горячий чай. Съешь сколько сможешь. Хорошо?

Даша кивнула. Она чувствовала себя неловко — в первый раз она была наедине с парнем в его квартире. Разные мысли лезли в голову: а что, если он начнёт что-то требовать? Что, если он такой же, как все?

Но каждая секунда, проведённая рядом с ним, доказывала обратное. Он был мягким, заботливым и не переходил границ.

— Никита, — спросила она, и голос её дрогнул, — Кирилл хотел изнасиловать меня, да?

Никита замолчал. Он сделал шаг ближе, и его лицо стало серьёзным.

— Да, — ответил он коротко, но затем добавил твёрже: — Только, слава Богу, он не успел.

Даша опустила голову. Слезы уже подступали к глазам, и она старалась сдержать их, чтобы не показаться слабой. Она не хотела плакать при нём, не хотела, чтобы он видел её разбитой и уязвимой. Но слёзы предательски катились по щекам, и она не могла их остановить. Никита ничего не сказал. Он просто обнял её. Осторожно, невесомо, но крепко. Его рука легла на её волосы, и он начал гладить их, успокаивая. Даша уткнулась носом в его грудь и расплакалась. Она плакала навзрыд, как маленький ребёнок, которому наконец-то позволили выплеснуть всю боль, копившуюся годами. Она плакала за себя, за свои страхи, за унижения, за те ночи, когда она лежала в своей комнате и мечтала исчезнуть. Она плакала от благодарности к этому парню, который держал её в объятиях и не задавал вопросов.

Никита прижал её к себе крепче и заговорил, и его голос был тёплым и мягким:

— Я знаю, как тебе больно от этого. Знаю, как тебе страшно. Но запомни: больше никто не посмеет тронуть тебя. Даша, если ты почувствуешь что-то неладное, если что-то будет тебя пугать или тревожить, — сразу говори мне. Я разберусь. Ты молодец, что написала мне. Ты не промолчала. Это главное.

Он говорил, и каждое его слово снимало с неё тяжесть. Она чувствовала, как напряжение уходит, как дыхание становится ровнее. Она плакала, но ей с каждой минутой становилось спокойнее. Прошло несколько минут, и она наконец успокоилась. Она подняла голову и посмотрела ему в глаза — заплаканная, опухшая, но уже спокойная.

— Никита, — спросила она, — а ты точно ничего не сделаешь со мной? Ты не такой, как те, кто хочет меня использовать?

— Конечно, нет, — ответил он, глядя ей прямо в глаза. — Я не тот, кто так обращается с людьми. Я не выношу жестокости. Я обещаю тебе, даю слово — всё с тобой будет хорошо.

— Но парни не могут относиться к девушкам по-дружески, — прошептала она с горечью. — Так всегда говорят.

Никита покачал головой:

— Может быть, и не могут, а может быть, и могут. Но это не значит, что они обязательно должны приставать к ним, манипулировать или давить. Есть же добрые отношения. Считаю меня своим хорошим другом. Просто другом.

Даша выдохнула. Она чувствовала, как в душе отпускает. Там, где был ледяной страх, загорелась искорка доверия.

— Хорошо, — ответила она.

Никита улыбнулся:

— Давай так. Я разогрею суп и приготовлю чай. Как раз тоже поем — я с утра за работой, даже не завтракал.

— Ладно, — согласилась Даша. — А я пойду в душ. Можешь дать мне свои футболку и штаны, пожалуйста?

— Конечно, — кивнул он и вышел из комнаты, чтобы принести ей одежду. Через минуту он вернулся с большой мягкой футболкой и серыми спортивными штанами.

— Только они большие немного тебе наверное, на штанах есть резинка, — сказал он, протягивая ей вещи. — Душ в конце коридора, слева. Полотенца в шкафу. Всё чистое.

— Спасибо, — тихо сказала Даша, принимая одежду. Она чувствовала, как внутри становится тепло от этой обычной, но такой важной заботы.

Она направилась в душ, а Никита пошёл на кухню, чтобы разогреть суп. Уже через несколько минут до него донёсся шум воды, и он улыбнулся, представляя, как Даша отмывает от себя весь ужас вчерашнего дня. Он поставил на стол две тарелки, налил горячий чай и приготовил хлеб.

Когда Даша вышла из душа, на ней была его большая футболка, доходившая почти до колен, и мягкие штаны. Волосы, ещё влажные, спадали на плечи. Она выглядела по-домашнему, уютно и немного потерянно, но в её глазах уже не было того смертельного страха, который он видел вчера.

— Садись, — сказал Никита, пододвигая стул. — Суп горячий. Ешь.

Даша села, взяла ложку и сделала маленький глоток. Тёплый суп разлился по телу приятным теплом, и она почувствовала, как к ней возвращаются силы.

— Вкусно, — сказала она, поднимая на него глаза. — Правда вкусно. Ты замечательно готовишь.

— Я рад, что тебе нравится, — ответил Никита и сел напротив, беря свою ложку.

Они ели в тишине — спокойной, уютной тишине, которая не давила, а наоборот, защищала. Даша смотрела на Никиту, который ел суп, поглядывая на неё иногда с лёгкой улыбкой, и чувствовала, как впервые за долгое время её сердце бьётся ровно и спокойно.

Глава 17. Новый рассвет

Тишину на кухне прервал резкий, пронзительный звонок. Даша вздрогнула всем телом, и её рука, лежавшая на столе, дрогнула. Она перевела взгляд на экран телефона, который лежал рядом с пустой тарелкой, и сердце пропустило удар. На экране высветилось: «Мама». Ком встал в гортани. Пальцы мгновенно стали холодными и влажными. Она смотрела на имя, которое когда-то должно было означать для неё тепло, но теперь вызывало лишь животный страх. Телефон вибрировал, напоминая о себе, но Даша не могла пошевелиться. Она просто сидела, глядя на экран, как кролик перед удавом.

Никита перестал есть, отложил ложку и нахмурился:

— Кто это?

— Это мама, — прошептала Даша. — Она и вчера звонила, и позавчера. Писала мне. Я не отвечала. Я боялась. Меня ведь уже несколько дней нет дома. Они потеряли меня. Я не знаю, что мне делать. Я не хочу брать трубку. Меня снова будут ругать. Я так боюсь всего...

Её голос дрожал, и она чувствовала, как слёзы снова предательски подступают к глазам.

Никита спокойно посмотрел на неё:

— Если хочешь, давай я возьму трубку. Всё им объясню. Спокойно, без криков.

Даша покачала головой:

— Они разозлятся ещё сильнее. Вдруг они силой заберут меня обратно?

Никита покачал головой, и в его глазах зажглась твёрдая решимость:

— Не посмеют, если ты сама не захочешь этого. Тебе восемнадцать есть уже. К тому же я могу приглядывать за тобой. Если они обратятся в полицию, у них ничего не выйдет.

— Почему? — спросила Даша, поднимая на него заплаканные глаза.

— Потому что они плохо с тобой обращаются. Если полиции станет об этом известно, они не смогут оказывать на тебя давление. Ты можешь оставаться здесь сколько угодно. Это твой выбор, и никто не имеет права отнимать его у тебя.

Даша смотрела на него и чувствовала, как в груди крепнет вера. Она взяла телефон, перевела его в спящий режим и убрала в карман своих штанов.

— Я не буду брать трубку, — сказала она твёрдо. — Пусть звонят. Я выключу телефон. Как будто меня нет.

Никита улыбнулся и кивнул:

— Хорошо. Не бойся. Оставайся здесь сколько захочешь. Никто не сможет забрать тебя обратно насильно, против твоей воли. Ты имеешь право на спокойствие и счастье.

Он на мгновение замолчал, затем добавил:

— И Максим больше не побеспокоит тебя.

Даша вздохнула, чувствуя, как с плеч спадает часть тяжести:

— Наверное, я должна сказать ему, что мы расстаёмся. Только как? Может, позвонить?

— Да, позвони, — сказал Никита, — я если что рядом.

Даша взяла телефон дрожащими руками, включила его и набрала номер Максима. Гудки раздавались долго, бесконечно, и каждый из них отзывался в её сердце ударом молота. Наконец он взял трубку. Его голос был злым, шипящим, как у разъярённой змеи:

— Ну что, объявилась? Куда ты пропала? Где ты вообще?!

Даша молчала. Слушала его гневный голос, который раньше приводил её в ужас. Но сейчас она чувствовала, как внутри неё поднимается что-то новое — не страх, а решимость. Она молча протянула телефон Никите. Никита принял его и, глядя прямо в глаза Даше, заговорил спокойным, стальным голосом:

— Послушай, ты. Даша решила больше не быть с тобой. Она с тобой расстанется. Больше на этот номер не звони, иначе будешь иметь дело со мной.

Голос Максима взорвался яростью. Даже через динамик было слышно, как он кричит:

— Да кто ты такой?! Я её парень! Она только моя! Я её найду! Даша, ты пожалеешь! Я убью тебя!

Никита даже не дрогнул. Он поднёс телефон ближе к губам и произнёс холодно, чеканя каждое слово:

— Послушай, не смей больше к ней даже приближаться. Иначе убью тебя я. Это не угроза. Это обещание. Ты помнишь, что я сделал с тобой около школы? Видимо, ты уже забыл. Как же быстро ты забываешь обо всём... Если ещё раз ты окажешься рядом с ней, то проснёшься в больнице!

Трубка захрипела, и Максим отключился. Никита отложил телефон на стол.

Даша выдохнула, чувствуя, как всё тело охватывает дрожь, но это была дрожь облегчения.

— Я заблокирую его везде, — сказала она. — Я не хочу, чтобы он мне звонил и писал.

Никита кивнул, но его лицо оставалось серьёзным:

— Он ненормальный псих. Точно ненормальный... Я вообще не понимаю, как с такой хорошей девушкой, как ты, можно так ужасно обращаться...

На кухне повисла тишина. Каждый думал о своём. Даша смотрела в окно, где серое небо начинало очищаться, и чувствовала, как внутри неё рождается что-то новое. Она ещё не знала, что именно, но это было похоже на свободу.

Никита, — нарушила она тишину, — скажи... Кирилл держал телефон надо мной. Он снимал что-то. Дальше я не помню... Он что-то снял? У него есть какие-то мои фото или видео?

Никита посмотрел на неё, и его лицо стало жёстким:

— Он снимал, но я отобрал у него телефон и разбил. Даша, это ещё не всё. Я разберусь со всеми ними. Они за это заплатят.

— Я никогда не думала, что столкнусь с этим... — прошептала она.

— Это очень плохая компания, — сказал Никита. — Я от Насти такого не ожидал. Оказывается, они с Катей что-то замыслили.

— Я тоже не ожидала от неё такого поступка, — ответила Даша, чувствуя горечь в горле.
— Я думала, она сможет стать моей подругой... Но опять ошиблась.

Никита помрачнел:

— Врагу не пожелаешь таких друзей.

Даша почувствовала, что ей нужно сменить тему, чтобы не утонуть в этой боли. Она подняла глаза на Никиту:

— А скажи, почему ты живёшь один? Где твои родители?

Никита откинулся на спинку стула, и его лицо стало более расслабленным:

— Я уже с 14 лет живу один. Родители живут в Санкт-Петербурге. У нас хорошие, дружеские отношения. Я в 14 лет сам захотел переехать в Москву — учиться, жить, потом с 16 развивать начал бизнес. Мы с отцом ведём общее дело. Те схемы, чертежи, что ты видела, — это всё наше. Занимаемся разработкой и продажей продуктов в интернете. Всё идёт хорошо. А эта квартира досталась мне в наследство от бабушки и дедушки. Я просто сделал тут ремонт недавно, поэтому тут так пахнет деревом и свежестью.

Даша смотрела на него с восхищением:

— Ого... С 14 лет. Ты такой самостоятельный. А тебе не одиноко разве жить одному?

Никита улыбнулся, но в его улыбке была лёгкая грусть:

— Бывает временами. Работа спасает. Но я уже привык. Знаешь, лучше одиночество, чем фальшивые люди рядом. Только тогда можно стать зрелым человеком и понять свои истинные желания.

Даша задумалась над его словами. Они отзывались в ней чем-то глубоким, правильным. Она вдруг поняла, что этот разговор — самый искренний и важный в её жизни. Они говорили о том, что действительно имеет значение, без масок и притворства. Они разговаривали долго — о жизни, о мечтах, о страхах. Словно знали друг друга не несколько дней, а целую вечность. Даша чувствовала, как внутри неё загорается свет, которого так долго не было. Она впервые за много лет почувствовала себя не одинокой, не брошенной, не забытой. Когда беседа стихла, Никита посмотрел на неё и предложил:

— Может, вместе сделаем уроки? Я всё равно хотел повторить материал.

Даша улыбнулась искренне:

— С удовольствием.

Они встали, собрали тарелки и направились в гостиную, где на большом столе уже лежали учебники и тетради. Свет за окном становился теплее, и Даша чувствовала, что начинается что-то новое. Что-то, что она не могла назвать точно, но в чём хотела раствориться целиком — без остатка, без страха, без сомнений.

Может быть, — подумала она, — это и есть то самое начало, о котором я так долго мечтала?

Глава 18. Уютный вечер

Даша впервые за долгое время читала учебник физики с искренним интересом. Страницы, которые раньше казались ей китайской грамотой, теперь оживали, наполняясь смыслом. Она водила пальцем по формулам, пытаясь понять их логику, и с удивлением обнаруживала, что всё становится на свои места. Физические явления, взаимосвязи, законы — всё это больше не пугало её, а наоборот, подогревало любопытство.

Никита сидел рядом, терпеливо объясняя сложные моменты. Он приводил в примеры интересные факты — про движение планет, про силу трения, про то, как работает электричество. Говорил просто и увлекательно, не перегружая её сложными терминами.

— Смотри, вот этот закон работает везде, — говорил он, рисуя на листе бумаги схему. — Даже когда ты идёшь по улице, на тебя действуют силы. И если ты поймёшь это, то мир станет для тебя гораздо понятнее.

Даша слушала его, задавала вопросы, и с каждым разом пробелов в её знаниях становилось всё меньше. Ей казалось, что она впитывает каждое его слово, как губка.

— Скажи, — спросила она, поднимая на него глаза, — откуда ты столько всего знаешь? Тебя очень интересно слушать. Я не замечаю, как пролетает время.

Никита улыбнулся, откинулся на спинку стула и задумался:

— Я люблю эту науку. Она объясняет, как устроен мир. Я считаю, что это полезно знать. В свободное от работы время я много читаю. Ты тоже любишь читать, я заметил.

Даша кивнула, и её глаза загорелись:

— Да, я обожаю русских и зарубежных классиков. Иногда читаю разные статьи на английском. Открываю энциклопедии и читаю про животных. Меня это всё захватывает.

Никита посмотрел на неё с лёгким восхищением:

— У тебя так много интересов. А какое у тебя любимое литературное произведение?

Даша задумалась на мгновение:

— «Преступление и наказание» Достоевского. Это книга, которая точно не оставляет равнодушным. Каждый раз, когда я её перечитываю, я нахожу что-то новое для себя.

— О, это сильное произведение, — оживился Никита. — Я его тоже читал. Как ты думаешь, почему Раскольников пошёл на убийство? Он действительно верил в свою теорию о «праве имеющих»?

— Думаю, он сам себе лгал, — ответила Даша, и в её голосе послышалась глубокая задумчивость. — Он искал оправдание своему поступку, пытался убедить себя, что совершает благо. Но на самом деле он просто хотел проверить себя — сможет ли он переступить черту. И когда переступил, понял, что эта черта на самом деле была в нём самом. Его наказание — не каторга, а муки совести.

— Согласен, — кивнул Никита. — Достоевский гениально показал, что настоящее наказание рождается внутри человека. Соня — его спасительница. Не потому, что она святая, а потому что она простила его, приняла его таким, какой он есть, и показала ему путь к искуплению.

— Да, — Даша мечтательно улыбнулась. — Соня — это символ безусловной любви. Она не судит, она принимает. И в этом её сила. Раскольников искал в ней спасения, сам того не осознавая.

Они заговорили о других героях — о Порфирии Петровиче, о Дуне, о Свидригайлове. Спорили, соглашались, смеялись над парадоксами Достоевского. Даша чувствовала, как её душа раскрывается в этом разговоре, как она может быть собой, не боясь осуждения. Они перешли к другим темам — к истории, к искусству, к музыке. Даша рассказывала о своих любимых художниках, о том, как любит рисовать закаты и море. Никита говорил о своём бизнесе, о планах на будущее. Время летело незаметно.

— А теперь давай посмотрим, как у нас с русским, — сказал Никита, открывая тетрадь. — Честно говоря, я не очень силён в правилах.

Даша улыбнулась, чувствуя приятное волнение:

— Тогда я помогу тебе. Мы будем квиты — ты мне pomoжешь по физике, я тебе по русскому.

Она начала объяснять ему правила, показывать примеры, разбирать сложные случаи. Никита слушал её с явным интересом, но Даша заметила, что иногда его взгляд задерживался на ней чуть дольше, чем нужно. Он смотрел на её волосы — чёрные, шелковистые, которые мягко падали на плечи. На её руки — красивые, с тонкими пальцами, которые уверенно выводили буквы. На её лицо — с правильными, тонкими чертами, которые казались ему такими совершенными, что он не мог оторваться. Никита поймал себя на мысли, что смотрит на неё дольше, чем следует. Что-то в ней было необыкновенное. Не только красота, но и глубина, ум, душевное тепло. Она была не похожа на тех девушек, которых он встречал раньше. Она была настоящей.

Даша заметила его взгляд и почувствовала, как краска заливает её щёки. Она смутилась, опустила глаза и тихо спросила:

— Ты слушаешь меня?

Никита опомнился, слегка смущённо улыбнулся и извинился:

— Прости, задумался. Продолжай, пожалуйста. Ты очень хорошо объясняешь.

Они продолжили заниматься, и время пролетело ещё быстрее. Когда Даша подняла глаза и взглянула на часы, она удивилась:

— Уже 21:36! Я и не заметила.

— Время пролетело незаметно, — согласился Никита. — Может быть, перекусим? Я что-то проголодался.

— Я тоже, — призналась Даша.

Они прошли на кухню. Никита открыл холодильник и достал кастрюлю с картошкой и курицей.

— И это тоже я приготовил, — сказал он. — Разогреем, и будет отличный ужин.

Он разогрел еду, и они сели за стол. За окном уже была ночь, на кухне горел мягкий свет лампы, и от этого становилось особенно уютно. Даша ела и чувствовала, как внутри разливается тепло. Она за долгое время чувствовала себя не просто в безопасности, а по-настоящему счастливой.

— Вкусно очень, — сказала она, искренне улыбнувшись. — Спасибо тебе.

Никита улыбнулся в ответ:

— Я рад, что тебе нравится. Ешь с удовольствием.

Когда они закончили ужин, Никита предложил:

— Может быть, посмотрим фильм? Что тебе больше всего нравится?

Даша задумалась:

— Я люблю хорроры, приключения или документальные фильмы. Иногда драмы. А ты?

— Я тоже люблю хорроры и документальные фильмы, — ответил Никита с радостной улыбкой. — Скажи, что сейчас ты хотела бы посмотреть?

— Давай глянем хоррор, — предложила Даша. — Это так здорово, когда наши интересы сходятся.

Никита улыбнулся, встал и принёс ноутбук. Они устроились на диване, погасили свет, и на экране начался фильм. Было темно, только свет от экрана освещал их лица. Фильм был напряжённым. Даша несколько раз вздрагивала от неожиданных моментов, и каждый раз Никита тихо смеялся, а затем приобнимал её, успокаивая:

— Всё хорошо, это просто кино.

Она чувствовала его тепло, его сильное плечо рядом, и ей становилось легче. Она перестала бояться — не только фильма, но и всего остального мира. Она чувствовала, что в этой темноте, в этом маленьком уютном пространстве, она в безопасности.

К концу фильма Даша почувствовала, как тяжелеют веки. Она пыталась бороться со сном, но усталость накопилась за эти дни. Её голова медленно опустилась на плечо Никиты, и она провалилась в глубокий, спокойный сон.

Никита заметил, что она заснула. Он не стал будить её, а наоборот — осторожно обнял её, притягивая ближе. Он чувствовал её дыхание на своей шее, слышал, как ровно бьётся её сердце.

Он улыбнулся в темноте и прошептал почти беззвучно:

— Спи спокойно. Ты в безопасности.

Он закрыл глаза и сам начал проваливаться в сон, чувствуя, как её тепло согревает его. Ему казалось, что он держит в руках самое дорогое сокровище, которое когда-либо встречал в своей жизни. И он был готов защищать его любой ценой.

Ночь окутала их тишиной и покоем. За окном шумел ветер, но в этой квартире, среди света и тепла, зарождалось что-то новое, важное и настоящее.

Глава 19. Теплые лучи солнца

Настало утро. Яркие, тёплые лучи солнца пробивались сквозь окно, заливая комнату золотистым светом. На улице уже похолодало — жёлтые листья почти полностью опали с деревьев, и сквозь голые ветви проглядывало чистое, ясное небо. Но внутри квартиры было тепло и уютно.

Даша медленно открыла глаза. Она лежала на диване, укрытая мягким пледом, и чувствовала себя отдохнувшей и спокойной. Она приподняла голову и увидела, что Никита сидит

рядом, прислонившись к спинке дивана. На его лице была лёгкая улыбка, а на столике рядом стояли две кружки с остывшим чаем и выключенный ноутбук.

— Доброе утро, — сказал он, когда она приподнялась, поправляя волосы.

— Доброе утро, — ответила Даша, чувствуя, как на лице появляется улыбка. — Я впервые за долгое время спала спокойно. Только я не заметила, как уснула на твоём плече. Извини меня. Наверное, из-за меня теперь у тебя болит шея?

Никита засмеялся и покачал головой:

— Да что ты такое говоришь? Наоборот, с тобой было очень тепло. И это было очень мило.

Даша почувствовала, как смущается, и быстро встала:

— Я пойду умоюсь.

Она скрылась в ванной, а Никита направился на кухню. Через несколько минут квартиру заполонил аромат горячего кофе и вкусной яичницы. Даша вышла, и её глаза расширились от удивления:

— Ой, ты уже всё приготовил! Извини, я должна была помочь тебе... А то живу тут просто так, мне неудобно.

Никита повернулся к ней с лёгкой улыбкой:

— Перестань. Расслабься. Я люблю готовить. Не надо напрягаться.

— Тогда давай что-нибудь приготовим вместе в следующий раз? — предложила Даша.

— Конечно, — ответил он, и в его глазах мелькнул тёплый свет.

Он налил ей чашку ароматного кофе, поставил перед ней тарелку с аппетитной яичницей и тостами. Даша попробовала и не удержалась от комплимента:

— Да ты просто шеф-повар! Очень вкусно готовишь.

— Спасибо, — улыбнулся Никита. — Мне нравится готовить. Люблю экспериментировать.

Он ушёл умываться, а Даша осталась за столом, наслаждаясь завтраком и чувствуя, как день начинается с чего-то светлого и тёплого. Когда они закончили завтракать, Никита сел за рабочий стол, открыл ноутбук, и по его сосредоточенному взгляду Даша поняла, что он погружается в дела. Ей не хотелось мешать ему, и она оглядела комнату. Её взгляд упал на книжные полки, заполненные самыми разными томами.

— Никита, можно я возьму что-нибудь почитать? — спросила она.

— Конечно, — ответил он, отрываясь от работы. — Выбирай что хочешь. Там есть много интересного.

Даша подошла к полкам и начала перебирать корешки. В глаза бросился том в тёмной обложке с золотым тиснением — «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда. Она слышала об этом романе, но никогда не читала.

— Можно я возьму это? — спросила она.

— Отличный выбор, — улыбнулся Никита. — Это, кстати, история о человеке, который продал свою душу ради вечной молодости и красоты. О том, как внешность может быть обманчива, а внутренняя пустота и жестокость — разрушительны. Мне нравится, как тут Оскар Уайльд мастерски показывает, что настоящая красота — внутри человека.

Даша взяла книгу в руки и почувствовала, как внутри загорается интерес. Она устроилась на диване, открыла первую страницу и с головой ушла в чтение. Слова Уайльда захватили её с первых строк — история Дориана Грея, его сделка, его падение и то, как внешняя красота превратилась в проклятие.

День пролетел незаметно. Даша прочитала почти половину книги, и каждый раз, когда она поднимала глаза от страниц, она видела Никиту, который работал за своим столом. Наконец он закрыл ноутбук:

— Даша, давай готовить ужин вместе, как обещали? Что скажешь насчёт рагу с овощами?

— С удовольствием! — ответила она, закрывая книгу.

Они прошли на кухню, и началось самое приятное — совместная готовка. Даша взяла нож и начала нарезать овощи: болгарский перец, помидоры, морковь. Никита чистил картофель, и его руки двигались уверенно и быстро.

— У тебя хорошо получается, — заметила Даша, поглядывая на него.

— Спасибо, — улыбнулся он. — Мама научила. Говорила, что мужчина должен уметь готовить, чтобы быть самостоятельным.

За готовкой они обсуждали самые разные темы — от книг до путешествий, от музыки до планов на будущее. Даша чувствовала себя легко, свободно, как будто знала Никиту уже давно. Она не боялась говорить то, что думает, не боялась, что её осудят или высмеют. В какой-то момент Даша засмотрелась на него. Солнечный свет падал на его лицо, подчёркивая резкие скулы, лёгкую щетину на подбородке, каштановые волосы, которые слегка вились на висках. Его руки, сильные и уверенные, ловко орудовали с ножом, и она не могла не заметить, как перекачиваются мышцы под тканью футболки. Она смотрела на его лицо, на его глаза, сосредоточенные на деле, и чувствовала, как внутри неё что-то трепещет. Никита поднял голову и встретил её взгляд. Он увидел, как Даша смотрит на него — с восхищением и робостью, и улыбнулся. Даша покраснела и поспешно отвела глаза, делая вид, что увлечена нарезкой овощей.

— Ты чего смущаешься? — спросил он мягко, и в голосе его слышалась лёгкая игривость.

— Ничего, — быстро ответила Даша, но улыбка выдала её.

Они закончили готовить, сели за стол и насладились ужином. Рагу получилось ароматным и вкусным. Даша чувствовала, как внутри неё разливается приятное тепло. Всё было так просто и правильно, что она почти забыла о том, что ещё недавно её жизнь была кошмаром.

После ужина Никита предложил:

— Давай покатаемся на машине. Хочешь? Можно выехать за город, погулять на природе, а потом где-нибудь поесть, если проголодаемся. Как тебе?

Даша почувствовала, как в груди загорается радость:

— С удовольствием. Я так давно не была на природе.

— Тогда собирайся, — улыбнулся Никита. — Я одеваюсь, и выезжаем. Я давно так интересно ни с кем не проводил время.

Даша быстро надела чистую одежду, которую Никита дал ей накануне, и они вышли из квартиры. На улице было свежо, воздух был прозрачным и хрустальным, как стекло. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в тёплые золотистые и розовые тона. Никита открыл дверцу машины и галантно жестом пригласил Дашу сесть. Она села на пассажирское сиденье, чувствуя себя почти героиней фильма. Он сел за руль, завёл двигатель, и машина плавно тронулась с места. Они ехали по улицам Москвы, которые постепенно сменялись загородными дорогами. За окном проплывали леса, поля, озёра. Свет вечернего солнца пробивался сквозь ветви, и Даше казалось, что она попала в какой-то другой мир — спокойный, светлый, свободный.

— Нам всем иногда нужно сбегать от суеты, — сказал Никита, взглянув на неё.

— Да, — тихо ответила Даша. — Спасибо тебе за этот день. За всё. Этот день был таким наполненным для меня...

Никита улыбнулся, сжал её руку и сказал:

— Все хорошее только начинается, Даша. Всё будет хорошо. Я обещаю тебе.

Глава 20. Раздумья у озера

Они выехали за город, и дорога стала извилистой, окружённой высокими соснами и берёзами. Через некоторое время машина остановилась у небольшого озера, окружённого лесом. Вода была гладкой, как зеркало, и отражала бледно-голубое небо с редкими облаками. На поверхности спокойно плавали утки, оставляя за собой лёгкие круги. В лесу то и дело раздавалось чириканье птиц, которое затем сменялось глубокой, успокаивающей тишиной.

Даша вышла из машины и глубоко вдохнула свежий, прохладный воздух, пахнувший водой и прелыми листьями. Она подошла к воде и пошла вдоль берега, задумчиво поглядывая на водную гладь. Её взгляд устремился куда-то вдаль, словно она пыталась разглядеть что-то важное за горизонтом. Никита шёл рядом, наслаждаясь этой тишиной. Наконец он нарушил её:

— Иногда я приезжаю сюда, чтобы ненадолго отвлечься от городской суеты. Хожу рядом с озером, кормлю уток. Я взял с собой хлеб, хочешь покормить их?

Даша обернулась и улыбнулась:

— С удовольствием. Давай.

Никита протянул ей ломоть хлеба, и она начала бросать крошки в воду. Утки тут же подплыли ближе, и Даша почувствовала лёгкую радость от этого простого действия.

— Никита, скажи, — спросила она, задумчиво глядя на уток, — а как тебе удалось привыкнуть к одиночеству? Ты же живёшь один с 14 лет. Это не может быть так легко.

Никита остановился, задумался на мгновение, а затем ответил:

— Раньше было тяжело, Даша. Особенно в первые месяцы. Ночью — тишина, и кажется, что ты один во всём мире. Но я выбрал этот путь осознанно, чтобы повзрослеть. Одиночество — это не враг. Это время, когда ты можешь услышать самого себя, свои скрытые желания. Когда ты остаёшься наедине с собой, ты начинаешь понимать, что тебе на самом деле нужно. А контакт с природой — это лучшее лекарство. Когда ты смотришь на воду, на деревья, чувствуешь ветер — ты понимаешь, что ты часть чего-то большего. Это даёт опору, успокаивает. В одиночестве я научился быть честным с собой.

Даша слушала его внимательно, и в её глазах отражалось глубокое раздумье. Она некоторое время молчала, затем тихо произнесла:

— А я никогда не могла переносить одиночество спокойно. Мне было тревожно и с людьми, и одной. Когда я одна, мне хочется сбежать куда-то, спрятаться. Мысли мешают, они лезут в голову, как колючки. Боюсь оставаться наедине со своими мыслями — они всегда о грустном. Но сейчас... сейчас мне спокойно. Слава Богу, что я не одна.

Она сказала это и сама почувствовала, как внутри разливается благодарность. Она взглянула на Никиту, и в её глазах мелькнула тень чего-то глубокого, старого, что пряталось там годами. Никита заметил это — что-то, чего он раньше не видел. Словно в её прошлом скрывалась ещё одна, незажившая рана, которую она не решалась показать. Но Даша не стала развивать эту тему. Она постаралась улыбнуться и сказала:

— Что-то хочется посидеть в тишине. Просто посмотреть на воду.

Никита кивнул и пошёл к машине. Через минуту он вернулся с тёплым мягким пледом.

— Я взял его с собой, — сказал он, расстилая плед на траве. — Можем посидеть, а потом поедем и перекусим где-нибудь.

Даша опустилась на плед рядом с ним, чувствуя, как тепло пледа и тишина озера окутывают её покоем.

— Завтра снова школьный день, — сказала она. — Только вот некоторых тетрадей и вещей у меня нет. Они дома... у родителей. Я не знаю, что делать...

Никита повернулся к ней и спокойно ответил:

— Если хочешь, можем съездить за вещами сегодня вечером. Я зайду с тобой, чтобы тебе не было страшно. Или могу зайти один, а ты подождёшь меня в машине. Как захочешь.

Даша подумала и ответила:

— Хорошо, заберём. Спасибо тебе за эту помощь. С тобой мне не страшно будет ехать туда.

Они посидели ещё около получаса в тишине, каждый думал о своём. Даша смотрела на воду, слушала, как ветер играет с листьями, и чувствовала, как внутри неё успокаивается то, что так долго болело. Никита сидел рядом, глядя на горизонт, и думал о том, как неожиданно эта хрупкая девушка вошла в его жизнь и изменила её. Когда солнце начало клониться к закату, они встали, собрали плед и пошли к машине. Они заехали в небольшое уютное кафе у дороги, перекусили горячим супом и чаем, а затем направились в сторону дома приёмных родителей Даши. По мере того как они приближались к знакомым улицам, Даша чувствовала, как внутри неё нарастает тревога. Она сжимала пальцы в кулаки и смотрела в окно.

— Боишься? — спросил Никита, заметив её напряжение.

— Немного, — честно ответила она. — Но я знаю, что ты рядом. Это помогает.

Никита улыбнулся и положил свою руку на её ладонь:

— Я буду с тобой. Мы заберём твои вещи и уйдём. Никто не сможет тебя удержать.

Глава 21. Неприятный разговор

Машина медленно подъехала к знакомому серому дому. Даша смотрела на него из окна, и внутри неё всё сжималось. Здесь пахло холодом и давлением — даже воздух казался тяжёлым, пропитанным годами унижений и страха. Она тяжело вздохнула, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Никита заглушил двигатель, вышел из машины и обошёл её, чтобы открыть дверь со стороны Даши. Но когда он протянул руку, чтобы помочь ей выйти, она вдруг схватила его за запястье.

— Стой, Никита, — прошептала она, и в голосе её слышалась паника. — Я не пойду. Мне страшно. Можно я останусь здесь?

Никита посмотрел на неё — на её побелевшее лицо, дрожащие губы, испуганные глаза. Он мягко сжал её руку и сказал:

— Да, конечно. Просто скажи мне, что взять. Я всё принесу.

Даша выдохнула с облегчением и начала перечислять:

— Мои вещи в комнате, в шкафу — там висят куртка, несколько свитеров, джинсы. Учебники на столе, тетради в ящике. Ещё мои рисунки — они в папке под кроватью. Пожалуйста, не забудь их. Они для меня очень важны.

— Я всё принесу, — сказал Никита, закрывая дверцу машины. — Жди здесь.

Он направился к подъезду, чувствуя, как внутри закипает холодная решимость. Он знал, что ему предстоит встретиться с людьми, которые сделали жизнь Даши невыносимой, но он был готов к этому. Он поднялся на нужный этаж и постучал в дверь. Через несколько секунд дверь открылась, и на пороге появился отец Даши — приземистый мужчина с тяжёлым взглядом и напряжённой челюстью. Он окинул Никиту оценивающим взглядом с головы до ног.

— А ты кто такой? Что надо? — спросил он грубо.

Никита выдержал его взгляд и ответил твёрдо:

— Я друг Даши. Пришёл забрать её вещи.

Отец усмехнулся, скрестив руки на груди:

— А с какой стати? Что за друзья у неё такие? Максим звонил, сказал, что она его бросила из-за какого-то парня. Выходит, это ты?

— Да, это я, — спокойно ответил Никита, хотя внутри всё кипело. — И я знаю всё. Как вы с ней обращались. Про наказания, про унижения. Про то, что вы заставили её встречаться с Максимом против её воли. Так не должно быть. Дочь надо любить и защищать, а не обращаться с ней как с вещью.

Отец побагровел от гнева:

— Ты не будешь меня учить, как обращаться со моей дочерью! Проваливай отсюда!

Он попытался захлопнуть дверь, но Никита был быстрее. Он резко выставил руку, не давая двери закрыться, и шагнул вперёд, заставляя отца Даши отступить.

— Я не уйду, пока не заберу её вещи, — сказал он ледяным тоном. — Даша больше не вернётся сюда. Она будет жить у меня. Она имеет право. И если вы попытаетесь её забрать или причинить ей вред — вы будете иметь дело со мной. Я не шучу.

Отец опешил от такой наглости, но не нашёл слов, чтобы возразить. Никита прошёл в коридор и направился в комнату Даши. В комнате сидела Лиза. Она увидела незнакомого парня, который ворвался без стука, и нахмурилась:

— А ты кто такой? И зачем пришёл?

Никита даже не взглянул на неё, начал собирать вещи Даши, складывая их в пакеты.

— Где её одежда? — спросил он сухо. — Учебники, тетради?

Лиза опешила от такой прямоты и холодности. Она растерянно указала на шкаф:

— Там... в шкафу.

Никита молча открыл шкаф, сложил одежду, затем собрал учебники с письменного стола, заглянул под кровать и нашёл папку с рисунками. Он аккуратно положил её в пакет, проверяя, чтобы не помять. Родители стояли в коридоре, не решаясь войти. Они переглядывались, но не осмелились произнести ни слова. Что-то в этом высоком, уверенном парне заставляло их молчать. Когда всё было собрано, Никита вышел из комнаты, прошёл мимо отца и матери Даши, не удостоив их даже взглядом, и направился к выходу. У двери он обернулся:

— Ещё раз замечу, что если вы к ней прикоснетесь или попытаетесь её вернуть — я подам заявление в полицию. У меня есть свидетели и доказательства того, как вы с ней обращались. Вам это надо?

Он не стал ждать ответа, вышел из подъезда и направился к машине. Закинул пакеты в багажник, сел за руль и посмотрел на Дашу. Она сидела, прижав руки к груди, и смотрела на него с надеждой.

— Как всё прошло?— спросила она.

— Всё нормально, — улыбнулся Никита. — Как видишь, я забрал твои вещи.

Он завёл машину, и они поехали в тишине. Даша чувствовала, как напряжение постепенно отпускает её. Она смотрела в окно на проплывающие огни города и думала о том, что сегодняшний день стал поворотным в её жизни.

Дома они разобрали вещи. Даша аккуратно разложила свою одежду в шкаф, расставила учебники и тетради на столе, а папку с рисунками положила на видное место. Когда она открыла её и увидела свои старые работы, на глаза навернулись слёзы. Это было всё, что осталось от её прошлого — и она больше не боялась его.

Никита помогал ей, и они работали молча, но эта тишина была тёплой и уютной. Когда всё было готово, Даша выдохнула и улыбнулась:

— Спасибо, Никита. Ты даже не представляешь, как много для меня значит то, что ты сделал. Теперь на душе у меня гораздо легче...

— Я рад, что смог помочь тебе, — ответил он с улыбкой.

Настала ночь. Даша уже собиралась ложиться, когда Никита подошёл к ней. Он стоял в дверях её комнаты, задумчивый и серьёзный.

— Даша, — начал он осторожно, — можно задать тебе вопрос? Ты можешь не отвечать, если не хочешь.

— Спрашивай, — сказала она, хотя внутри уже всё сжалось.

— Где твои настоящие родители?

Даша замерла. Этот вопрос был для неё как удар в самое сердце. Она смотрела на Никиту, и ком в горле становился всё больше.

— Я не знаю... — прошептала она. — Мне никто никогда об этом не говорил. Наверное, просто от меня отказались...

Голос её дрогнул, и она опустила голову, пытаясь скрыть навернувшиеся слёзы. Никита сразу же подошёл к ней и обнял, прижимая к себе.

— Прости, — сказал он, — мне не стоило тебя об этом спрашивать.

— Ничего страшного, — ответила Даша, качая головой. — Если бы я только знала, где они... Я была маленькая, ничего не помню.

Она прижалась к его груди и заплакала. Слёзы текли по её щекам, и она не могла их остановить. Эта тема была для неё слишком болезненной. Никита молча гладил её по спине, позволяя выплакаться, и винил себя за то, что задал этот вопрос. Но где-то в глубине его сознания мелькнула мысль: «А что, если я смогу узнать, где её настоящие родители?» Он ничего не говорил ей. Просто молча обнимал, чувствуя, как её дрожь постепенно утихает.

— Хочешь, я сделаю тебе чай? — спросил он, когда она немного успокоилась.

Даша кивнула. Он усадил её на диван и быстро приготовил горячий чай с мёдом. Она пила его маленькими глотками, чувствуя, как тепло разливается по телу.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Я, наверное, пойду сейчас спать.

— Конечно, — ответил Никита. — Спокойной ночи.

Он проводил её до комнаты, и Даша легла в кровать, укрываясь одеялом. Никита закрыл дверь и пошёл в свою комнату. Но сон не шёл к Даше. Она лежала, глядя в потолок, и думала о том, что сказал Никита. О её настоящих родителях. Она никогда не думала о них слишком много, потому что это было слишком больно. Но сегодня, после всего, что произошло, этот вопрос зазвучал по-новому.

Наконец она уснула. Но сон был тревожным. Ей снился кошмар. Максим нашёл её, увёз к себе домой и начал душить. Его руки сжимали её горло, и она не могла дышать, не могла кричать, не могла позвать на помощь.

— Ты никуда не денешься от меня! — орал он. — Ты навсегда моя!

Даша проснулась с душераздирающим криком. В груди колотилось сердце, тело было покрыто холодным потом, а в горле стоял ком. Дверь мгновенно распахнулась, и в комнату вбежал Никита.

— Даша! Что случилось?!

Он сел на край кровати, и она тут же прижалась к нему, дрожа всем телом.

— Мне приснился кошмар... — прошептала она, — о том, как Максим... он душил меня...

Никита прижал её к себе крепче, глядя по голове:

— Тише, тише. Это всего лишь сон. В реальности сейчас этого не происходит и никогда не произойдёт. Ты здесь, ты в безопасности. Он не сможет тебя найти.

— Я боюсь спать одна, — призналась Даша. — Давно боюсь. Раньше в комнате мы с Лизой спали вдвоём... Может быть, у тебя есть какая-нибудь мягкая игрушка? Я обниму её и усну.

Никита посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло понимание. Он видел, что она хочет, чтобы её обняли, чтобы рядом был кто-то, кто даст ей чувство безопасности, но она не решалась сказать об этом прямо.

— Даша, — сказал он мягко, — если хочешь, я могу остаться с тобой сегодня ночью. Обещаю, всё будет спокойно. Я просто буду лежать рядом и тоже спать.

Даша кивнула, и он лёг на подушку рядом с ней. Она положила голову ему на грудь, чувствуя, как ровно и спокойно бьётся его сердце. Он обнял её одной рукой, другой начал гладить её волосы и спину. Движения были медленными, успокаивающими, как будто он убаюкивал ребёнка.

— Всё хорошо, — шептал он. — Ты в безопасности. Никто тебя не тронет.

Даша чувствовала, как её дыхание становится ровнее, как страх отступает, уступая место теплу и покою. Глаза закрывались сами собой. Рядом с Никитой она чувствовала себя защищённой, как за каменной стеной. Она уснула через несколько минут — спокойно, глубоко, без тревожных снов. Никита смотрел на её лицо, такое безмятежное во сне, и чувствовал, как внутри него поднимается что-то новое и сильное. Он осторожно поцеловал её в макушку и закрыл глаза.

— Спи, — прошептал он. — Я буду рядом.

Он тоже уснул, чувствуя, как её дыхание согревает его, как их сердца бьются в унисон. В эту ночь они оба впервые за долгое время почувствовали, что не одни. Что у них есть кто-то, кто готов защищать, поддерживать и любить.

Глава 22. Бывшая

Утро наступило неожиданно мягко. Солнечные лучи пробивались сквозь неплотно задёрнутые шторы, ложась тёплыми пятнами на пол и на кровать, где спали Даша и Никита. Она по-прежнему лежала у него на груди, её дыхание было ровным и спокойным, а лицо — безмятежным, словно все тревоги исчезли вместе с ночными кошмарами.

Никита проснулся первым. Он долго не шевелился, боясь нарушить этот момент. Он смотрел на неё — на её чёрные волосы, рассыпавшиеся по его плечу, на её ресницы, которые слегка подрагивали во сне, на её губы, сложенные в лёгкую улыбку. Он аккуратно провёл пальцами по её волосам, чувствуя, какие они мягкие и шелковистые. Внутри него разливалось что-то тёплое и спокойное. Он не мог отвести от неё взгляд. Она была такой хрупкой и одновременно такой сильной. Он чувствовал, как его сердце бьётся быстрее, и он не хотел, чтобы она просыпалась сейчас.

Тишину нарушил резкий звук будильника. Даша вздрогнула и открыла глаза. Она увидела лицо Никиты, который смотрел на неё с лёгкой улыбкой, и почувствовала, как внутри разливается спокойствие. Она медленно и тихо сказала:

— Так хорошо спалось... Не хочу никуда идти.

И снова закрыла глаза, прижимаясь к нему крепче.

Никита засмеялся — мягко, тепло, с лёгкой игривостью:

— Вставай, соня! А то в школу опоздаем.

И начал щекотать её. Даша взвизгнула, резко вскочила на кровати и, схватив подушку, кинула её в Никиту. Он ловко поймал её и засмеялся ещё громче.

— Ах ты! — воскликнула Даша, хватая вторую подушку и снова бросая в него.

Но Никита увернулся, и они оба засмеялись, чувствуя себя детьми, забывшими обо всех проблемах. Смех наполнил комнату, разгоняя остатки утренней сонливости.

— Ладно-ладно, — сказал Никита, поднимая руки в примирительном жесте. — Сдаюсь! Бегу умываться. Ты пока готовься.

Он вышел из комнаты, и Даша некоторое время сидела на кровати, улыбаясь своим мыслям. Ей казалось, что всё происходящее — сон. Как будто она попала в другую жизнь, где нет страха, насилия и одиночества. Где есть человек, который держит её за руку и защищает от всего мира.

Они быстро собрались, позавтракали и поехали в школу. Солнце уже поднялось высоко, но воздух был прозрачным и холодным. Даша смотрела в окно, чувствуя, как внутри неё крепнет уверенность. Когда они подъехали к школе, Никита припарковал машину неподалёку от входа. Они вышли из машины, но не успели сделать и пары шагов, как на пути у них встала Катя со своей свитой. Она стояла в окружении подруг, скрестив руки на груди, и смотрела на них с хищной усмешкой.

— Никита, — протянула она, — а что это она делает в твоей машине?

Никита остановился, и Даша почувствовала, как он напрягся. Она видела, как его челюсть сжалась, а глаза потемнели.

— Катя, отойди, — сказал он ледяным тоном. — Я помню всё, что произошло. Тебе это просто так с рук не сойдёт. Ты за это заплатишь!

Он взял Дашу за руку, и они обошли Катю, не обращая на неё внимания. Катя зло смотрела им вслед, сжав кулаки.

— Он специально это делает, — прошипела она, поворачиваясь к подругам, — чтобы меня позлить. Чтобы я ревновала. Ну ничего. Я сделаю так, что Даша сама не захочет больше с ним общаться. Её подруга, Вика, наклонилась ближе:

— Ну и как ты это сделаешь?

Катя усмехнулась, в её глазах загорелся холодный расчётливый огонь:

— Подговорю одноклассников, чтобы перед физкультурой все вышли из кабинета, где мы оставим Никиту одного. Даша тоже выйдет. Я возьму ключ от кабинета, зайду туда и закроюсь изнутри. Мы с Никитой останемся наедине.

— А если он выгонит тебя? — спросила подруга. — Если он не захочет видеть тебя?

Катя усмехнулась ещё шире, глядя на удаляющихся Дашу и Никиту:

— Никуда он не денется. Мужчинами в этом плане управлять легко. Я разденусь прямо перед ним. Он не устоит передо мной. Я с ним пересплю. А Даша будет стоять под дверью и слушать. А когда я выйду — с растрёпанными волосами, в расстёгнутой рубашке, она увидит всё собственными глазами. И тогда она больше не захочет иметь с ним дела. Она сама уйдёт.

Подруги переглянулись с одобрением.

— А если он не клюнет? — спросила другая.

— Он клюнет, — отрезала Катя. — Все мужики одинаковые. Им нужен только секс. И даже такой правильный, как Никита, не откажется от бесплатного удовольствия.

Она ухмыльнулась и направилась к школе, её подруги последовали за ней. Она уже видела, как триумфально будет выглядеть её план. Даша будет унижена, Никита будет в её руках, и всё вернётся на круги своя. Катя не сомневалась, что её замысел сработает.

В это время Даша и Никита шли по коридору. Даша чувствовала, как его рука сжимает её ладонь, и ей было спокойно. Но какая-то внутренняя тревога не давала ей покоя.

— Никита, — сказала она, когда они подошли к классу, — Катя так странно на нас смотрела, как будто что-то задумала.

Никита остановился и посмотрел на неё, его взгляд потеплел:

— Не обращай на неё внимания. Она блефует. Я не позволю ей тронуть тебя. Ты теперь под моей защитой. Никто больше не посмеет сделать тебе больно.

Даша улыбнулась, но в глубине души тревога не утихла. Она знала Катю. Она знала, что эта девушка не остановится ни перед чем. Она видела её глаза...

— Заходи, — сказал Никита, открывая перед ней дверь класса, — у нас ещё есть время перед звонком.

Они вошли в класс, и день начался. Но никто из них не знал, что уже через несколько часов им предстоит столкнуться с самым коварным испытанием. Катя не собиралась сдаваться. И её план был готов — жёсткий и изощрённый. Вопрос был лишь в том, сможет ли Никита устоять перед соблазном или же Даша снова останется одна.

Глава 23. Женские интриги

Никита и Даша прошли к своим местам. Он подумал немного, затем повернулся к ней и предложил:

— Даша, давай сидеть с этого момента вместе. Как ты на это смотришь?

Даша почувствовала, как внутри разливается приятное тепло. Она согласно кивнула и пересела к нему, чувствуя себя рядом с ним увереннее и спокойнее.

— Знаешь, — продолжил Никита, — когда я забирал твои вещи у твоих родителей, я заметил, что у тебя много рисунков. Мне стало интересно. Можно потом посмотреть на них?

Даша смутилась и опустила глаза, теребя край тетради.

— Не стоит, они дурацкие. Мне стыдно показывать их...

— Почему же? — удивился Никита, искренне не понимая, как можно стесняться такого таланта.

— Ну, я стесняюсь кому-то показывать своё творчество, — призналась Даша. — Могу показать несколько, но не обещаю, что тебе понравится.

— Хорошо, — улыбнулся Никита. — Я слышал, что рисунки передают то, что у человека на душе. Как думаешь, это правда?

Даша задумалась, и на её лице появилась задумчивая улыбка. Она взяла чистый лист бумаги и карандаш, и её пальцы начали уверенно выводить линии.

— Да, всё так и есть, — ответила она, не отрываясь от рисунка.

Никита сосредоточенно смотрел, как на бумаге появляется олень с красивыми, ветвистыми рогами, как оживает каждая линия, словно рисунок дышит.

— Ух ты, — восхищённо выдохнул он, — у тебя просто великолепно получается. Ты давно так рисуешь?

— С самого детства... — тихо ответила Даша, чувствуя, как его похвала согревает её изнутри.

И начался урок. Учительница что-то объясняла у доски, но мысли Даши были далеко. Она сидела, глядя на Никиту, и чувствовала, как внутри неё зарождается что-то новое, что она не ощущала никогда. Это было странное, тёплое чувство, которое разливалось по всему телу, когда он смотрел на неё. Она хотела бесконечно смотреть на него, хотела дотронуться до

его руки, до его плеч, до его волос, вдыхать его парфюм. Когда она думала о нём, на её губах появлялась улыбка, которую она не могла контролировать. Она вдруг поняла это: Я влюбляюсь в него. По-настоящему влюбляюсь.

Никита в это время тоже не мог думать об уроке. Он смотрел на неё, на её красивые чёрные волосы, которые мягко падали на плечи, на её глаза, в которых горел тёплый свет, и чувствовал, как его сердце бьётся быстрее. Он вспоминал их выходные — как она уснула у него на плече, как они готовили вместе, как она смеялась, когда он щекотал её. Он влюбился в неё в тот самый момент, когда она впервые вошла в класс — робкая, напуганная, но с такой глубокой теплотой в глазах. Её добрые глаза, мягкие черты лица, её теплота — всё это расположило его к ней с первой же секунды. Он хотел бесконечно смотреть на неё, держать её за руку, гладить её шелковистые волосы, прижимать её к своей груди и никогда не отпускать. Хотел всегда заботиться о ней, быть нежным с ней, защищать её от всего мира.

Их мысли прервал звонок на перемену. Нужно было идти на физкультуру. Класс начал собираться, и ученики потянулись к выходу. Даша с Никитой тоже вышли и направились к раздевалке. Но Катя, наблюдая за ними со своего места, уже продумывала свой коварный план. Она уже знала, что Никита один ни за что не останется в классе — он вместе с Дашей пойдёт до раздевалки. Так и случилось. Поэтому она решила действовать иначе. Она подошла к однокласснику и тихо сказала:

— Передай Никите, что его кто-то срочно ждёт в классе. Пусть он тут ненадолго останется.

Одноклассник кивнул, подошёл к Никите и передал просьбу. Никита нахмурился:

— Кто?

— Не знаю, сказали, что срочно.

Никита взглянул на Дашу:

— Я быстро, подожди меня у раздевалки.

— Хорошо, — кивнула Даша и направилась к раздевалке.

Никита развернулся и пошёл обратно в класс, не подозревая, что это была ловушка. Катя, притаившись за углом, проследила, как он вошёл. Затем она быстро достала ключ от кабинета, который взяла у учительницы под предлогом, что забыла вещи, и бесшумно скользнула следом.

Он открыл дверь и вошёл в пустой кабинет. В классе было тихо. Но через мгновение за его спиной послышались шаги, и дверь захлопнулась с металлическим лязгом. Он обернулся и увидел Катю, которая стояла у двери, держа в руке ключ.

— Что происходит? — спросил он, чувствуя, как внутри закипает гнев. — Ты с ума сошла? Дверь сейчас же открой! Шутки вздумала со мной шутить?

Катя улыбнулась — томно, притворно нежно, и подошла ближе:

— Ну что ты, милый, я просто соскучилась по тебе. Каждый день о тебе думаю... Помнишь, как мы с тобой когда-то были вместе? А я вот помню каждое наше мгновение... И хочу повторить всё, что между нами когда-то было. Ты же тоже этого хочешь... Ну не скрывай...

Она начала медленно расстёгивать пуговицы на своей рубашке, демонстрируя кружевной лифчик. Рубашка упала на пол. Затем и джинсы соскользнули вниз. Катя осталась в одном нижнем белье и начала приближаться к Никите, расстёгивая лифчик.

— Остановись, — сказал Никита холодно, выставя руку вперёд в знак стоп. — Ты мне неинтересна. Прекрати творить эту хрень и отдай мне ключ.

Катя так же медленно сняла свой лифчик и кинула его на пол, подошла к нему ближе, почти касаясь его тела.

— Ты же хочешь меня, — прошептала она. — Все мужчины хотят. Не притворяйся.

Никита резко выхватил ключ из её рук, оттолкнул её в сторону и молча направился к двери. Он не обернулся, не сказал ни слова. Катя осталась стоять в центре класса, обнажённая, растерянная и униженная. Её план провалился.

Никита вышел из класса злой и раздражённый. Но в коридоре он замер — перед ним стояла Даша. Она смотрела на него недоуменно, затем перевела взгляд за его спину, на дверь класса, которую он только что захлопнул. Что-то подтолкнуло её заглянуть внутрь. Она толкнула дверь, и её глазам предстала картина: Катя стояла посреди класса, натягивая рубашку на голое тело, с растрёпанными волосами и злым лицом. Даша повернулась к Никите, и на её лице застыл немой вопрос. В её голове крутились разные мысли, и каждая была острее ножа. Она почувствовала, как ей стало тяжело дышать, как слёзы начинают накатывать. Но она не хотела показывать никому свои эмоции. Она быстро развернулась и бросилась прочь, игнорируя оклики Никиты.

— Даша! Подожди! — крикнул он, бросаясь за ней. — Это не то, что ты думаешь! Дай мне объясниться!

Но Даша уже скрылась за дверью женского туалета. Она заперлась изнутри, прислонилась спиной к холодной кафельной стене и медленно сползла на пол. Слёзы полились ручьём, и она не могла их остановить. Она обхватила колени руками и дала волю горю, которое разрывало её сердце на части.

Глава 24. Сквозь слёзы

Я совершила ошибку, доверившись ему, — думала она. — Он такой же, как все. Он использовал меня. Просто пожалел, а я повелась на эту жалость. Дура. Какая же я дура. Я просто опять надумала себе то, чего нет. Просто нафантазировала...

Она закрыла глаза, и перед ней всплыли картины прошлого. Два года назад. Тогда она была ещё наивной, ещё верила, что любовь может быть настоящей. Ей казалось, что её первый парень, который улыбался ей и говорил тёплые слова, действительно испытывает к ней чувства. Она доверилась ему, открыла душу, поверила в то, что её могут любить. Но однажды она увидела его на улице. Он целовался с другой девушкой. Даша подошла к ним, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Она спросила, кто эта девушка, и он посмотрел на неё с такой холодной насмешкой, что у неё перехватило дыхание.

— Да посмотри на себя! — усмехнулся он при той девушке. — Я бы тебя никогда не выбрал. Мне было просто скучно с тобой. Ты мне не нравишься. А вот эта девушка мне нравится — она весёлая, красивая, мне с ней легко, у неё есть женственные формы. А у тебя-то что?

Даша сжалась, словно от пощёчины. Она чувствовала на себе взгляд той девушки, которая смотрела на неё с презрением. Она хотела провалиться сквозь землю. Её унизили. В тот день она впервые поняла, как легко можно разбить чужое сердце. И как больно, когда тобой просто играют.

С тех пор она начала стесняться своего тела, своих талантов. Ей казалось, что если она покажет себя настоящую, её снова осмеют, снова унижат. Она стала прятаться за свободной одеждой, за тишиной и скромностью. Она перестала доверять людям. А когда в её жизни появился Максим, он окончательно добил её доверие. Его контроль, его унижения, его руки, которые сжимали её горло — всё это сделало её замкнутой, напуганной, готовой к тому, что каждый новый человек принесёт только боль.

Зачем я живу? — пронеслось у неё в голове. — Лучше бы я умерла. Меня никто не любит. Я никому не нужна.

Она боялась этих мыслей. Потому что однажды они уже привели её к действиям. Но она не хотела вспоминать об этом. Слишком страшно. Слишком больно. Она сидела и продолжала думать о своей никчёмности, когда услышала шаги. Дверь туалета открылась, и в проёме показалась высокая фигура Никиты. Он вошёл, не обращая внимания на то, что это женский туалет. Ему было всё равно. Он увидел её — сидящую на полу у стены, с красными от слёз глазами. Её плечи вздрагивали, и она смотрела на него с такой болью, что у него сжалось сердце.

— Даша, — тихо сказал он, делая шаг вперёд.

Но она отодвинулась, вжимаясь в стену.

— Не подходи ко мне, — прошептала она. — Пожалуйста. Оставь меня. Я не хочу разговаривать с тобой.

— Я не могу тебя оставить тут одну в таком состоянии, — ответил Никита, останавливаясь на безопасном расстоянии. — Даша, это был план Кати. Она хотела заманить меня, чтобы произошло вот это. Я никак не отреагировал. Мне это не нужно. Я просто отобрал у неё ключ и вышел. Ты же сама видела. Я клянусь тебе, что не было ничего. Как я могу тебе это доказать?

Даша подняла на него глаза, и в них читалось недоверие. Она вспомнила, как он вышел из класса в гневе, с аккуратной одеждой, не растерянный, а злой. Но она боялась поверить ему. Слишком много раз её обманывали.

— Я никому не верю, — сказала она тихо.

Никита шагнул ближе и присел перед ней на корточки, чтобы быть на одном уровне.

— Я понимаю тебя. И прошу прощения, что я ушёл в тот класс. Если бы я знал, что это ловушка, я бы никогда не оставил тебя одну. Я ничего не чувствую к Кате. Она мне безразлична. Я говорю правду.

Даша резко прервала его, стараясь говорить равнодушно:

— Не переживай. Мы всё равно друзья.

Она пыталась казаться спокойной, но её голос дрожал. Она была слишком расстроена, чтобы скрыть это. Никита заметил, как она пытается закрыться, отгородиться от него. Её слова "мы всё равно друзья" прозвучали как удар. В его голове промелькнуло: «Просто друзья...» Но он прогнал эту мысль и снова заговорил:

— Даша, послушай. Всё, что я сказал, — правда. Я клянусь тебе.

Она поднялась на ноги, собираясь уйти. Но он резко взял её за руку, притянул к себе и, заглянув в глаза, крепко обнял.

— Даша, я клянусь тебе, мне всё равно на эту Катю. Я ненавижу неверность и всю эту пошлость. Я ценю прежде всего в людях верность и честность. Пожалуйста, поверь мне. Что я могу сделать, чтобы ты снова улыбнулась мне?

Он чувствовал, как её тело дрожит в его объятиях. Она не отталкивала его, но и не прижималась. Даша подняла голову и посмотрела ему в глаза. Её голос был тихим, почти безжизненным:

— Никита, ты свободный человек. Ты вправе делать всё, что захочешь. Я ничего тебе не говорю. Я и не должна тебе что-то говорить. У меня нет права обижаться на тебя за это...

Никита понял: то, что произошло, ранило её глубже, чем он думал. Она снова почувствовала себя преданной, даже если это была ложь. Она снова закрылась, как улитка в раковину. Он разжал объятия, но продолжал держать её за руки.

— Я не буду тебя ни в чём убеждать словами, — сказал он твёрдо. — Я докажу тебе это делом. Я восстановлю твоё доверие, чего бы мне это ни стоило.

Даша молчала. Она хотела верить ему, но страх был сильнее.

— Мне нужно время, мне надо подумать. Я сейчас вообще ничего не понимаю, — тихо сказала она.

— Хорошо, сколько угодно, — ответил Никита. — Я буду ждать. И я буду рядом, чтобы ты могла убедиться, что я не из тех, кто предаёт.

Глава 25. Разговор у спортзала

Никита с Дашей вышли вместе в коридор. По-прежнему там стояла тишина — все были на уроках, и лишь редкие шаги эхом разносились по пустому холлу. Даша шла рядом с ним, чувствуя, как внутри ещё дрожит недавняя боль, но присутствие Никиты рядом действовало на неё успокаивающе.

— Пойдём со мной до спортзала, — сказал Никита, нарушая тишину. — Я объясню физруку ситуацию, что произошло, а то мы опоздали.

Даша задумалась на мгновение, затем тихо спросила:

— Ты прямо всё так и расскажешь? Лучше скажи, что мне стало плохо и ты мне помог. Не нужно лишних подробностей. Я не хочу.

Никита кивнул, понимая её желание избежать лишнего внимания:

— Ладно, так и скажу. А ещё мне надо поговорить с Катей о её поведении. Это ненормально. Она меня конкретно сегодня выбесила.

Даша задумчиво постояла некоторое время, чувствуя, как внутри поднимается волна тревоги при мысли о встрече с Катей. Но она знала, что должна пережить это. Ради себя.

— Хорошо, — сказала она, — только когда я буду видеть её, эта картина будет стоять у меня перед глазами...

Никита выдохнул и взял её за руку, сжимая её ладонь в своей:

— Я знаю. Это было подло с её стороны. Но я действительно клянусь тебе: я не хотел причинить тебе никакой боли. Ты для меня важна, и я никогда не сделаю тебе больно.

Они направились к спортзалу. Внутри уже шла разминка, но Никита подошёл к физруку и тихо объяснил ситуацию, сказав, что Даше стало плохо и он помог ей прийти в себя. Физрук кивнул, не задавая лишних вопросов. Затем Никита позвал Катю к себе. Она вышла из спортзала с демонстративным видом, но в её глазах читалось унижение — её план провалился, и она это прекрасно понимала. Она скрестила руки на груди и с вызовом посмотрела на Дашу:

— Даша, если ты думаешь, что вот так легко будешь общаться с Никитой, то это не так! Мы встречались, и он мой.

Даша слушала её молча. Она не могла ничего сказать — ком в горле мешал говорить, а внутри всё сжималось от напряжения. Никита шагнул вперёд, становясь между ними:

— Ты уже в прошлом, Катя. Я уже никогда не стану твоим. Я сделал для себя все необходимые выводы. Твои поступки вызывают только чувство отвращения. Ты изменяла мне с кем-то — вот и иди к ним. Оставь нас с Дашей в покое.

В этот момент физрук позвал Дашу в зал, чтобы она выполняла упражнения вместе со всеми. Даша взглянула на Никиту, и он кивнул ей, давая понять, что всё будет хорошо. Она медленно вошла в спортзал, оставляя Никиту и Катю наедине.

Катя проводила Дашу взглядом, полным презрения, затем повернулась к Никите и усмехнулась:

— Чем она тебя так завлекла? Она же вечно стесняется, молчит, ничего толком сказать не может. Одевается неярко и мешковато. А ты посмотри на меня, какая я. Я яркая, у меня всегда классный парфюм с ноткой сладкого, тебе этот парфюм когда-то нравился, я одеваюсь в элегантные платья по-женственному, у меня классный макияж. У меня отличная фигура — я всё подчеркиваю. А она что? Только всё прячет. А прячет, видимо, потому что и показать нечего.

Она громко и надменно рассмеялась, ожидая, что её слова заденут Никиту. Но он даже не дрогнул.

— Знаешь, — ответил он спокойно, но с металлом в голосе, — вот этим она и привлекла меня. Тем, что не хвастается. В отличие от тебя, она умная, у неё естественная красота, глубина души и доброта. Этого у тебя нет. Я вижу в ней живого, искреннего, настоящего человека, а не фальшь. Сейчас в мире полно фальши. Надо отличать настоящее от лжи. А ты вся состоишь из лжи, ты в ней уже потонула. Ты вечно плетёшь какие-то свои грязные интриги, распускаешь сплетни, и от этого очень противно.

Катя скривилась, её лицо исказилось от злобы:

— Да она просто притворяется! Ты думаешь, она на самом деле такая хорошая? Она просто играет роль, чтобы ты её пожалел!

— Я не хочу спорить с тобой больше, — твёрдо сказал Никита. — Это бессмысленно.

Катя с вызовом посмотрела на него:

— И что, она правда нравится тебе?

Никита посмотрел на неё внимательно и уверенно, с серьёзным видом сказав:

— Да. Она мне нравится.

Катя усмехнулась, но в её усмешке слышалась горечь и зависть:

— Она какая-то стеснительная. Будь готов к тому, что её внимания ты никогда не добьёшься. Про постель я вообще молчу.

Никита смотрел на неё с лёгкой улыбкой, в которой не было ни капли сомнения:

— А моя цель — не постель. Мне нужны нормальные искренние человеческие отношения. А всё остальное приложится само собой и со временем. И да, я помню, что ты сделала. Тебе от наказания не уйти!

Он развернулся и вошёл в спортзал, оставляя Катю стоять одну в коридоре. Она смотрела ему вслед, и в её глазах горела ненависть. Она сжала кулаки и прошептала себе под нос:

— Ну ничего, ты ещё пожалеешь. Оба вы пожалеете.

Она перевела взгляд на Дашу, которая выполняла упражнения в зале, и её глаза сузились.

Я не проиграю, — думала она. — Я сделаю всё, чтобы ты заплатила за это.

Но Никита уже не видел её. Он подошёл к Даше и встал рядом, чувствуя, как её присутствие согревает его. Он больше не обращал внимания на Катю. В его мире существовала только Даша. И он был готов бороться за неё, несмотря ни на что.

Глава 26. Корни и ветки

Урок физкультуры закончился, и потоки учеников хлынули в коридоры, направляясь к следующим кабинетам. Даша и Никита прошли в класс, они сидели вместе за одной партой. Это было приятное ощущение — чувствовать его плечо рядом, слышать его дыхание, видеть его руки, которые уверенно перелистывали страницы учебника. Но внутри Даши всё ещё болело кое-что. Та картина, которую она увидела — полуголая Катя, закрытая дверь, растерянность на лице Никиты — стояла перед глазами, как заноза, которую невозможно вытащить.

Никита часто замечал, как Даша, когда задумывалась или когда ей становилось скучно, начинала рисовать. Её рука двигалась легко, словно сама собой, выводя на бумаге замысловатые линии. Её рисунки всегда были полны смысла, включали какие-то глубокие размышления, которые она не решалась произнести вслух. На этот раз она рисовала ветки дерева, корни, которые уходили глубоко в землю. Затем её карандаш вывел ствол, и на нём появились красивые, раскидистые ветки с листьями. Она наложила оттенки чёрного и серого с такой точностью, что рисунок казался живым — естественным, настоящим чёрно-белым деревом, котороеросло прямо на листе бумаги.

Никита заглянул в её тетрадь и замер, поражённый красотой и глубиной рисунка.

— Это потрясающе, — сказал он тихо. — О чём он? Я вижу в нём что-то большее, чем просто дерево.

Даша подняла на него глаза, и в них мелькнула лёгкая тень улыбки:

— Каждый человек рождается с корнями, — начала она. — Это то, что закладывается в нас с детства — семья, воспитание, первые впечатления. Всё это, как корни, удерживает нас в этой жизни. А затем появляются ветки — наш характер, наши стремления, наши мечты. И если корни крепкие и глубокие, то дерево вырастает сильным и высоким. А когда человек находит свой путь, он расцветает — вот эти зелёные листья. Это как будто человек находит себя, своё место в мире. А если нет поддержки у человека, это можно сравнить со слабыми корнями, то дерево ослабнет и будет увядать.

Никита слушал её, и в его глазах отражалось искреннее восхищение. Но он заметил, что, рассказывая о рисунке, Даша оставалась какой-то отстранённой. Её взгляд был направлен внутрь себя, словно она видела что-то, о чём не говорила. Тревожные мысли явно её отвлекали. После увиденной сцены ей стало ещё труднее довериться кому-то. Внутри неё уже начали зарождаться чувства к Никите, но теперь она боялась их. Боялась, что её предадут, бросят. Боялась раскрыться перед ним, показать ему свои слабости, думая, что он убежит и найдёт более весёлую, лёгкую девушку. Ведь она столько раз слышала, что парни ищут себе позитивных, жизнерадостных девушек, которые всегда улыбаются и с которыми нет проблем. А она не была такой. Она была раненой птицей, которая ещё не научилась летать, но уже боялась упасть.

Я слишком тяжелая для него, — думала она. — Слишком сложная, слишком тревожная. Он уйдёт от меня, как уходили все.

Она снова закрылась в себе, как улитка в раковине, пряча свои чувства и мысли за непроницаемой стеной. Никита заметил это. Он чувствовал, как она отдаляется, даже сидя рядом. Он знал, что она расстроена, и планировал поговорить с ней после урока, чтобы хоть как-то поддержать. Он видел, что в её душе скрыто много всего, что произошло когда-то давно, и это продолжало волновать её. Он хотел узнать, что за боль она прячет, но не сразу, а постепенно. Он чувствовал, что там была какая-то загадка и одновременно очень глубокая рана. Возможно, даже тайна, о которой она ещё не готова была рассказать. Из-за своих тревожных мыслей Даша совершенно не слушала учительницу. А шёл урок математики. Она не понимала этот предмет, и сегодня, из-за того, что была расстроена, ей было всё равно. Цифры и формулы мелькали перед глазами, но не имели никакого смысла. Она смотрела на доску, но видела лишь свои мысли, которые роились в голове, как потревоженные пчёлы в улье.

Учительница, пожилая женщина с острыми чертами лица, заметила, что Даша занята своим делом. Она строго посмотрела на неё через очки:

— Дарья, к доске!

Никита тихо сказал:

— Даша, на тебя смотрят. Иди к доске, а я как-нибудь тебе помогу.

Даша вздрогнула, отрываясь от своих мыслей. Она подняла глаза, встретила взглядом с учительницей и почувствовала, как внутри поднимается паника.

— Я не знаю, — тихо ответила она. — Я не могу выйти. Я ничего не понимаю.

— Выходи к доске, — настаивала учительница. — Покажешь, что ты знаешь.

Даша покачала головой, чувствуя, как ком подступает к горлу. Она просто не могла заставить себя встать.

— Нет. Я ничего не смогу решить.

— Тогда я ставлю тебе двойку, — холодно сказала учительница, делая пометку в журнале. — В следующий раз будь внимательнее на уроке. Я тебя спрошу.

Никита посмотрел на Дашу с недоумением и сочувствием:

— Почему ты не вышла? Я бы помог тебе. Ты же знаешь, я всегда рядом.

— Не хочу, — коротко ответила она, отводя взгляд. В её голове были мысли, о которых она не решалась говорить. Она чувствовала, что если откроется, если позволит себе быть уязвимой, то разобьётся вдребезги. Никита осторожно попытался взять её за руку, но она убрала руку за парту, словно боялась его прикосновения. Этот жест отозвался в его сердце глухой болью.

Прозвенел звонок. Даша начала быстро собирать учебники в рюкзак, хотя должны были быть ещё уроки.

— Ты куда? — удивился Никита. — Ещё рано уходить.

— Я как-то устала, — сказала она, не глядя на него. — Хочу немного прогуляться по улицам. Подышать воздухом.

Она уже направилась к выходу, но Никита догнал её, мягко взял за руку и вывел в коридор.

— Даша, что случилось? — спросил он тихо. — Ты не слушала урок, ты отстранилась от меня, ты уходишь, хотя должна быть на занятиях. Я чувствую, что что-то не так. Ты можешь мне сказать?

Даша стояла, опустив голову, и молчала. Затем она тихо произнесла:

— Я боюсь, Никита. Боюсь снова поверить и снова получить боль. Ты видишь, что со мной происходит. Я не могу просто так открыться. Это слишком страшно. Когда я увидела вас с Катей, у меня внутри всё перевернулось. Я знаю, что это была её игра, но в голове всё равно всплывают мысли: а вдруг я ошиблась? Вдруг ты тоже уйдёшь, как все? И я останусь одна.

Никита взял её за плечи, заглядывая в глаза:

— Я не уйду, Даша. Ты слышишь меня? Я не собираюсь тебя бросать. Дай мне шанс доказать тебе это.

Она подняла на него глаза, и в них стояли слёзы. Она хотела верить ему, но страх был сильнее.

— Мне нужно время, — прошептала она. — Я ещё не готова доверять.

— Хорошо, — ответил Никита. — Но, пожалуйста, не уходи. Я не отпущу тебя никуда одну. Не прячься от меня. Позволь мне быть рядом, даже если ты не можешь пока верить мне полностью.

Даша кивнула. Она не могла сказать больше, но чувствовала, как её сердце медленно оттаивает. Он снова взял её за руку, и на этот раз она не убрала её. Они стояли рядом друг с другом, и их молчание было красноречивее любых слов.

Глава 27. Дождь

Даша смотрела на дверь класса так, словно за ней таилась не школьная суета, а целая пропасть, готовая поглотить её. Тяжёлый взгляд скользнул по серым стенам, по тусклым лампам под потолком, остановился на окне, за которым осеннее небо наливалось свинцовой тяжестью. Она чувствовала, как воздух в классе становится плотным и вязким, как вода перед бурей.

— Мне как-то тяжело здесь дышать, — произнесла она тихо, и голос её прозвучал почти безжизненно. — Хочу уехать туда, где никого нет. Пойти прогуляться. Может быть, в тихий парк.

Никита взглянул на неё, и в его глазах зажглась тревога — не навязчивая, но глубокая, как колодец. Он не мог позволить ей уйти одной, не теперь, когда тени прошлого ещё блуждали по её лицу.

— Я не отпущу тебя одну, я же говорил тебе, — сказал он мягко, но твёрдо. — Вдруг ты встретишь Максима? Тогда давай поступим иначе: мы сбежим из школы вдвоём. Как тебе такая мысль?

В её глазах что-то дрогнуло — слабая искра, похожая на огонёк, который едва теплится в сыром ветре.

— Хорошо, — ответила она, и голос её стал чуть теплее. — Только не будет ли нам проблем из-за пропущенных уроков?

Никита усмехнулся, но в его усмешке не было пренебрежения — лишь лёгкая, успокаивающая уверенность:

— Это всего лишь школа. Мир не рухнет, если мы пропустим пару занятий. А если и упустим что-то важное, мы всегда сможем наверстать. Не переживай так.

Она кивнула, и они вышли из школьного коридора, оставляя за спиной гул голосов и звонки. Свежий ветер ударил в лицо, разгоняя духоту, и Даша глубоко вдохнула, чувствуя, как воздух начинает очищать лёгкие от тяжести.

Они сели в машину, и Никита направил её в сторону леса. Дорога вилась меж голых полей, уходящих к горизонту, где осеннее солнце пряталось за рваными облаками. Даша смотрела в окно, и за стеклом проплывали серые дома, одинокие деревья, стаи птиц, улетающих на юг. Её отражение в зеркале казалось ей чужим — бледным, с глазами, в которых застыла глубокая, бездонная усталость. Она старалась скрыть тревогу, но Никита то и дело поглядывал на неё и видел, как она сжимает пальцы в кулак, как её взгляд уходит внутрь, в те места, куда он пока не мог проникнуть. Он хотел воспользоваться этим временем, чтобы поговорить с ней по душам, открыть ей что-то о себе, чтобы она поняла: каждый носит в себе шрамы, и это не делает такого человека слабее. На заправке он купил два стаканчика горячего кофе, и его тёплый аромат наполнил салон, смешиваясь с запахом хвои, которая уже доносилась из открытого окна. Вскоре машина свернула на лесную дорогу, и сосновый бор открылся перед ними во всей своей осенней красе. Солнечные лучи пробивались сквозь густые кроны, оставляя на земле причудливый узор из света и тени. Тропинка, усыпанная рыжими иголками, уводила в глубину леса, и они пошли по ней — сначала молча, слушая лишь шелест ветра и крики птиц, а затем начали разговаривать. Слова рождались легко, словно сами собой, словно их мысли давно уже искали друг друга.

Даша остановилась у высокой сосны, её ствол был тёплым от солнца, и она оперлась на него, как на единственную опору. Никита встал напротив неё, и его голос был спокоен и проникновенен:

— Я вижу, что у тебя в голове много мыслей, и они грызут тебя изнутри. Если хочешь, ты можешь поделиться ими со мной. Когда слова обретают голос, они теряют свою власть над нами. Тебе станет легче, если ты выговоришься мне. Любому человеку ведь нужна поддержка.

Даша опустила взгляд, провела пальцем по коре, ощущая её шершавость, и тихо ответила:

— Да нет. Это временно. Они пройдут. Мысли — они как облака: приходят и уходят. Так, ничего особенного.

Никита не стал настаивать, но и не отступил. Он начал говорить о своём, о том, что знал из собственной жизни:

— Знаешь, мне кажется, это нормально, когда человек сталкивается с предательством. Со временем он учится отличать настоящих людей от фальшивых. Все люди сталкиваются с предательством хоть раз в жизни. Я ведь тоже прошёл через это. Друзья подставляли, бывшая девушка изменяла. Это было больно, но научило меня быть внимательнее к людям. Мы не роботы, Даша, чтобы всегда быть идеальными и сильными. Жизнь — это не прямая дорога. Она петляет, и на каждом повороте нас ждёт либо радость, либо боль. Это и есть настоящая жизнь.

Даша вскинула на него глаза, и в них мелькнула горькая искра:

— Но все хотят видеть рядом только тех, кто всегда улыбается, кто яркий, сильный, кто не обременяет проблемами. Как тогда быть?

Никита покачал головой, и его голос стал мягче:

— Тогда это не дружба и не любовь — это сделка. Искренние отношения строятся на том, что ты можешь быть собой — и в радости, и в печали. Люди, которые требуют только лёгкости, похожи на бабочек: они порхают с цветка на цветок, но никогда не укореняются. Они обречены на одиночество, потому что никто не может вечно носить маску. Любой человек может устать, заболеть, ослабнуть. И те, кто уходит при первом признаке слабости, никогда не узнают, что такое настоящая близость.

— Значит, ты считаешь, что слабого любить возможно? — спросила она, и в голосе её прозвучала затаённая надежда. — Того, кто в депрессии, кто в инвалидной коляске?

— Конечно, — твёрдо сказал он. — Такие люди заслуживают любви больше всего. Каждый человек достоин любви. Каждый. Без исключений.

Даша отвернулась, и слова её прозвучали почти беззвучно:

— Кроме меня.

Никита услышал это, и в его груди что-то сжалось. Он сделал шаг вперёд, коснулся её плеча, заставляя повернуться:

— Даша, я слышал, что ты только что сказала. Почему ты так считаешь?

Она подняла на него глаза, и в них стояли слёзы, которые она отчаянно пыталась удержать:

— Ну как же? Всё же ясно. Я слишком тревожная, слишком грустная, меня легко обидеть. Я слабая, не могу постоять за себя. Я не яркая, как другие. За что меня можно любить?

— Именно за это и любить, — сказал Никита, и в его голосе звучала непоколебимая убеждённость. — За твой ум, за твою доброту, за ту глубину, которую ты носишь в себе, за твою искренность. Ты просто не видишь себя со стороны. Зато я вижу. И я знаю: ты намного сильнее, чем ты сама думаешь. Со временем ты поймёшь это.

Она горько усмехнулась, качая головой:

— Тебе легко говорить. Ты сильный, умный, за тобой бегает девушки. Ты можешь за себя постоять.

Никита вздохнул, и в его взгляде мелькнула тень старых ран:

— Ты думаешь, меня не предавали? Я рассказывал тебе про Катю. Но были и друзья, которые оставляли меня в трудные минуты. Были те, кто должен был вернуть мне долги, но исчезли. Было много всего. Так что я не идеален. Я просто научился не опускать руки. И это тоже приходит с опытом. Мы все учимся на ошибках.

Даша хотела что-то ответить, но в этот момент небо, которое до этого казалось безмятежным, вдруг нахмурилось. Крупные капли упали на листья, сначала робко, затем всё чаще, превращаясь в холодный ливень. Ветер взметнул песок и сухие иголки, закружил их в воздухе. Лес потемнел, как будто наступили сумерки.

— Надо возвращаться! — крикнул Никита, но дождь уже хлестал по лицам, по одежде, мгновенно пропитывая её насквозь.

Они побежали по размокшей тропе, скользя и хватаясь друг за друга. Холод пронизывал до костей, зубной стук заглушал шум ливня. Даша дрожала, её тонкая толстовка превратилась в мокрую тряпку, и Никита, заметив это, обнял её на бегу, прижимая к себе, чтобы хоть немного согреть.

— Держись! — крикнул он, перекрывая ветер. — Почти дошли!

Они добежали до машины, промокшие до нитки, выбиваясь из сил. Никита открыл дверцу, помог Даше забраться внутрь, и сам плюхнулся на водительское сиденье, хватая ртом воздух. В салоне было тепло, и они сидели молча, переводя дыхание, пока крупные капли стекали по их лицам и волосам.

Никита включил печку на полную мощность, и тёплый воздух начал прогонять холод. Он повернулся к Даше, протянул ей свою сухую куртку, которую предусмотрительно оставил в машине:

— Надень. Согреешься.

Она накинула её на плечи, кутаясь в мягкую ткань, и почувствовала, как дрожь постепенно утихает. Её взгляд встретился с его — мокрого, с каштановыми волосами, прилипшими ко лбу, с каплями дождя на ресницах, и в груди что-то перевернулось. Она не могла подобрать слов, но он будто прочитал всё по её глазам.

— Спасибо, — выдохнула она. — За то, что ты есть.

Никита улыбнулся, и его улыбка была тёплой, несмотря на холод вокруг:

— Я всегда буду с тобой, Даша. Всегда.

Машина тронулась, и мокрый лес остался позади. Дождь всё так же барабанил по крыше, но внутри салона воцарилась та особая тишина, когда слова уже не нужны. Даша откинулась на сиденье, укутавшись в его куртку.

Глава 28. Горячая ванна

Они приехали домой вечером, когда город уже погрузился в сумерки. Дождь всё так же лил как из ведра, и капли с грохотом барабанили по крыше машины, словно пытаются пробиться внутрь. Даша дрожала так сильно, что зубы выбивали дробь. Её одежда превратилась в мокрый тяжёлый саван, прилипший к телу, и каждый шаг давался с трудом. Никита держался бодрее, но и его волосы были мокрыми, а на лице застыла усталость.

Они вошли в квартиру, и тёплый воздух обнял их, но Даша продолжала дрожать. Никита осмотрел её с головы до ног, и его взгляд стал серьёзным.

— Даша, ты вся промокла, — сказал он, и в голосе его звучала твёрдая забота. — Если ты сейчас не согреешься, то обязательно простудишься. Да и переживала ты слишком много. Тебе нужно расслабиться. Хочешь, я наберу тебе горячую ванну с пеной? Полежишь, согреешься. В тепле мысли становятся спокойнее.

Даша подняла на него глаза, и в них мелькнуло смущение и неловкость:

— Ты тоже замёрз. Я не могу просто взять и пойти лежать в горячей ванне, пока ты будешь мёрзнуть здесь. Я думаю, не стоит.

Никита улыбнулся, но его улыбка была мягкой, почти невесомой:

— Насчёт меня не переживай. Я сейчас переоденусь в тёплую одежду, и всё. Я обычно не болею, у меня иммунитет крепкий. Потом приму душ перед сном. Мне несложно позаботиться о тебе.

Даша молчала. Для неё было странно, что кто-то хочет о ней заботиться. Она не могла в это поверить. Внутри неё жило глубинное, почти неосознаваемое чувство вины, когда кто-то пытался сделать для неё что-то хорошее. Ей казалось, что она недостойна этой заботы, что она не заслужила её. Словно у неё была невидимая печать, которая делала её обузой для всех окружающих.

Она стояла, опустив голову, и молчала, и Никита, видя её замешательство, просто тихо прошёл в ванную. Даша услышала, как зашумела вода, и в груди у неё что-то дрогнуло. Она подошла к двери ванной и увидела, как он наклонился над ванной, проверяя температуру.

— Ой, не стоило, — начала она, но он выпрямился, посмотрел ей прямо в глаза и перебил:

— Ничего не говори и не отнекивайся. Если ты не согреешься — заболеешь. И что тогда? Я не могу позволить тебе простудиться.

Даша отвела взгляд, чувствуя, как краска заливает её лицо:

— Я стесняюсь. В чужой квартире лежать в ванне... Это как будто неприлично.

Никита шагнул к ней, и его голос стал мягче:

— Даша, перестань. Какая чужая квартира? Чувствуй себя здесь как дома. Как у себя. Я не могу закрывать глаза на то, как ты стоишь и дрожишь от холода.

От этих слов Даше нечего было сказать. В любом его предложении всегда была та особая твёрдая решимость, которая не допускала споров. Она думала: как он может быть таким строгим и одновременно таким мягким? С остальными он был жёстким, молчаливым и непоколебимым, словно гранитная скала. А с ней он становился мягким, как тёплый плед, в который хочется укутаться.

— Ванна готова, — сказал он, выходя. — Я пока разогрею ужин и сделаю чай.

Даша смотрела ему вслед, и в груди разливалось странное тепло, смешанное с благодарностью и страхом:

— Спасибо тебе, Никита.

Она вошла в ванную, закрыла за собой дверь, сняла мокрую одежду и вдруг замерла перед зеркалом. На её руках были следы от пальцев Максима — фиолетовые, болезненные синяки, которые медленно бледнели, но всё ещё напоминали о себе. На ноге тоже был синяк, большой, темнеющий на бедре. Даша смотрела на себя и тяжело вздохнула. Она осторожно забралась в горячую ванну, и вода с шипением приняла её. Пена пахла лавандой и хвоей — успокаивающий, глубокий аромат, который проникал в самое нутро. Даша закрыла глаза и медленно выдохнула. Тело постепенно отогревалось, напряжение уходило из мышц, и тревожные мысли, как облака, начали рассеиваться. Горячая вода окутывала её, словно невидимыми объятиями, согревая не только кожу, но и душу. Она вдыхала аромат лаванды и хвои и чувствовала, как он проникает в лёгкие, вытесняя остатки страха. На какое-то мгновение ей показалось, что она в безопасности. Что никто не сможет причинить ей боль.

Но затем нос заложило от холода, и она почувствовала, что дышать стало трудно.

— Только бы не простудиться, — прошептала она себе под нос. — Я уже, наверное, простудилась. И Никите придётся за мной ухаживать. Как же стыдно... Я не должна показывать ему свои слабости. Я должна быть сильной. Я должна скрывать это. А то он подумает, что я — одна сплошная ходячая проблема.

Она подняла голову, посмотрела на дверь. Закрыта. Выдохнула с облегчением. Она стеснялась себя — своего тела, своего внутреннего мира. Особенно тела. Слишком часто она слышала насмешки. В школе над ней подшучивали, что она не понравится ни одному парню, потому что грудь маленькая, потому что она слишком худая. Максим тоже не упускал случая унижить её, сравнивая с другими девушками. Поэтому она пряталась за толстовками, за сво-

бодной одеждой, за непроницаемой стеной. Она стеснялась даже собственного отражения в зеркале. И новая тревога накатила на неё.

«Никита нравится мне. Но пройдёт время, и если начнутся отношения... А я боюсь отношений. Боюсь доверять. Любые отношения подразумевают близость. А я боюсь секса. Боюсь показать своё тело. Боюсь услышать осуждение. Боюсь, что он отвергнет меня, как отвергали другие».

Она закрыла глаза и почувствовала, как внутри неё разрастается паника. Первый парень, с которым она встречалась, добивался от неё близости, а когда она отказалась — унизил её при всех, назвал фригидной. Максим тоже пытался склонить её к сексу, а когда она сопротивлялась — злился, оскорблял и говорил, что никто не будет с ней, если она не перестанет себя так вести.

Она думала: если Никита узнает, какая она на самом деле, если увидит её тело, если поймёт, что она боится близости, — он тоже уйдёт. Он найдёт себе весёлую, лёгкую, необременённую страхами девушку. А она останется одна, как и прежде. И эта мысль была невыносимой.

Она услышала звук телевизора из гостиной. Никита смотрел какой-то боевик — глухие звуки перестрелок доносились через приоткрытую дверь. Даша почувствовала, как успокаивающий шум помогает ей собраться. Она вылезла из ванной, и только тогда поняла, что забыла полотенце. И чистую одежду. Вся её старая одежда была мокрой, и она не хотела надевать её снова. Сердце забилося быстрее. Она стояла, прикрываясь мокрой одеждой, и чувствовала себя глупой и уязвимой.

— Никита... — неуверенно позвала она. — Я забыла полотенце и одежду... Можешь принести?

— Хорошо! — ответил он, и через мгновение она услышала его шаги.

Она приоткрыла дверь, прячась за ней, прикрываясь мокрой тканью. Когда он подошёл, она протянула руку, и он аккуратно вложил в неё махровое полотенце и стопку одежды. На мгновение их взгляды встретились. Никита смотрел на неё, и его дыхание на секунду замерло. Её мокрые волосы, чёрные, как вороново крыло, струились по хрупким плечам. Вода стекала по её шее, и она была так красива в своей естественности, в своей застенчивости, что у него перехватило дыхание. Но он не хотел смущать её и лишь тихо спросил:

— Всё хорошо?

Даша кивнула, чувствуя, как заливается краской. Она забрала вещи и закрыла дверь. Когда она вышла, на ней была её пижама — чёрная футболка и короткие шорты. Она стесня-

лась показываться перед ним в таком виде, чувствуя, что её ноги слишком открыты, что одежда слишком легка. Но Никита посмотрел на неё и на мгновение задержал взгляд. У неё была красивая фигура, стройные ноги, изящные лодыжки. Он постарался отвести взгляд, чтобы не смущать её, и улыбнулся:

— Идём ужинать.

Они сели за стол. Ужин был простым, но горячим и душевным — разогретая еда и ароматный чай с мёдом. Они обсуждали прогулку, смеялись над тем, как ливень застал их врасплох, и замолкали, наслаждаясь тишиной, которая была красноречивее слов. Даша смотрела на Никиту, и в её душе боролись два чувства: огромное желание поверить ему и страх, который удерживал её в клетке. Она хотела спросить его о чём-то важном, но не могла подобрать слов. Вместо этого она просто пила горячий чай и чувствовала, как этот вечер — тёплый и спокойный — постепенно лечит её разбитое сердце.

Глава 29. Тепло сквозь холод

После ужина Никита направился в душ, и шум воды вскоре наполнил квартиру тихим, убаюкивающим звуком. Даша осталась сидеть за столом, допивая остывающий чай. Она смотрела на пустую чашку, чувствуя, как внутри неё колыхнется странное, тревожное спокойствие — как поверхность озера перед грозой. Краем глаза она заметила движение в проёме двери. Никита, проходя мимо, снял футболку, и Даша, сама того не желая, задержала взгляд. Свет лампы падал на его плечи — широкие, сильные, с чёткими линиями мышц. Красивые ключицы, подкачанная грудь, пресс, словно вырезанный скульптором, широкая спина, на которой играли тени. Он был воплощением силы и мужественности, и Даша почувствовала, как её дыхание на миг перехватило. Она хотела отвести взгляд, но не могла. Что-то в этом зрелище было магнетическим, почти гипнотическим. Никита заметил её взгляд, и в уголках его губ мелькнула лёгкая, едва заметная улыбка. Даша тут же покраснела, словно её застали за чем-то постыдным, и быстро отвернулась, уставившись в пустую чашку. Сердце колотилось где-то в горле, и она слышала его стук в висках.

— Глупости, — прошептала она себе под нос, стараясь унять волнение. — Просто глупости.

Она взяла книгу, лежавшую на краю стола, — «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда, — и села с ней на диван, укутав ноги в мягкий плед. Буквы плыли перед глазами, но она заставила себя читать, погружаясь в мир красоты, порока и сделок с совестью. Однако мысли её были далеко — там, где вода стекала по его коже, где его улыбка была тёплой и загадочной. Нос заложило сильнее, и дышать становилось труднее. Горло начало першить — едва заметно, но настойчиво, словно внутри поселился маленький колючий комок.

— Только не это, — прошептала она, надеясь, что симптомы пройдут сами. — Только не сейчас.

Она сделала глоток уже холодного чая и вернулась к книге, пытаясь отвлечься. Через некоторое время к ней подошёл Никита. Его каштановые волосы были мокрыми и растрёпанными, на плечах лежало мокрое полотенце, а капли воды ещё блестели на коже, отражая тёплый свет лампы. Он был похож на героя древних мифов — сильного, прекрасного, но при этом такого родного и близкого.

— Читаешь? — спросил он, присаживаясь рядом с ней на диван. Тепло его тела, исходящее паром после душа, окутало Дашу, и она почувствовала, как внутри неё что-то оттаивает.

— Да, — кивнула она, стараясь не смотреть на его обнажённую грудь, которую он не спешил прикрывать.

— До какого момента ты дошла? — спросил он, заглядывая в книгу.

— Я на главе, где Дориан показывает Бэзилу свой портрет, — ответила Даша. — Портрет уже начал меняться, отражая его душу. И Бэзил видит это уродство, которое скрыто за красивой маской. Он ужасается, а Дориан... Дориан не чувствует вины. Только страх, что его тайна будет раскрыта. Как я поняла, это момент, когда красота окончательно отделяется от правды.

Никита задумчиво кивнул:

— Уайльд гениально показывает, что внешность — это лишь обёртка. Мы можем выглядеть прекрасно, но внутри нас может гнить что-то чёрное. И наоборот — человек может быть некрасивым внешне, но иметь чистую, светлую душу. Вопрос в том, что мы выбираем — быть настоящими или казаться.

Даша посмотрела на него с интересом:

— А чем тебе нравится эта книга?

Никита улыбнулся, и его голос стал глубже, задумчивее:

— Мне нравится, что она показывает цену сделок с совестью. Дориан получает то, что хочет — вечную молодость и красоту, — но теряет душу. Он становится рабом своей внешности, а внутри превращается в монстра. Это напоминает мне о том, что истинная ценность человека — не в том, как он выглядит, а в том, что он делает, и как он относится к другим.

И ещё мне нравится, что Уайльд не даёт простых ответов. Он показывает сложность морали и двойственность человеческой природы.

Даша слушала его, и её глаза теплели. Она чувствовала, как его слова отзываются в ней чем-то глубоким и личным.

— А что нравится тебе? — спросил он, поворачиваясь к ней.

Даша задумалась, провела пальцами по обложке:

— Мне нравится, что это история о последствиях. О том, что каждый выбор имеет цену, и часто она оказывается выше, чем мы готовы заплатить. И ещё... Мне нравится, что книга напоминает о том, никакая внешность не спасёт от внутренней пустоты. Что рано или поздно всё тайное становится явным. И что настоящая красота — внутри. Мы можем скрывать свои шрамы, но они всё равно проявятся.

Они замолчали, погружённые в общие размышления. Тишина была уютной, наполненной взаимопониманием. Никита перевёл взгляд на неё и вдруг заметил на её бедре, выглядывающем из-под коротких шорт, тёмный синяк. Его взгляд скользнул дальше — на её запястья, где также проступали болезненные пятна. Он мягко взял её руки, разглядывая их, и его лицо стало серьёзным.

— Больно? — спросил он тихо.

Даша быстро убрала руки, пряча их под плед:

— Да нет, это ерунда.

— Нет, — сказал он твёрдо, и в голосе его послышалась сталь. — Не ерунда. И на ноге у тебя тоже синяк. Это Максим, да?

Даша опустила голову, чувствуя, как внутри поднимается волна стыда и боли. Она не хотела, чтобы он видел это. Не хотела, чтобы он знал, насколько она была слаба.

— Да... Тогда, когда он меня толкнул. Я ударилась.

Никита сжал зубы, но сдержал гнев, чтобы не напугать её. Он встал и направился в ванную, откуда вернулся с тюбиком мази. Сев рядом с ней, он начал аккуратно, почти невесомо, втирать мазь в её запястья. Его пальцы были тёплыми и осторожными, и Даша чувствовала, как это прикосновение снимает боль — не только физическую, но и ту, что была внутри.

— Ещё где-то есть? — спросил он, не поднимая глаз.

— Нет, больше нигде, — ответила она. — Спасибо тебе.

Он закончил с запястьями и перешёл к ноге. Его руки касались её кожи, и Даша затаила дыхание, чувствуя, как по телу пробегает дрожь — не от холода, а от его близости.

— Почему ты мне раньше не сказала, что у тебя синяк на ноге? — спросил он, поднимая на неё глаза.

Даша отвела взгляд, чувствуя себя неловко. Она не могла объяснить, что боялась показать ему свою уязвимость, боялась, что он увидит её уязвимость и отвернётся.

— Не знаю... — прошептала она. — Наверное, не хотела, чтобы ты переживал.

Никита вздохнул и взял её за руку, заглядывая в глаза:

— Даша, насчёт таких вещей не молчи никогда. Поняла? Что бы ни случилось — говори мне. Я здесь, чтобы помогать тебе, а не чтобы судить.

Она кивнула, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы, но сдержала их.

Настало время спать. Даша почувствовала, что слабость накатывает на неё с новой силой. Нос был заложен почти полностью, горло саднило, и голова начала пульсировать тупой, ноющей болью. Она чувствовала, как внутри неё поднимается жар, как тело становится горячим и тяжёлым.

— Я пойду лягу, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Хочу лечь пораньше.

Никита внимательно посмотрел на неё, но ничего не сказал. Он знал, что она не хочет показывать ему свою слабость. Даша легла в кровать, но почти сразу поняла, что уснуть не

сможет. Её мучили кошмары, когда она спала одна. Они тянулись из самого детства — тёмные фигуры, душащие её, чёрные тени, садящиеся на грудь, от которых нельзя было убежать. С годами образы менялись, но страх оставался. Сначала это было безликое чудовище, затем оно приобрело черты Максима, и теперь даже в полудрёме она чувствовала его руки на своей шее.

Она подозвала Никиту, и голос её дрожал:

— Никита... Пожалуйста, а ты можешь остаться со мной сегодня тоже?

Никита уже ложился в своей комнате, но, услышав её голос, сразу пришёл. Он сел на край её кровати:

— Конечно.

Даша замялась, чувствуя себя неловко:

— Мне неудобно просить тебя об этом. Но когда я сплю одна, мне снятся кошмары. С самого детства. Одно и то же: кто-то чёрный садится на грудь и душит. Потом... это существо стало похоже на Максима. Я не могу от этого избавиться.

Никита молчал, слушая её. Он видел, как она дрожит, как её голос ломается на полуслове. Он понял, что это не просто детский страх — это была глубокая травма, которая въелась в её душу.

— Ты не одна, — сказал он мягко. — Я буду рядом. Никто не посмеет тебя тронуть, даже во сне.

Он лёг на кровать рядом с ней, и она снова положила голову ему на грудь, чувствуя, как его руки обнимают её. Он начал гладить её волосы, и его движения были такими нежными, что Даша почувствовала, как напряжение покидает её тело. Но вдруг он ощутил, что её тело стало горячим, почти обжигающим. Он нахмурился и коснулся ладонью её лба — она горела.

— Даша, у тебя жар, — сказал он, и в его голосе прозвучала тревога. — Ты болеешь.

Даша только слабо улыбнулась:

— Я знаю... Просто побудь со мной. Пожалуйста.

Никита притянул её ближе, укрывая одеялом, и почувствовал, как её дрожь постепенно утихает под его теплом. Он обнял её крепче, словно пытаясь оградить от всего мира — от боли, от страха, от прошлого.

— Я никуда не уйду, — прошептал он. — Спи.

Она закрыла глаза, чувствуя, как его руки оберегают её, как его сердце бьётся рядом с её ухом, как его дыхание согревает её щёку. И она почувствовала, что ей не страшно. Что она в безопасности. Дождь за окном стихал, превращаясь в лёгкий шёпот. Ночь окутала их своей тишиной, и в этой тишине, в этом тёплом объятии, Даша провалилась в глубокий, спокойный сон. Без кошмаров, без теней — только его руки и его дыхание, которые согревали её, как самый родной огонь в самом тёмном лесу.

Глава 30. Жар и нежность

Среди ночи Никита проснулся от того, что тело Даши стало совсем горячим, почти обжигающим. Она лежала рядом, и её дыхание было прерывистым, поверхностным — она дышала ртом, потому что нос был заложен полностью. Её немного знобило, и она всё сильнее и сильнее прижималась к нему, словно ища в его тепле единственное спасение от охватившего её холода. Но она не решалась сказать ему об этом. Она просто молча лежала, стиснув зубы, и пыталась не думать о боли, которая пульсировала в висках, о жжении в горле, о том, как всё тело ломило от слабости. Никита открыл глаза и сразу понял, что она не спит. Он слышал её тяжёлое дыхание, видел, как она напряжена, как её плечи дрожат под одеялом.

— Даша, — сказал он тихо, но в голосе его звучала твёрдая забота, — я скоро буду ругать тебя, потому что ты молчишь о том, что тебе плохо.

— Я не хотела будить тебя, — прошептала она, и голос её звучал глухо, с хрипотцой.

Никита привстал на кровати и коснулся рукой её лба. Кожа была горячей, влажной. Он провёл пальцами по её щеке, по шее — везде было жарко, и он чувствовал, как её тело дрожит от озноба. Футболка, в которой она спала, была мокрой от жара. Даша тоже присела на кровати, обхватив руками колени, и положила голову на них. Её волосы упали вперёд, скрывая лицо, и она выглядела такой маленькой, такой беззащитной.

— У меня так сильно болит голова... — прошептала она.

Никита уже был на ногах, действуя быстро и уверенно, как человек, привыкший заботиться о других.

— Слушай, сейчас надо сначала померить температуру, — сказал он, направляясь в ванную.

Он вернулся с градусником, поставил воду в чайнике греться, достал из аптечки лекарства и баночку с мёдом. Всё было продумано и приготовлено, пока она сидела на кровати, с трудом удерживая голову.

— Давай, — сказал он мягко, подходя к ней, — я сам поставлю градусник.

Он аккуратно засунул градусник ей под мышку, затем сел рядом и начал осторожно массировать ей виски, снимая напряжение.

— Я сделаю тебе массаж головы, дам лекарства, и тебе станет легче, — говорил он, и голос его был спокойным, убаюкивающим. — Завтра ты никуда не пойдёшь. Будешь лечиться дома, а я останусь с тобой. Я не могу оставить тебя одну в таком состоянии. Так что не переживай — я позабочусь о тебе.

Даша покачала головой, хотя это движение отозвалось болью в висках:

— Не стоит, Никита. Из-за меня ты пропустишь школу. Да и это всего лишь температура. Ничего страшного...

Она не успела договорить, как он посмотрел на неё серьёзно, с той особой твёрдостью, которая не допускала возражений. Даша замолчала, потому что поняла: говорить тут что-то бесполезно. Он уже принял решение, и переубедить его было невозможно. Никита достал градусник и посмотрел на шкалу — 38,2. Он нахмурился:

— Да, в школу тебе завтра точно нельзя. И вообще, сейчас главное — сбить температуру.

Он пошёл на кухню и через минуту вернулся с чашкой горячего чая, чей аромат разнёсся по всей комнате — терпкий, с нотками бергамота и мёда. Он добавил туда сладкого мёду и подал ей вместе с жаропонижающим лекарством.

— Пей, — сказал он. — Через двадцать минут должно полегчать. И тебе нужно переодеться, ты вся мокрая.

Он достал из шкафа свою длинную чёрную футболку и лёгкие белые штаны, протянул ей, а сам отвернулся, давая ей возможность переодеться. Даша быстро сняла мокрую пижаму и надела его одежду. Футболка была мягкой, большой, пахла им — тем особым запахом, который она уже научилась узнавать среди тысяч других. Она чувствовала, как он окутывает её, как будто он сам обнимает её.

— Готово, — тихо сказала она, и Никита повернулся.

Они сели на кровать друг напротив друга. Он взял небольшую баночку с ментоловой мазью, нанёс немного на пальцы и начал массировать ей виски и затылок. Аромат ментола разнёсся по комнате, освежая и прочищая дыхание. Даша закрыла глаза, чувствуя, как его сильные, уверенные руки снимают напряжение, убирают боль, которая пульсировала в голове. Затем он перешёл к её шее — аккуратно, почти невесомо, но достаточно сильно, чтобы мышцы расслабились. Она открыла глаза и посмотрела на него. Он был без футболки, только в серых штанах. Его тело было совершенным — широкие плечи, рельефная грудь, ключицы, на которых поблескивал свет. Она хотела дотронуться до его плеч, провести рукой по его шее, по груди, по спине. Хотела прижаться к нему крепче, покрыть поцелуями его тело, взять его за руку. Она так долго смотрела ему в глаза, что почувствовала, как её мысли становятся слишком неприличными, и поспешно отвела взгляд, чувствуя, как краска заливает её щёки, идущая не только от жара. Головная боль немного прошла, жар чуть спал, но по-прежнему было холодно. Даша обхватила себя руками:

— Мне холодно.

Никита улыбнулся, и его глаза потеплели:

— Я тебя согрею. Иди ко мне.

Они легли вдвоём, и он укрыл её одеялом, прижимая к себе. Даша чувствовала, как его тепло проникает в неё, как его сильные руки обнимают её, как его сердце бьётся рядом — ровно, надёжно, как самый верный маяк. Она положила свою руку ему на плечо, чувствуя под пальцами его горячую, живую кожу. Его лёгкая щетина покалывала её лоб, но ей это нравилось — это было реально, по-настоящему. Никита запустил руку в её волосы, начал гладить их, и Даша почувствовала, как напряжение отпускает её окончательно. Она закрыла глаза и медленно, но уверенно провалилась в глубокий, спокойный сон без сновидений, без кошмаров, без теней. А Никита не спал. Он смотрел на неё, на её лицо, освещённое мягким светом ночника, на её сомкнутые ресницы, на её расслабленные губы. Он чувствовал, как во сне она прижимается к нему крепче, словно ища защиты, и тогда он обнимал её крепче, чтобы она чувствовала себя в полной безопасности. Он знал, что сейчас она видит спокойный сон, и его душа наполнялась тихой радостью оттого, что он смог подарить ей это.

В комнате было тихо. Лишь размеренное дыхание Даши и ровный стук его сердца нарушали тишину. За окном утихал дождь, оставляя лишь мокрый блеск на стекле. Где-то вдалеке

слышались редкие шаги прохожих, но весь мир словно замер, оставляя их двоих в этой тёплой ночи — в этой их собственной вселенной.

Глава 31. Утро в объятиях

Солнечные лучи робко пробивались сквозь ещё влажное после дождя окно, окрашивая комнату в тёплые тона. Октябрьское утро было тихим и прозрачным, как хрусталь. Последние кленовые листья, ещё не успевшие опасть, медленно кружились в воздухе, словно прощаясь с деревьями перед долгим зимним сном. За окном был особый, осенний мир, где всё замирало в ожидании покоя. Это время года всегда навевало на Дашу мысли о тишине и уюте, о доме, где можно укрыться от холода под тёплым пледом с чашкой ароматного кофе. Она лежала, проснувшись ото сна, и смотрела, как солнечные зайчики играют на потолке. В голове медленно, словно вязкий мёд, текли мысли. Она думала о временах года, о том, как каждое из них по-своему прекрасно и таинственно. Осень — словно тихий вечер после тяжёлого дня, когда можно скинуть усталость и расслабиться под семейный фильм с любимым человеком. Зима — как глубокая, загадочная ночь, когда мир погружается в сон, а зимний лес манит своей таинственной тишиной. Весна — пробуждение, утро, когда всё начинает дышать новой жизнью. Лето — разгар активности, яркий день, полный красок и света. Природа была для неё как живой организм, дышащий в унисон с человеческой душой. Эти мысли убаюкивали её, наполняя внутренним покоем.

Рядом с ней, ровно и спокойно, дышал Никита. Он спал, и его лицо было безмятежным, расслабленным. Она смотрела на него, и в груди разливалась такая тихая радость, какой она никогда не испытывала прежде. У неё никогда не было такого утра — проснуться рядом с тем, кто заботится о тебе, кому ты небезразлична и к кому ты сама испытываешь глубокие, трепетные чувства. Она хотела касаться его снова и снова, чувствовать его тепло, ощущать его дыхание на своей коже.

Даша осторожно придвинулась ближе и вдохнула его запах. Это был тёплый, живой аромат с оттенками свежих трав и чего-то неуловимо родного. Она не могла понять, что это за парфюм, но этот запах успокаивал её лучше любых лекарств. Она хотела раствориться в нём, утонуть в этом блаженном ощущении безопасности и принадлежности. Она перевела взгляд на его лицо. Густые тёмные брови, длинные ресницы, которые отбрасывали тени на высокие скулы, прямой нос, лёгкая щетина, придающая ему мужественность, и губы... Его губы были такими мягкими, манящими. Ей безумно хотелось поцеловать их, но она сдерживала себя, боясь спугнуть этот момент. Вместо этого она просто лежала, ощущая тепло его тела рядом, слушая его дыхание. Глаза её закрылись сами собой, и она снова провалилась в сладкую дрему.

Ей приснился сон. Лето. Яркое, знойное, наполненное ароматами цветов и трав. Она стояла в небольшой деревне, где деревянные дома с резными наличниками прятались в зелени садов. Вокруг ни души — только она и бескрайнее поле, уходящее за горизонт. Там паслись лошади: гнедые, вороные, караковые — их много, и они кажутся ей такими прекрасными, что у неё захватывает дух. Она подходит ближе, протягивает руку, и одна из лошадей доверчиво тычется носом в её ладонь. Она гладит её, чувствуя, как шерсть щекочет пальцы. И вдруг кто-то приближается. Она поднимает глаза и видит белую лошадь, а на ней — парня. Его лица она не различает, но знает, что это он. Он протягивает ей руку, и она, не раздумывая, берёт её. Он помогает ей сесть на лошадь позади него. Она обнимает его за талию, чувствуя, как

ветер играет с её волосами. Они мчатся по полю, а по обеим сторонам дороги цветут цветы всех оттенков: розовые, красные, синие, жёлтые, оранжевые. Их аромат заполняет всё вокруг, смешиваясь с запахом разгорячённых лошадей и тёплой земли. Они смеются, и ветер уносит их голоса вдаль.

Даша проснулась на этом моменте и поймала на себе взгляд Никиты. Он уже не спал и смотрел на неё с лёгкой, тёплой улыбкой.

— Ты улыбалась во сне, — сказал он тихо. — Что тебе снилось?

Даша смутилась, чувствуя, как краска заливает её лицо. Она отвернулась и поспешно сказала:

— Кошмар снился.

И привстала на кровати, стараясь скрыть свои чувства. Но Никита, хитро прищурившись, усмехнулся:

— От кошмаров так не улыбаются.

Даша почувствовала, что он видит её насквозь, и это одновременно смущало и грело её сердце. Никита протянул руку и проверил её лоб. Температура была, но уже не такая высокая, как ночью.

— Как твой нос? Горло? — спросил он заботливо.

— Немного першит, а нос всё равно заложен, — ответила Даша, чувствуя слабость и сонливость.

— Ничего, я тебя вылечу, — сказал он, и в его голосе звучала такая уверенность, что она поверила — всё действительно будет хорошо.

Он встал и направился на кухню. Даша сидела на кровати, обхватив колени руками, и думала. «Когда я успела так сильно влюбиться? Это похоже на сказку. Но все сказки когда-нибудь заканчиваются. А что, если эта закончится, когда я вернусь в реальность? Что, если он уйдёт, когда я стану ему не нужна?» Её сердце сжималось от этих мыслей. Она боялась поверить в своё счастье. Слишком много раз её обманывали. Слишком много раз она оставалась одна. Но сейчас, в этой комнате, наполненной солнечным светом и теплом его присутствия, ей хотелось верить, что эта сказка будет длиться вечно.

— Даша, завтрак готов! — донесся его голос с кухни.

Она медленно поднялась, чувствуя лёгкую слабость, и прошла на кухню. На столе её ждали тарелка с овсяной кашей, украшенной ягодами и мёдом, и чашка травяного чая с лимоном. Никита стоял у плиты, наливая себе кофе. В утреннем свете он казался ей почти нереальным — таким сильным, красивым и заботливым.

— Садись, — сказал он, пододвигая стул. — Ешь. Тебе нужно набраться сил.

Даша села, взяла ложку и начала есть. Аппетита почти не было, но она заставляла себя проглотить несколько ложек, чтобы не расстраивать его. После завтрака он дал ей лекарство, и они перебрались в гостиную, где на диване их уже ждал уютный плед и ноутбук.

— Сегодня у нас марафон ужасов, — объявил Никита, садясь рядом и накрывая её пледом. — Как тебе «Заклятие»?

Даша улыбнулась — это был один из её любимых фильмов.

— Давай глянем, — кивнула она.

Они начали смотреть первую часть. Погружаясь в мрачную историю о паранормальных явлениях, они обсуждали происходящее, переживали за героев и не могли оторваться от экрана. Затем пошли вторая и третья части. Между ними они пили ароматный чай с бергамотом и мёдом, спорили о том, какая часть лучше, как бы они поступили на месте героев и что бы делали, если бы столкнулись с демоном.

— Я бы не стал бежать, — говорил Никита. — Я бы вступил в бой. Но сначала изучил бы его слабые стороны.

— А я бы попыталась договориться, — призналась Даша. — Может быть, за этим злом стоит какая-то боль. Но если бы он не пошёл на контакт, я бы просто ушла и не оглядывалась.

— Умно, — усмехнулся Никита. — Но иногда зло не даёт тебе уйти.

Они смотрели фильмы до вечера, уютно устроившись на диване, и Даша чувствовала, как её тело наполняется теплом — не только от пледа, но и от его близости, от его смеха, от того, как он иногда касался её плеча, когда она вздрагивала от страха.

Так пролетели несколько дней. Дома, в тишине и покое, Никита лечил Дашу, готовил ей тёплые напитки, следил за её состоянием, укутывал в пледы, рассказывал забавные истории и слушал, как она говорит о книгах, о жизни, о мечтах. Их эмоциональная связь крепла с каждым часом, с каждым разговором, с каждым прикосновением. Она медленно выздоравливала. Жар ушёл, горло перестало болеть, и сила возвращалась в её тело. Но вместе с выздоровлением пришло осознание, что этот уютный мир, где они были только вдвоём, скоро закончится. Им обоим снова нужно было идти в школу — в ту реальность, где их ждали Катя, одноклассники и все сложности, которые они оставили за порогом.

Но сейчас, сидя на диване, обнявшись и глядя на вечернее небо за окном, Даша не хотела думать о завтрашнем дне. Она хотела остаться здесь, в этом моменте, где их было только двое, где было тепло, безопасно и так по-настоящему.

Глава 32. Месть или справедливость?

Настали школьные будни. Конец октября встретил их серым небом и мелкой моросью, которая, казалось, проникала сквозь одежду, оседая холодом на коже. За окном деревья стояли голые, лишь редкие ёлки сохраняли свою зелёную хвою, словно напоминая о том, что жизнь продолжается даже в этом увядании. Вместе с дождём шёл мелкий снег — первые робкие снежинки, предвестники ноября, самого серого месяца осени, когда мир замирает в ожидании зимы.

Даша и Никита уже были в школе. В классе было непривычно после недели, проведённой в уюте, среди тёплых пледов и долгих разговоров. Теперь их окружали шумные одноклассники, стук парт и запах школьных коридоров. Даша чувствовала себя немного чужой в этом мире, который на время перестал быть её реальностью. Одноклассники были заняты своей жизнью, за исключением Кати и её подруг. Те снова шептались, поглядывая в сторону Даши с тем же холодным презрением, которое уже стало привычным. Но Даша старалась не обращать на них внимания. Она знала, что рядом с ней Никита, и этого было достаточно, чтобы чувствовать себя защищённой.

Никита был хмурым. Он сидел, сжимая ручку, и его взгляд то и дело устремлялся в сторону Кати. Он никак не мог забыть о том, что они сделали с Дашей. Та картина — Даша, лежащая без сознания, полураздетая, Кирилл с телефоном в руках — стояла перед его глазами, и он чувствовал, как гнев поднимается в нём, как горячая лава. Он хотел отомстить им всем. И Кате, и её подругам, и её друзьям, и Насте, чтобы они знали, что не стоит больше приближаться к Даше. Но месть должна быть не только жестокой, но и благоразумной. Он не был таким, как они, он не опускался до грязных игр. Он искал способ, который заставит их дрожать от страха, но при этом оставит его чистым перед законом и собственной совестью.

Даша сидела рядом и читала учебник по математике. Она пыталась понять тему, но цифры и формулы расплывались перед глазами. Она раздражённо вздыхала, перелистывая страницы, и её брови хмурились. Никита отвлёкся от своих мыслей и посмотрел на неё, заметив её беспокойство.

— Давай я тебе объясню? — предложил он, и в его голосе послышалась нежность.

Даша с облегчением кивнула. Он начал объяснять, терпеливо разбирая каждый шаг, показывая, как применять формулы. Она что-то припоминала из домашних занятий, но многое всё равно оставалось неясным. Она слушала его, пытаясь уловить смысл, и чувствовала, как его присутствие успокаивает её.

Прозвенел звонок, и в класс вошла строгая учительница — женщина лет пятидесяти, с острым взглядом и вечно недовольным лицом. Она положила на стол стопку листов и ледяным голосом объявила:

— Так, сегодня у нас контрольная работа. Два варианта. Никаких шпаргалок, никаких разговоров. Если я увижу, что кто-то списывает, я выгоню из класса сразу же и поставлю два. Начинаем.

Она начала писать на доске примеры, и Даша почувствовала, как сердце бьётся быстрее от нарастающего волнения. Тема была по логарифмам — самая сложная для неё. Она смотрела на доску и не видела ни одного знакомого символа.

— Никита, — прошептала она, чувствуя, как паника поднимается внутри, — я вообще ничего не понимаю. Я завалю эту контрольную... Я не знаю, что делать, как решать это?

Никита положил свою руку на её и сжал пальцы, передавая ей свою уверенность:

— Не переживай. Я помогу тебе. Я решу твои примеры, главное — води себя спокойно, чтобы учительница не заметила.

Даша выдохнула, чувствуя, как напряжение уходит. Она улыбнулась ему, и её глаза благодарно блеснули. Началась контрольная. В классе было шумно — кто-то шептался, передавая листы с решениями, кто-то списывал с телефона, пряча его под тетрадь. Учительница не могла уследить за всеми, и Никита воспользовался этим. Он быстро, но аккуратно переписал решения для Даши, затем сделал свои, и они успели сдать работу до звонка.

Когда урок закончился, Даша облегчённо выдохнула:

— Спасибо тебе. Без тебя я бы точно провалилась.

Никита улыбнулся, но его взгляд снова стал серьёзным. Он перевёл глаза на Катю и её компанию, которые уже собирались выходить из класса. В его голове зрел план. Он знал, что должен защитить Дашу, и защитить по-настоящему.

Он подошёл к Даше и тихо сказал:

— Даша, посиди пока здесь. Мне нужно кое-что сделать.

Она нахмурилась, но не стала спрашивать. Она видела, что он был настроен решительно, и доверилась ему.

Никита вышел в коридор, догнал Катю и её подруг у лестницы. Они остановились, усмехаясь и переглядываясь, когда увидели его.

— О, Никита, — протянула Катя с насмешливой улыбкой. — Что, соскучился по мне уже?

Никита не дал ей договорить. Он шагнул вперёд, и его голос был ледяным и твёрдым, как сталь:

— Катя, ты думаешь, я забыл, что вы сделали? Вы подмешали что-то Даше, вы позволили Кириллу напасть на неё. Я не собираюсь мстить вам грязными методами, как вы. Но у меня есть кое-что другое.

Он выдержал паузу, глядя им в глаза. Катя замерла, её самоуверенность начала давать трещину.

— У меня есть свидетель, — продолжил он спокойно. — Один из твоих дружков, который видел, как вы подсыпали что-то в бокал Даше. И он готов дать показания. У меня также есть запись разговора, где ты обсуждала свой план с подругами. Так что если ты или кто-то из вашей компании ещё раз приблизится к Даше, я передам всё это директору школы и в полицию. Ты хочешь, чтобы твоя жизнь была разрушена, Катя? Хочешь, чтобы твои родители узнали, чем ты занимаешься? Я могу сделать так, что тебя исключат из школы и у тебя будут проблемы с законом.

Катя побледнела. Её подруги испуганно переглянулись.

— Ты блефуешь, — прошептала она, но голос её дрожал.

Никита усмехнулся холодно:

— Хочешь проверить? Я даю тебе последний шанс. Оставь Дашу в покое. Прекрати свои грязные игры. Или ты пожалеешь, что родилась.

Он не стал ждать ответа. Развернулся и пошёл обратно в класс, оставляя Катю и её подруг стоять в коридоре с перекошенными от страха лицами. Он знал, что это сработало. Катя не была душой, она понимала, что Никита способен на всё, если речь идёт о защите Даши.

Когда Никита вернулся в класс, Даша подняла на него вопросительный взгляд. Он только улыбнулся и сел рядом, беря её за руку.

— Всё в порядке, — сказал он. — Больше никто не посмеет тронуть тебя.

Даша не знала, что именно он сделал, но чувствовала, что его рука сжимает её ладонь с твёрдой уверенностью. Внутри неё разливалась благодарность, смешанная с восхищением. Она смотрела на него и думала: Он мой защитник. И я буду его беречь так же, как он бережёт меня.

За окном шёл мелкий снег, и мир за стеклом казался холодным и враждебным. Но здесь, в классе, рядом с ним, ей было тепло и спокойно. И она знала, что это только начало. Их история продолжалась.

Глава 33. Новый коварный план

Катя стояла в пустом школьном коридоре, глядя вслед уходящим подругам, и чувствовала, как гнев пульсирует в каждой клетке её тела. Её лицо было бледным, губы сжаты в тонкую линию, а пальцы нервно сжимали край рукава. Она не привыкла, чтобы ей перечили. Она не привыкла проигрывать. Но сейчас она осталась одна — брошенная теми, кто ещё минуту назад был на её стороне.

— Трусихи, — прошептала она с ненавистью, провожая взглядом удаляющиеся спины подруг. — Вы ещё пожалеете, что бросили меня. Я вам это припомню.

Сердце её колотилось от гнева и унижения. Никита посмел пригрозить ей. Даша посмела занять место рядом с ним. А теперь даже собственные подруги отворачиваются от неё, боясь проблем. Но Катя не была из тех, кто легко сдаётся. Ей нужен был план. И она его придумает.

Она не собиралась сидеть сложа руки и позволять какой-то серой мышке отобрать то, что принадлежало ей по праву. Она прислонилась к стене, закрыла глаза и начала обдумывать свои дальнейшие шаги. Мысли перебирались одна за другой, как бусины на нитке. «Настя знает про какого-то Максима. Это уже что-то. Нужно найти его, сделать так, чтобы он снова появился в жизни Даши. Но как?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.